

Владимир Тимаков

Война, которая изменила мир

2017

УДК 355.01
ББК 63.3(2)622-38
Т 41

*Книга издана при поддержке
Фонда просвещения «МЕТА»*

Т 41 **Тимаков В. В. Война, которая изменила мир.** — Рыбинск :
Медиарост, 2017. – 120 с. ISBN 978-5-906070-88-3

Владимир Викторович Тимаков — демограф, заместитель руководителя Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора.

Автор даёт профессиональные ответы на актуальные вопросы истории Второй мировой войны, вокруг которых до сих пор кипят споры. Как соотносились потери Красной армии и вермахта? Как изменилась судьба народов, присоединённых к СССР в 1939–1940 годах? Каковы были масштабы насилия в советской зоне оккупации Германии?

Анализируя данные экономики и демографии, В. В. Тимаков также пытается объяснить, как связаны перемены, произошедшие на планете за последние семьдесят лет, с итогами Победы 1945 года.

«Война, которая изменила мир» предлагает читателю новую точку зрения на мировую историю в контексте теории «столкновения цивилизаций».

В основу книги положены полемические статьи, ранее опубликованные в газетах «Завтра», «Засечный рубеж», «Новая газета», «Российская газета», на сайтах ВРНС, «Русская весна», «Русская народная линия», Rusnext.ru, Win.ru.

УДК 355.01
ББК 63.3(2)622-38

ISBN 978-5-906070-88-3

© В. В. Тимаков, 2017
© ООО «Арт-холдинг «Медиарост», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Главный итог Второй мировой — глобальное поражение западной цивилизации	6
Кто хотел войны. «Ледокол» и свидетели	16
Зигзаги памяти О проблеме равной ответственности СССР и рейха за разжигание Второй мировой войны	22
Цена Победы и ценности победителей Почему алжирские дивизии не отстояли Париж на своём разъезде Дубосеково?	37
Демография Победы Сколько жизней отдавала советская армия за одного солдата вермахта?	44
Национализм второго сорта, или Синдром фон Штумпфельда	62
Изнасилованная правда Сколько немецких женщин стало жертвами советских солдат весной сорок пятого?	68
Запад отступает Эпоха его триумфа закончилась в сорок пятом	82
Старческая хворь безусловного примата	101
Неизвестный победитель Второй мировой	106
Шанхайская организация сотрудничества: что роднит медведя с тигром?	112

Авантюрный план «Барбаросса», предполагавший разгром СССР до конца лета 1941 года, возник из уверенности гитлеровцев, и значительной части европейцев вообще, в неполноценности русского народа. Ни один европейский штаб, ни одна дипломатическая служба не предполагали, что Россия продержится больше трёх месяцев перед ударами вермахта. Неожиданная жизнеспособность нашей страны вызвала у западных элит настоящий культурный шок.

Великая Отечественная война доказала: Россия не является отсталой, нижей цивилизацией по сравнению с Западом.

Май 1945 года до основания разрушил саму доктрину о существовании «низших» и «высших» рас, народов или культур, — ту самую доктрину, на которую опиралась вековая самоуверенность европейских колонизаторов и вся предыдущая геополитическая стратегия западных держав.

После Красного знамени над Рейхстагом существование мира, разделённого на колонии и метрополии, стало невозможным.

Теперь любые попытки пересмотреть итоги Великой войны, принизить и даже обнулить нашу Победу, столкнуть Россию с пьедестала победителя — это, прежде всего, попытки вернуть утраченное Западом «право первородства», реанимировать поверженную гордыню несостоявшихся властелинов мира.

ГЛАВНЫЙ ИТОГ ВТОРОЙ МИРОВОЙ — глобальное поражение западной цивилизации

Владимир Викторович Тимаков — автор оригинальной исторической концепции, по-новому трактующей смысл и итоги Второй мировой войны, — отвечает на вопросы редакции «Русской Весны. Некст»

Редакция: Владимир Викторович, с Вашим утверждением о поражении Запада во Второй Мировой войне многие не согласятся. Это выглядит необычно и не вяжется с принятыми представлениями.

Что вообще Вы подразумеваете под понятием «Запад»?

Тимаков: Примерно то же самое, что называют Западной цивилизацией Тойнби и Хантингтон, а их предтеча Данилевский называл романо-германским миром. Это группа европейских по происхождению народов с западно-христианской традицией. Сегодня это Евросоюз и англоязычная часть Нового Света.

Редакция: Хорошо, примем деление мира по Хантингтону и Тойнби. Но как же мог Запад проиграть Вторую мировую войну, если линия фронта проходила совсем не между Западом и Востоком? В антигитлеровской коалиции сражались вместе западные страны — США, Великобритания, Франция — и страны других цивилизаций: СССР, Китай. И в лагере Оси присутствовали не только европейские державы, не только Германия с Италией, но и азиатская Япония.

Тимаков: Слишком упрощённо представлять Вторую мировую как столкновение двух указанных коалиций. Германия и Япония, например, числились союзниками только на бумаге, реально они никак друг другу не помогали. Показательно, что Гитлер мотивировал отказ от операции «Морской лев» тем, что после падения Лондона британские колонии в Азии достанутся Японии и «пользы от этого Германии — никакой» [1].

Точно так же Великобритания до декабря 1941 года не была союзником Китая и на определённом этапе войны даже признавала японские

завоевания в этой стране. Только нападение на Сингапур вынудило Лондон занять однозначную прокитайскую позицию в дальневосточном конфликте. А об искренности союза «коммунистов и империалистов», союза СССР и США, который после Карлсхорста и Потсдама мгновенно перерос в холодную войну, говорить и вовсе не приходится.

Если смотреть на историю через призму истории цивилизаций, принимая терминологию Хантингтона, можно разделить Вторую мировую на четыре достаточно обособленные войны:

1) войну Японии против Китая — столкновение Японской и Дальневосточной цивилизаций (оно началось ещё в 1931 году);

2) войну между германцами и англосаксами — за лидерство внутри Западной цивилизации. Эта война, вспыхнувшая в сентябре 1939 года, оказалась наименее кровопролитной из всех четырёх;

3) войну объединённой Гитлером Европы против СССР — столкновение Западной и Российской (славяно-православной) цивилизаций, начавшееся 22 июня 1941 года;

4) войну Японии против англосаксов — столкновение Японской и Западной цивилизаций, развязанное налётом на Пирл-Харбор в декабре 1941 года*.

Совершенно очевидно, что представители разных цивилизаций в этом сплетении конфликтов заключали между собой чисто тактические, вынужденные союзы, а стратегически преследовали разные, зачастую прямо противоположные цели.

Редакция: Но всё-таки западные державы численно преобладали среди победителей, как на европейском, так и на тихоокеанском театре военных действий. Можно ли тут говорить о поражении?

Тимаков: О военном поражении — ни в коем случае. Но о глобальном, историческом поражении — безусловно.

Давайте расширим горизонт наблюдения и окинем взором не только события 1939–1945 годов, но и столетнюю историческую панораму, до и после войны. Что мы увидим?

До середины XX века Запад уверенно шёл к мировому господству. Это был триумфальный рынок, совершённый буквально за три-четыре столетия. Небольшая группа стран, расположенная на одном из полуостровов

* По количеству армейских потерь четвёртый конфликт сопоставим со вторым, но он унёс несравненно больше гражданских жизней, в частности — умерших от голода в брошенных на произвол судьбы колониях.

большого материка (Европа фактически только полуостров Евразии), вдруг стала захватывать всё новые и новые территории и вскоре поставила на колени весь мир. Накануне Второй мировой войны реальную независимость от Запада сохраняли всего две крупные страны — СССР и Япония.

Однако во второй половине XX столетия, сразу по завершении Второй мировой, процесс пошёл в противоположном направлении. Народы мира начали один за другим освобождаться от западного господства и утверждать интересы собственных цивилизаций. Все колониальные империи распались, прямой политический контроль западных держав над миром утрачен.

Редакция: Но влияние Запада на мировую политику и сегодня огромно...

Тимаков: Давайте различать влияние и прямое управление. Все страны влияют друг на друга, и чем они могущественнее, тем сильнее их влияние.

Западная цивилизация остаётся самым мощным игроком на политической сцене, и потому её влияние высоко. Но оно неуклонно снижается, а влияние других цивилизаций на Запад так же уверенно растёт.

Да, Запад, например, сегодня (2015 г.) управляет Украиной, чего не было семьдесят лет назад. Это мы, русские, воспринимаем болезненно, потому что Украина нам близка — и делаем отсюда выводы о возросшем могуществе Запада и его политическом триумфе. Но это наша местническая, провинциальная точка зрения.

В мировом масштабе Запад всё меньше и меньше управляет политической жизнью планеты. Да, Украиной он сейчас может управлять, а своей бывшей «банановой республикой», Никарагуа, — не может. Бывшей своей колонией, Йеменом, — не может. Нищей страной Зимбабве — не может. Вот такие маленькие страны, для подчинения которых раньше было достаточно послать один эсминец, сегодня имеют дерзость презирать вчерашних сагибов. Про Китай, Индию, Иран и говорить нечего — это давно уже самостоятельные центры силы и влияния.

Или возьмите Пакистан — формально это союзник США, его сателлит. Но до Второй мировой войны Пакистан был колонией в чистом виде, его администрация назначалась прямо из Лондона. А попробуйте сегодня покомандовать Пакистаном из Лондона или Вашингтона! Исламабад, когда создавал ядерное оружие, ни у кого не спрашивал разрешения, и когда за американскую резолюцию по Крыму в ООН не стал голосовать — тоже на окрики «старших партнёров» внимания не обращал.

Это закат западного доминирования — причём такой же стремительный, сколь стремительно было восхождение. И начался он сразу после 1945 года.

Редакция: Шпенглер написал про закат Европы сто лет назад, а европейские страны всё ещё ходят в мировых лидерах...

Тимаков: Шпенглер руководствовался довольно туманными культурологическими построениями, а происходящий на наших глазах закат Запада подтверждается неопровержимыми цифрами.

Если в первой половине XX века под прямым административным управлением западных правительств находилось более восьмидесяти миллионов квадратных километров суши, то сейчас — чуть менее тридцати семи.

Если в первой половине XX века к народам западной культуры принадлежало более 23 % населения Земли, и эта доля увеличивалась, то сейчас их менее 11 %, и сокращение продолжается [2].

Если в первой половине XX века на страны Запада приходилось не менее 60 % мирового ВВП, а с колониями — более 75 %, то сегодня вес западной цивилизации в мировой экономике едва превышает 35 % и тоже снижается [2,3].

Можно нарисовать ещё графики в других областях жизни — вооружение, открытия и изобретения, культурная продукция, — везде увидим такую же картину: сначала доля Западной цивилизации на планете возрастала, а потом начала снижаться. И все эти кривые практически синхронно переломились после Второй мировой войны.

Редакция: Но как связаны между собой итоги войны и описанный Вами перелом мировых тенденций?

Тимаков: Чтобы это понять, необходимо найти первопричину стремительного западного взлёта, после которого началось снижение.

Широко распространено убеждение (хотя это не принято выражать в откровенных формулировках), что грандиозные успехи Запада связаны с его имманентным превосходством над другими обществами. Это либо генетическое превосходство, присущее белой «нордической расе», либо ментальное превосходство, приобретённое в результате уникальных мировоззренческих процессов типа Реформации.

Гораздо меньше внимания обращается на то, что Запад стал мировым лидером сравнительно недавно и на протяжении большей части своей

истории отставал от других цивилизаций, например — от Арабского мира и Китая. Я неоднократно публиковал материалы, где доказывал, что монголо-татары, например, не были дикой отсталой ордой, оторвавшей Русь от просвещённой Европы. Наоборот, монголы в эпоху Чингисхана превосходили европейцев по своему организационному и технологическому уровню, и, если бы не были поглощены борьбой за более драгоценный приз, нежели Европа, — за Китай, — они бы с лёгкостью покорили и Германию, и Францию...

Даже в 1750 году, что убедительно доказывает французский исследователь экономической истории Поль Бэрок (см., например, [4] или [5]), душевое производство промышленных товаров в Индии и Китае было сравнимо с британским и несколько превосходило среднеевропейский уровень.

Свой головокружительный рывок Западный мир совершил лишь тогда, когда стал систематически грабить колонии, превратив народы других цивилизаций в своих рабов. Как очень точно выразился британский экономист Эрик Хобсбаум, стартовый капитал для промышленной революции Англия привезла из индийских колоний. Понимаете, англичане захватили страну в десять раз богаче Англии и перекачали львиную долю её богатств на свой маленький остров, создав нигде доселе не виданную концентрацию капитала. Это и породило научно-технический взрыв.

Редакция: А что, ограбление покорённых народов присуще только Западу? Другие цивилизации это разве не практиковали?

Тимаков: Элита победителей обычно грабила покорённые народы, занимая место элиты побеждённых. Но уровень жизни простонародья менялся от этого не слишком заметно — как у завоевателей, так и у завоёванных. А так, чтобы целая национальная, этническая группа становилась коллективным эксплуататором других этносов — это, пожалуй, европейское ноу-хау.

Посмотрите, разве арабы, создав огромный халифат, превратили в оазис благополучия Мекку и Медину? Нет, эти религиозные центры халифата, вместе с его аравийской метрополией, остались бедным регионом, а процветали, по-прежнему, Каир, Александрия, Дамаск. Богатейшей страной Европы под арабским господством стала Испания — гораздо богаче самой Аравии.

То же самое можно наблюдать в Золотой Орде: покорив Хорезм, Булгарию, Русь, наследники Батгя не превратили в центр благополучия Сарай, и окраины в Орде жили не хуже, а то и лучше центра.

То же самое наблюдаем в Османской империи. Да, у османов существовала джизья — дискриминационный налог на «неверных», но его использовали не для обогащения турок-мусульман, а на общегосударственные нужды. А сами турки оставались чуть ли не самым бедным народом, уступая по уровню жизни египетским арабам, евреям, армянам, грекам.

То же самое в России — русские жили чуть ли не беднее всех осёдлых народов империи.

То же самое в Византии — никаких экономических привилегий греков-ромеев перед славянами, сирийцами, армянами или коптами.

И в Великом княжестве Литовском, пока Литва не приняла католичество и не вестернизировалась, никаких экономических преимуществ у литовцев перед славянами не было.

Зато Великобритания, присоединив Индию — страну, которая к началу географических открытий имела примерно тот же уровень душевых доходов, — за несколько веков эксплуатации добилась десятикратного превосходства над своей колонией. При этом уровень жизни индусов за триста лет зависимости ничуть не вырос, а в отдельные периоды даже сокращался [2]. Так колониальная европейская империя отличается от обычной империи западного типа. В ней к социальному делению на высшие и низшие классы (сословия, касты) добавилось этническое деление на высшие и низшие народы.

Редакция: Раса рабов и раса господ?

Тимаков: Совершенно верно. Расовую теорию не камерады Адольфа Шикльгрубера придумали. Эта уверенность в собственном превосходстве, в своём естественном праве помыкать другими народами сидит глубоко в ментальности Западной цивилизации.

Гитлеризм был только апофеозом многовековой эволюции колониального мышления. Гитлер в наиболее циничной форме выразил уже сложившуюся западноевропейскую практику. А по большому счёту, и довоенная Франция, и довоенная Польша не сильно отличались в своей национальной политике от довоенного Рейха. Везде были свои «херренменши» и свои «унтерменши». В Польше, например, роль недочеловеков играли белорусы и украинцы, которые подлежали этнокультурной ассимиляции.

Вот эта идеология, идеология высшей расы, высшей цивилизации, высшей культуры, которая лежала в основе глобального доминирования Запада, была сокрушена в результате Второй мировой войны.

Редакция: Получается, осудив идеологию побеждённой гитлеровской Германии, Запад в какой-то степени осудил сам себя? И подорвал корни своего мирового господства?

Тимаков: В значительной степени так. Но это был вынужденный шаг перед лицом убедительных итогов войны, развенчавших доктрину высших и низших народов.

Прежде всего, Запад утратил монопольное военно-техническое первенство, которое было основой его господства в период строительства колониальных империй. Советско-германское противоборство доказало, что русские способны производить не худшее оружие, в не меньших масштабах и могут не хуже его использовать. Накануне войны мало кто на Западе ожидал, что Россия способна на равных бороться с лучшей армией мира и, в конце концов, победить её.

Возможности русской оборонной промышленности вызвали настоящий культурный шок у европейцев. Потрясённый Йозеф Геббельс выразил это так: «Кажется каким-то чудом, что из обширных степей появлялись всё новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепил из уральской глины большевистских людей и технику в любом количестве» [цит. по: 6].

Редакция: Сейчас часто акцентируют внимание именно на людских массах: мол, количеством задавили...

Тимаков: Да, часто говорят: «залили кровью, завалили трупами...» Это совершенно предвзятое, необъективное суждение. В период коренного перелома, с лета 1942 года до осени 1943-го, Советский Союз располагал существенно меньшими людскими контингентами в целом и призывными в частности, чем фашистская Германия и её ближайшие союзники, участвовавшие в походе на Восток. Это без учёта всей остальной, работавшей на Гитлера, Европы... Об этом я тоже неоднократно писал и посвятил сравнению военных потерь СССР и Германии обширные демографические исследования.

Мы их не трупами завалили, а задавили танками и засыпали снарядами — потому что в самый страшный год, когда враг подошёл к Волге и когда у нас оставалось меньше людей, чем у противника, мы произвели вдвое больше военной техники — чем вся объединённая Европа! Это до основания потрясло убеждённых европейцев в их имманентном научно-техническом превосходстве.

А окончательно осиноный кол в комплекс западного величия был вбит вскоре после войны, когда Россия в рекордные сроки лишила американцев их недолгой ядерной монополии.

Редакция: Неужели победа СССР над Германией так изменила отношение «высшей расы» ко всем другим народам, к азиатам, африканцам?

Всё-таки русские антропологически и культурно близки западным европейцам, почти свои...

Тимаков: Никогда они нас европейцами не считали, как бы ни силились отечественные западники доказывать обратное. Мы для них всегда были варварами, и вдруг эти варвары обнаруживают высокий технический уровень и наносят поражение сильнейшей европейской армии...

Но не меньше потрясли мир японцы, когда три с лишним года успешно сражались с флотом и армией целого блока величайших западных и тихоокеанских государств. До японской агрессии британские стратеги были уверены, что легко разделаются с азиатами, и в расчётах даже приравнивали одного английского солдата к десяти японским. В действительности всё вышло с точностью до наоборот. В первых сухопутных кампаниях (имеются в виду Малайская и Филиппинская операции) японцы нанесли поражения британской и американской группировкам с обратным счётом потерь: более десяти западных воинов к одному японскому [7, 8].

Любопытно то, что Япония оказалась союзником Германии и проиграла войну, но декларируемые ею цели войны были достигнуты. Ведь лозунг японской борьбы звучал так: «Азия для азиатов!»

Понятно, что это был довольно лицемерный пиар, поскольку Токио планировал не освободить азиатские народы, а заменить их европейскими и американскими господами на японских, — но этот пиар подействовал. Жители Индонезии, Индокитая, Филиппин продолжили борьбу под этим лозунгом и выдворили западных колонизаторов. Конечно, на них большое впечатление произвели успехи японской армии: яванцы и вьетнамцы сделали вывод, что западные пришельцы отнюдь не являются непобедимыми.

Редакция: Получается, что Западная цивилизация проиграла Вторую мировую войну не только на советско-германском фронте, но и на Тихом океане?

Тимаков: Да, проиграла везде, где она преследовала колониальные цели покорения или удержания под своей властью «низших народов». Во Второй мировой войне потерпела глобальное поражение доктрина западного колониализма.

Хочу ещё добавить, что Япония, которая действовала в то время очень жестоко и агрессивно, стала таким агрессором не в силу внутренних особенностей Японской цивилизации. На протяжении всей своей истории японцы не совершали колониальных захватов. Их можно назвать наро-

дом-интравертом, больше нацеленным на внутреннее развитие. Но при встрече с европейцами японцы увидели, что не выдерживают конкуренции, и стали Западу подражать. В частности, начали строительство собственной колониальной империи по образцу Британской или Французской. Тоже с народом-господином и народами-рабами.

Это подражание привело Японию к катастрофе, она проиграла войну и всё потеряла. Поэтому подобный образец для подражания был отвергнут в глобальном масштабе. Незападные народы Азии и Африки, обретая независимость, стали предпочитать образец Советской России — страны, которая успешно конкурировала с Западом не за счёт строительства колониальной империи, а за счёт мобилизации внутренних ресурсов.

Больше других преуспел на этом пути Китай. Китай очень сильно пострадал во время Второй мировой войны, но выковал новый цивилизационный стержень вместо старого, сломленного поражениями в девятнадцатом веке.

Всё выше сказанное не позволяет мне считать страны Западной цивилизации победителями во Второй мировой войне. Большинство из них — проиграли, потеряли свои колониальные владения. Англия потеряла Индию, Франция потеряла Индокитай, Голландия — Индонезию, Италия — Ливию и Эфиопию, Польша — западную Белоруссию и Галицию.

Настоящие победители — Советский Союз и Китай, которым победа 1945 года открыла путь в число мировых сверхдержав.

Редакция: А как же США? Вот кто умудрился с самыми малыми потерями сгрести со стола самый большой куш!

Тимаков: Вы правы. Если говорить не о Западе в целом, а о Соединённых Штатах как отдельном государстве, то они, действительно, выиграли больше всех. Мы победили, а они выиграли.

Штаты, по сути, прикупили себе всё рассыпающееся наследство Западной цивилизации. Всё, что успели подобрать. Говоря современным бизнес-языком, занялись санацией близкого к банкротству предприятия и немало в этом преуспели.

Но, если продолжать бизнес-аналогию, то США, получив контрольный пакет Западной цивилизации, всё равно не смогли удержать прежнюю долю Запада на мировом рынке влияния. Вес Запада в мировых делах продолжает сокращаться, он продолжает терять свои бывшие завоевания, остальные цивилизации ведут контрнаступление, и это необратимый процесс, запущенный в итоге Второй мировой войны.

Редакция: Не следует ли из Вашей концепции то, что наши деды погибли на войне ради беспрепятственного переселения мусульман в Европу и роста чайна-таунов в Америке?

Тимаков: Нет, конечно. Они погибли, как минимум, ради того, чтобы мы с Вами жили, русский народ жил, Россия жила.

А если в мировом масштабе оценить русскую победу, то мы боролись против колониальной нацистской доктрины за справедливые отношения между народами. Это принципиально: и против белого расизма, и против чёрного. И против притеснения азиатов европейцами, и против притеснения европейцев азиатами. Справедливость — один из базовых принципов нашей цивилизации. И в современном мире мы тоже можем за него постоять, как стояли наши предки.

2 сентября 2015 года

1. Якобсен Г.-А., Тейлор А. Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995. С. 111.
2. Расчёты, основанные на сопоставимых цифрах по паритету покупательной способности, сделаны по данным: Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. М., 2015.
3. Данные Всемирного банка: «The World Bank. Gross domestic product based on purchasing-power-parity (PPP) valuation of country GDP».
4. Beroch P. Victoires et Deboires. Histoires economique et sociale du monde du XVI siècle a nos jours. Paris, 1997.
5. Atlas Le Monde diplomatique. 2007. С. 156–157.
6. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 2-х т. Т. 1. URL: http://thelib.ru/books/zhukov_georgiy/vospominaniya_i_razmyshleniya_tom_1-read-29.html.
7. Smith C. Singapore Burning. New York, 2006.
8. Morton L. The Fall of the Philippines // University Press of the Pacific. 2004. October 8.

КТО ХОТЕЛ ВОЙНЫ

«Ледокол» и свидетели

Лет пятнадцать-двадцать назад, когда начался пересмотр всей русской истории, очень популярной стала концепция Владимира Резуна (Суворова), изложенная в книге «Ледокол». Резун утверждал, что удар, нанесённый Гитлером 22 июня 1941 года, носил исключительно превентивный, упреждающий характер. Гитлер-де опередил Сталина всего на две недели, и если бы 22 июня немецкие дивизии не пересекли границу с запада на восток, то очень скоро советские дивизии поступили бы точно так же, только двигаясь с востока на запад. Была даже обозначена дата запланированной «советской агрессии» против германского рейха — шестое июля.

Продвижению своей скандальной концепции Резун посвятил всю свою жизнь, точнее, всю свою жизнь после того, как он, бывший советский разведчик, покинул Родину и перешёл на сторону НАТО. Им собрана масса косвенных доказательств надвигающейся на Европу сталинской агрессии — можно сказать, что любой факт подготовки СССР к грядущей войне трактовался им как доказательство агрессивных планов Кремля. Доказательства, на поверку, довольно хлипкие, но нашлось много желающих им поверить. Мания пересмотра истории захлестнула отечественную интеллигенцию как цунами: хотелось опрокинуть всю прежнюю картину мира и овладеть новым, прежде скрытым, сенсационным «знанием».

Патриотический подъём, происходящий в России сегодня, снял вопрос «превентивного удара» с повестки дня. Для большинства соотечественников сама постановка вопроса о вине нашего государства в Великой Отечественной войне снова, как и в советские времена, кажется кощунственной. Но проблема не канула в небытие. У Резуна остались приверженцы в либеральной и нацистской оппозиции внутри России, и особенно много в тех бывших республиках СССР, граждане которых в 1941–1945 годах сильнее других отметились в коллаборационизме. Как только в России настанут трудные, неустойчивые времена, все старые счета будут немедленно предъявлены снова.

В споре о том, кто хотел начать войну и кто был её инициатором, очень пригодятся дневники Юхо-Кусты Паасикиви, премьер-министра Финляндии в послевоенный период [1]. В 1941 году, накануне агрессии, Паасикиви служил финским послом в Москве, находясь в самом водовороте предвоенных дипломатических интриг. Известно, что все посольства выполняют функции военной разведки, причём особенно усердно — в условиях мирового политического кризиса. Поэтому оценки любого из высших дипломатов — очевидцев и внимательных наблюдателей развивавшихся событий — выглядят более обоснованными, чем интеллектуальные спекуляции Резуна. Особую убедительность дневнику придаёт то, что он написан в режиме реального времени, в дни интересующих нас событий, без оглядки на то, как в дальнейшем будут трактоваться зафиксированные в нём факты и кому они будут выгодны.

11 марта 41. «...пришёл в 4 ч. к Бухеману... Речь о том же, что и в письме Рюти, — если Германия увидит, что ей не победить Англию, она повернёт против России».

Рюти — это президент Финляндии. Как видим, он, так же как секретарь шведского МИДа Бухеман, причину войны видит не в том, что Германии надо предотвратить вторжение Сталина, а в том, что для Германии это последний способ победить Англию.

К такому выводу приходили многие эксперты того времени. Ведь в распоряжении Англии сохранились огромные колониальные ресурсы, а для европейской промышленности, находящейся под контролем рейха, в 1941 году сырья не хватало. Раньше Европа получала сырьё из колоний, теперь морские коммуникации перерезаны английским флотом. Получить ресурсы для победоносного завершения войны с Лондоном Берлин мог, только завоевав СССР.

12 марта 41. «Талвела был твёрдо уверен в том, что между Германией и Советским Союзом скоро разразится война, что Германия победит Советский Союз за шесть недель».

Убеждение в том, что силы Германии с присоединённой Европой многократно превышают силы СССР и война закончится лёгкой и скорой победой Германии, очень широко распространено среди западных политиков тех лет. С этим мы ещё не раз встретимся в дневниках Паасикиви. Но в устах Пааво Талвела это ощущение безоговорочного превосходства приобретает особенно драматичный оттенок: ведь генерал Талвела был представителем Финляндии на переговорах с германским генштабом при разработке плана «Барбаросса». Такие шапкозакидательские настроения явно не служили сдерживающим фактором для центрально-европейских стратегов, оценивавших перспективы похода на восток.

29 апреля 41. «Рюти рассказал, что... войны между Германией и Советским Союзом можно избежать, если Советский Союз уступит требованиям Германии».

Вряд ли после этой фразы можно сомневаться, что в глазах лидера Финляндии — одного из активных участников будущей войны — инициатором конфликта выступает отнюдь не Сталин, а Гитлер. Это немецкий фюрер выдвигает некие требования, которым Кремль должен уступить.

15 мая 41. «У меня новый французский посланник Бержери... если Германия хочет получить уверенность в получении сырья из Советского Союза, ей нужно начать войну против него и захватить необходимые территории... в военном отношении Германия может это осуществить...»

У французского посла такая же оценка ситуации, как у президента Финляндии. Германия нуждается в сырьевых ресурсах для войны с Англией, получить их она может только в России. Либо захватив её, либо навязав Сталину условия бесплатной или очень дешёвой поставки. В том, что немцы при желании захватят нужные территории и СССР не сможет этому сопротивляться, француз не сомневается.

Кстати, в своих оценках ситуации и финский президент, и посол вишистской Франции опровергают ещё одно, ставшее популярным в девяностые годы, обвинение против СССР. Советский Союз в глазах Рюти и Бержери отнюдь не выглядит пособником рейха, распахнувшим свои сырьевые запасы для нужд агрессора. Торговля, которая велась между нашей страной и рейхом в 1940–1941 годах, отнюдь не удовлетворяла германских запросов и не соответствовала представлениям о «торговом союзе Сталина и Гитлера», которым стало модно попрекать предвоенный Кремль.

17 мая 41. «Словацкий посланник Тисо... Гитлер сосредотачивает очень крупные военные силы на границах Советского Союза. Aufmarsch (подтягивание войск. — В. Т.) будет завершено к концу мая. Эти воинские части Гитлер использует как средство давления для выяснения отношений с СССР... Тисо убеждал, что Сталин во всём уступит и согласится на требования Гитлера. Для Сталина главное — спасти коммунизм... Гитлер не поставит перед Сталиным невозможных требований...»

Ещё один союзник рейха в грядущей войне — Словакия — не сомневается в превосходстве немецкого оружия. Объяснение конфликта похоже на объяснение Рюти и Бержери — немцам что-то нужно от России (вероятно, бесплатные или дешёвые ресурсы), и немцы заставят Сталина их дать.

Позиция Сталина в представлении Тисо — сугубо оборонительная. О каком первом ударе может идти речь? Вопрос стоит о спасении коммунизма, спасении советской страны.

Точно такой же версии насчёт приближающихся событий придерживается и китайский посол:

21 мая 41. «Был с прощальным визитом у китайского посла Шао Ли-цзе... Если война против Англии из-за помощи США затянется, то положение для Германии станет таким, что она не сможет продолжать войну, если не будет получать сырья... Гитлер, таким образом, может счесть себя вынужденным напасть на СССР».

Обратите внимание на тот же мотив: Гитлер будет вынужденным напасть не потому, что ему нужно предупредить удар Сталина, а потому, что затянувшаяся война с Англией оставит его без ресурсов.

Буквально всеми дипломатами, с которым общается автор дневников, Советская Россия вообще не рассматривается как субъект активной политики, тем более как угроза рейху. Субъектами считаются Англия и Германия, а Советскому Союзу отводится роль объекта, хранилища природного сырья, которое в ходе войны одна из великих держав может попросту «приватизировать».

А как же оценивают иностранные дипломаты позицию Сталина?

21 мая 41. «Был у Криппса с прощальным визитом. ...По мнению Криппса, Сталин дойдёт до крайности, чтобы избежать войны».

23 мая 41. «Был с прощальным визитом у иранского посла Саеда. ...Сталин уступит, если Германия не потребует невозможного... Саед слышал, что война начнётся 15 июня...»

23 мая 41. «С прощальным визитом у турецкого посла Хайдара Акта. ...Не верил в возможность войны между Германией и Советским Союзом, так как Сталин не желает её и хочет остаться вне войны».

23 мая 41. «В 5 ч. был у итальянского посла Россо... в отношении войны Германии и России: не верит, что она будет. Сталин желает избежать войны... Германия завязана во многих других местах».

Итак, англичане, персы, турки, итальянцы — представители самых разных наций, как враждебных, так и лояльных рейху, — однозначно оценивают позицию советского лидера: избежать войны любой ценой! Вряд ли они были хуже информированы, чем живший на сорок лет позже Резун.

24 мая 41. «...У румынского министра Гафенку. ...Гафенку считает, что Сталин постарается до самого последнего избежать войны. Но что касается Германии, это сказать трудно».

Один из первых лиц Румынии — ближайшего союзника рейха — не считает Сталина инициатором войны. Чего, конечно, не может сказать о Гитлере. Естественно, ведь румынские воинские части в мае уже разворачиваются для броска через Прут.

Вот ещё несколько подтверждений этого вывода:

26 мая 41. «...У болгарского посланника Стаменова. ...Сталин не осмелится довести дело до войны. Это единственное, что может угрожать его власти».

«...У посла США Штейнхардта. ...Сталин уступит немцам, потому что боится войны».

27 мая 41. «...У афганского посла Ахмед Хана. ...Сталин желает избежать войны. Похоже, Хан полагает, что войну Германия выиграет».

Итак, ни один посол даже теоретически не рассматривает возможность того, что Советский Союз может нанести первый удар. А ведь если бы такая угроза существовала, да ещё в столь очевидной для немцев форме, чтобы спровоцировать Гитлера на превентивное наступление, это невозможно было бы скрыть от разведок других стран.

Экскурс в предвоенное дипломатическое закулисье завершает признание самих германских дипломатов:

13 июня 41. «Был 1,5 часа у Рюти... Шнурре рассказывал, что критический момент времени — 15–20.06. ...Германские военные силы на границе Советского Союза настолько огромны (200 дивизий), что за 2–3 недели они разгромят армии Советского Союза. Вся кампания продлится месяца четыре».

Ни о каких превентивных мерах, ни о какой советской угрозе, ни о какой необходимости предупредить наступление Сталина в дневниках Паасикиви нет и речи, хотя это был бы самый убедительный аргумент для союзников рейха, которых Берлин энергично вовлекал в свои планы. Ведь Шнурре — это не кто иной, как советник германского МИДа, посол по особым поручениям, координирующий взаимодействие между финским генштабом и оперативным отделом ОКВ Германии. В его задачу входило обеспечить самое активное участие Финляндии в грядущей войне.

Но нет, не нашлось у гитлеровцев перебежчика-Резуна, который надоумил бы их таким элегантным образом оправдать агрессию. Они ограничились двумя другими доводами: нам нужны ресурсы и мы настолько сильны, что разгромим русских без труда.

Точно такими же аргументами вдохновлялись испанские конкистадоры, отправляясь в Америку; так рассуждали голландские колонизаторы, захватывая Моллукские острова; так думали британские добытчики чужих сокровищ, снаряжая экспедиции в Индию, и французские завоеватели, покорявшие Алжир. Окружение немецкого фюрера не отличалось большой оригинальностью мышления — это было типичное европейское мышление, приносившее успех на протяжении нескольких веков.

Для оправдания будущих победителей их тезисы, может быть, казались достаточными. Но после того, как Германия побеждена, заслужить такими аргументами снисхождение перед судом истории стало невозможно. Потребовались иные версии, чтобы объяснить катастрофу воинов «высшей расы», не сумевших за несколько недель отнять нужное сырьё и территории у «русских туземцев».

Таким образом банальный колониальный поход за ресурсами — один из огромного ряда аналогичных европейских походов — пришлось маскировать под «защитную меру, призванную спасти европейскую цивилизацию от большевистской агрессии». Перебежчик Резун со своей воспалённой фантазией оказался очень кстати. Публика с удовольствием склонилась на свежую историческую версию.

Да, свежо предание... Но с показаниями свидетелей расходится.

1. Паасикиви Ю.-К. Дневники. Война-продолжение 1941–1944. СПб, 2004.

ЗИГЗАГИ ПАМЯТИ

О проблеме равной ответственности СССР и рейха за разжигание Второй мировой войны

Для нас война началась двадцать второго июня сорок первого года. Для Европы — на два года раньше, первого сентября тридцать девятого.

И вот, семьдесят лет спустя, когда почти не осталось живых свидетелей великой драмы, парламентская ассамблея ОБСЕ обвинила нашу страну в развязывании Второй мировой... Наравне с нацистской Германией. Парадоксально: как мы могли развязать войну, в которой сами поначалу не участвовали? Но желание отнять у России титул освободительницы и усадить её рядом с рейхом на нюрнбергскую скамью подсудимых так велико, что не останавливается перед парадоксами.

Выдвинутая европейскими парламентариями концепция равной ответственности (сталинского СССР и гитлеровской Германии) базируется на трёх китах.

Первый: русские подписали с немцами договор о ненападении.

Второй: с согласия немцев русские оккупировали ряд европейских стран и территорий.

Третий: наравне с немцами русские осуществляли геноцид покорённых народов.

Утверждать такое можно, только смешав полуправду с откровенной ложью. Но даже с помощью этого адского коктейля невозможно навязать нашей стране комплекс вины.

Виновен ли Кремль в подписании Договора о ненападении? Сама по себе формулировка о том, что договор о ненападении означает развязывание войны, выглядит абсурдно. Для нас Договор о ненападении не приблизил, а отложил войну; войну, в неизбежности которой вся Европа была уверена с момента избрания Гитлера рейхсканцлером, — войну между СССР и Германией.

LebensRaum, потенциальное жизненное пространство Германии, лежит на Востоке — это был краеугольный камень нацистской геополити-

ки. Коммунизм подлежит уничтожению — это был краеугольный камень гитлеровской идеологии. Выбор у нас оставался очень небогатый: вступить в войну сразу в тридцать девятом или постараться отодвинуть неизбежный конфликт, изменив его параметры в свою пользу.

Ввязаться в драку и удушить гитлеровскую агрессию в зародыше — вот что от нас задним числом требуют обвинители. Те, кто легко соглашается с ними, страдают от острой формы евроцентризма, когда цивилизованное человечество сжимается до горстки западных наций, а земной шар до размеров Европы.

Между тем на другой стороне Земли, выпадающей из поля зрения евроцентриков, в августе 1939 года происходили события, исключавшие наше военное участие в европейском конфликте. Да, СССР в эти дни уже вёл войну с другим агрессором, на Дальнем Востоке.

Начиная с мая тридцать девятого у наших восточных границ кипело сражение на Халхин-Голе. О масштабах военных действий свидетельствует красноречивый факт: под Халхин-Голом Красная армия уничтожила и пленила около 60 тысяч японских солдат [1]. Это в три раза больше тех потерь, которые сумела нанести вермахту польская армия в сентябрьской кампании 1939 года [2]. И хотя события на Халхин-Голе до сих пор носят скромное название локального конфликта, по своему напряжению это была полномасштабная война, в которой мог увязнуть СССР.

Чтобы понять драматизм ситуации, стоит напомнить: до августа бои под Халхин-Голом шли с переменным успехом, японцы к тому времени заняли значительный участок территории нашего союзника — Монголии. Первоначальное превосходство японских лётчиков в воздухе потребовало перебросить на восток лучших асов нашей страны во главе с легендарным Я. В. Смушкевичем. 20 августа началось генеральное наступление советско-монгольской группировки, спланированное Г. К. Жуковым, но ко дню подписания пакта о ненападении с Германией, решающий успех ещё не был достигнут. 23 августа Жуков ввёл в бой свой последний резерв — 212-ю авиадесантную бригаду. События на Дальнем Востоке качались на весах военной фортуны.

Следует также учесть, что над всем народом России, и над его вождями в том числе, висела тень поражения в Русско-японской войне 1904–1905 годов. В начале века мы допустили легкомысленную недооценку энергичной азиатской нации и больше не могли позволить себе такой роскоши. Заметим, эта роковая недооценка была порождена хроническим евроцентризмом дореволюционной российской элиты (впрочем, характерным для всех европейских элит). Теперь, после уроков Мукдена

и Цусимы, Японии опасались как серьёзного противника, победить которого и один на один будет непросто. Нетрудно вообразить, насколько более тяжёлые последствия ожидалось от войны на два фронта, против Германии и Японии одновременно?

У этих опасений были веские основания. В январе 1939 года к власти в Токио пришла так называемая «северная партия», правительство Хиранумы Киитиро, считавшее предпочтительным направлением дальнейшей японской экспансии советскую Сибирь. Уже к весне был разработан секретный план «Хати-го», предусматривающий полный разгром дальневосточной группировки РККА и оккупацию советской территории вплоть до озера Байкал. Битва под Халхин-голом начиналась именно как прелюдия к «Хати-го», как грандиозная разведка боем, чтобы нащупать брешь в системе обороны Дальнего Востока.

Японцы взламывали наши границы не наобум. Они ждали открытия своего «второго фронта», ждали удара немецкого союзника с запада. Собственно, с расчётом на подобные совместные действия и был подписан ещё в ноябре 1936 года антикоминтерновский пакт. В этой обстановке Договор о ненападении между СССР и Германией означал для Москвы настоящий прорыв между Сциллой и Харибдой.

О том, как велико было разочарование японских партнёров Гитлера, говорит красноречивый факт: уже 30 августа, сразу после подписания советско-германского соглашения, кабинет Киитиро ушёл в отставку. «Северная партия» в Токио уступила место «Южной», в планах которой война с СССР не считалась приоритетом. Новое правительство Нобуюки Абэ поспешило помириться с Москвой.

Так, одним дипломатическим шагом мы гарантировали себе мир на Востоке и на Западе. Недолгий, но всё же мир. А самое главное — обезопасили себя от войны на два фронта. Японцы, обескураженные односторонним шагом Гитлера навстречу СССР, отныне вряд ли могли считать рейх надёжным союзником.

* * *

Одной только этой причины — нерешённого конфликта на Дальнем Востоке — вполне достаточно, чтобы понять: Договор о ненападении с Германией был жизненной необходимостью для Советского Союза. Только те, чья панорама мира ограничена контурами Европы, для кого Азия и другие континенты вынесены за скобки сознания, могут не понимать этого. Однако рассмотрим всё-таки другие варианты действий Кремля. Мог ли Советский Союз выступить против Германии в 1939 году или хотя бы ни о чём не договариваться с ней?

Например, могли ли мы, ввязавшись в драку с Гитлером и сразу же оказавшись в японско-германских тисках, рассчитывать на английских и французских союзников? Нет, не могли.

О том, что западные демократии не будут выполнять союзнических обязательств, уже свидетельствовал пример Мюнхена. Чехословакия была союзником Парижа по «Малой Антанте», но французские гарантии этой стране оказались пустым звуком. Сначала западный союзник, не спросив мнения Праги, сдал гитлеровцам чешские Судеты, а потом предпочёл не заметить поглощения всей остальной Чехословакии.

Аналогично вели себя западные державы и по отношению к Польше. Да, они формально объявили войну Германии, напавшей на Польшу, но дальше формальностей дело не пошло. Амбиции Гитлера можно было остудить не бумажными гарантиями, а парой французских дивизий, заблаговременно высаженных в Гдыне, или британским линкором, зашедшим на рейд польской гавани Вестерплатте. Но таких шагов, говорящих о серьёзности намерений Парижа и Лондона, своевременно сделано не было. Поэтому никакой надежды на западную помощь возлагать было нельзя.

Полагаю, это прекрасно понимали в Москве тридцать девятого. Тем более нелепо рассуждать о создании единой антигитлеровской коалиции сейчас, задним числом, когда всем хорошо известно, как Париж и Лондон предали и Чехословакию, и Польшу. Если за своих ближайших партнёров англичане и французы не стали сражаться, неужели стали бы проливать кровь за идейно и культурно чуждую Советскую Россию? Невероятно!

* * *

А могли мы вообще не вмешиваться в конфликт и не оговаривать с немцами, что займём так называемые «кресы всходны», восточные области Польши, а точнее западные области Украины и Белоруссии? Теоретически да, могли. Помогло бы это Польше? Ничуть.

Советские войска пересекли границы второй Речи Посполитой и двинулись к оговоренным рубежам только 17 сентября, когда польская армия была уже разбита наголову, её остатки погибали в окружённой Варшаве и в других «котлах». Значимый факт: за день до этого, 16 сентября, польское правительство, окончательно утратив надежду, приняло решение покинуть свою страну. Вероятно, советское руководство специально ожидало этого символического дня, чтобы не принимать на себя вину за поражение Польши. Если бы польская армия оказалась более стойкой, если бы на помощь к ней подоспели английские и французские силы, СССР наверняка предпочёл бы остаться «вне игры».

Но, как мы знаем, французы и англичане отсиделись дома, поляки не устояли. Останься СССР в стороне, советско-германская граница в 1941 году проходила бы не в районе Бреста, а в районе Минска. То есть от Москвы врага отделяла бы не 1000, а всего лишь 700 километров. Те, кто считает, что неучастие Советского Союза могло бы предотвратить трагедию сорок первого года, должны начать не с ревизии истории, а с ревизии физики, пересмотрев законы классической механики. Всё-таки, как не крути, преодолеть тысячу километров труднее, чем семьсот. Уступил мы немцам всю Польшу целиком, в сорок первом году (а может, уже в сороковом?!) танки вермахта могли бы оказаться под Химками до наступления осенней распутицы.

* * *

Наконец, остаётся последний умозрительный вариант: не рассчитывая на помощь Лондона и Парижа, воевать против Гитлера в союзе с Польшей. Но готова ли была сама Польша пойти на такой союз? Нет, и ещё раз нет.

Кто враждебнее относился к СССР — Польша или Германия — это большой вопрос. Сами польские лидеры категорически отвергали всякие формы военного сотрудничества, при котором части Красной армии могли появиться на их территории. Руки польского правительства жгло чужое добро — украденные в разгар Гражданской войны белорусские и украинские земли. В Варшаве прекрасно понимали: едва на их восточные территории вступят красные — белорусы и украинцы сразу же восстанут, откажутся от подданства Речи Посполитой.

Для меня эта тема носит совсем не абстрактный характер. Моя бабушка родом из Западной Белоруссии. В тридцатые годы виленская и новогрудская тюрьмы, концлагерь в Берёзе-Картузской были под завязку забиты белорусами — сторонниками объединения с БССР. Так, за симпатии к советской Беларуси, где дети могли учиться «на родной мове», был замучен в Вильне один из наших родственников. Западная Беларусь и Галичина держались в составе Польши только силой штыков, на первом же крутом повороте истории эта искусственная конструкция должна была немедленно развалиться.

Поэтому полноценный военный союз между Москвой и Варшавой был невозможен при единственном условии — в случае разрешения вопроса о «кресах восточных», национального самоопределения белорусского и украинского населения. Для Варшавы это было абсолютно неприемлемо. И совершенно естественно то, что Москва воевать за целостность враждебной Польши, по историческим меркам совсем недавно напад-

шей на нас и отторгнувшей большой кусок нашей территории, не имела никакого желания. Колониальная восточная политика лишила Польшу всякой возможности искать союзников на этом направлении.

* * *

Тут и пора вспомнить про оккупированные Советским Союзом территории, про эти самые «кресы восточные» — второй пункт обвинений ОБСЕ.

Странная какая-то получается оккупация, без единого выстрела. Мы знаем, как гитлеровцы оккупировали Польшу: отчаянная битва на Бзуре, героическое сопротивление Хеля и Вестерплатте, пылающая Варшава. Знаем про жестокие бои в Норвегии и Бельгии, про штурм Афин и Белграда. Ничего подобного не было ни в Белоруссии, ни в Прибалтике, ни в Молдавии. Как можно ставить на одну доску гитлеровскую агрессию 1939–1940 годов и парадный марш советских войск? Как-то не похоже «бархатное расширение» СССР на распространение войны.

Почему же «советской оккупации» никто не оказал сопротивления? Да потому, что все присоединённые земли, за исключением Галичины, на протяжении долгого времени вплоть до 1917 года были частями Российского государства. Всё их взрослое население родилось ещё в России, и в массе своей не воспринимало возвращение «старой Родины» как трагедию. Для большинства белорусов это и вовсе было счастье, праздник национального воссоединения. На администрациях гмин и поветов люди отрывали белый кусок от красно-белого польского знамени и, размахивая самодельными «чырвоными сцягамі», встречали освободителей.

Не спору, в Прибалтике всё шло не так гладко. Там было немало противников присоединения к СССР. Но и сторонников тоже насчитывалось немало. Нельзя с порога заявлять, что голосование балтийских сеймов за вхождение в состав СССР полностью противоречило настроениям тамошних жителей.

При анализе настроений прибалтийского населения (и в целом населения новоприобретённых территорий СССР) редко учитывается такая особенность его этнического состава накануне войны, как наличие многочисленной еврейской общины. В 1939 году на этих землях проживало почти два миллиона евреев. Именно здесь впоследствии собрал свою самую полную жатву холокост. Но до гитлеровского геноцида евреи играли очень весомую роль в социально-политической жизни Бессарабии, «кресов восточных» и Прибалтики. В Литве, например, евреи составляли около 50 % городского населения [3], то есть имели чуть ли не «контрольный пакет» в центрах, где вершится политическая жизнь.

О значении еврейской общины говорит, например, ходовое довоенное прозвание Вильнюса — «восточноевропейский Иерусалим».

Кажется достаточно очевидным, что после «Хрустальной ночи» и захвата Гитлером Чехословакии еврейские граждане прибалтийских государств сознавали надвигающуюся на них беду. Как сознавали и ограниченность своего выбора: либо оказаться под пятой «нового порядка», либо примкнуть к строителям коммунизма. Нет ни тени сомнения, какой выбор сделало большинство евреев в этой обстановке, увлекая своей решимостью немало знакомых литовцев, эстонцев и латышей. Впрочем, среди коренных народов Балтии тоже хватало сторонников Советского Союза, ведь красные эстонские и латышские стрелки в не так уж давно отгремевшей Гражданской войне неспроста оказались весьма ощутимой силой.

* * *

Бесспорно то, что во всех случаях предвоенного расширения СССР на колеблющиеся весы общественного мнения легла тяжесть советских штыков. Но всё-таки эти события нельзя назвать завоеванием. В большинстве случаев это было восстановление прежних границ, возвращение утраченного.

Заметим, произошедшее двумя десятилетиями раньше отделение этих территорий нигде не носило вполне легитимный характер. Странно: сегодня правительства стран, входящих в ЕС, не признают отделения от Украины Крыма и самопровозглашённых республик Донбасса, совершившееся после «революции гидности». Но тогда на каком основании Европа признаёт совершившееся после цикла революций 1917 года отделение от России Прибалтики, Бессарабии и «кресов восточных»? Ведь, в отличие от Донбасса и Крыма, ни на одной из бывших западных территорий Российской империи не проводился даже референдум об отделении.

Так, в случае с Бессарабией, и во время и после Гражданской войны, советское правительство неоднократно обращалось в Бухарест с предложениями урегулировать территориальный спор — самым простым и справедливым путём, проведя референдум среди молдавского населения. Но всякий раз румынские власти отвечали отказом.

Новый статус земель, попавших в орбиту Румынии и Польши, так же как и статус самопровозглашённых прибалтийских республик, возник без всяких легитимных оснований, явочным порядком, когда главным аргументом была сила оружия. Что же удивительного в том, что спустя двадцать лет этот же аргумент был применён другой стороной?

В современных дискуссиях постоянно ускользает из виду, что за двадцать лет до «советской оккупации» исход гражданского противостояния

в странах Балтии тоже решили иностранные штыки. Так, с республикой Советская Латвия в 1919 году покончила немецкая «Железная дивизия». С Советской Эстонией помог разделаться господин Маннергейм. Советскую Литву ликвидировали соединённые части немцев и поляков. Так если в девятнадцатом году западные соседи могли качнуть балтийские весы в сторону «белых», то почему восточный сосед в тридцать девятом не имел права надавить в сторону «красных»? Советские коммунисты не без оснований полагали, что пламя прибалтийской революции было погашено насильно, и сочли, что настало удобное время «исправить историческую несправедливость».

Что касается Бессарабии и «кресов восточных», то они под шумок Гражданской войны в России были откровенно захвачены румынской и польской армиями — без какой-либо оглядки на мнение местного населения.

Нынешнее возмущение польской элиты, требующей осудить СССР и чуть ли не усадить на нюрнбергскую скамью его наследников за силовой возврат ранее утраченных территорий, заставляет вспомнить известную притчу о человеке, видящем сучок в глазу брата своего, но не замечающего бревна в глазу собственном. Разве Польша сама не воспользовалась критическим положением России в 1918–1921 годах, чтобы присоединить территории, которые считала своими? При этом историческая «злопамятность» Варшавы простиралась гораздо глубже в прошлое, чем «злопамятность» красной Москвы. Москва возвращала то, что было потеряно восемнадцатью годами раньше, а Варшава претендовала на границы, утраченные более столетия назад, при разделе 1795 года.

Какие же могут быть претензии к соседу, который отплатил тебе той же самой монетой? С чисто правовой точки зрения Москва в 1939 году действовала точно так же, как Бухарест в 1918-м или Варшава в 1918–1921 годах. Долг, как известно, платежом красен.

* * *

Соглашусь, что такое «исправление исторической несправедливости», которое наша страна предприняла накануне войны, корректным не назовёшь. Однако от гитлеровской агрессии оно отличается, как небо от земли.

Обратим внимание — в те годы силовое расширение границ было общепринятой мировой практикой. Не только восточноевропейские «молодые демократии», Румыния и Польша, но и вполне зрелые западные не гнушались армейскими методами для строительства своих империй. Причём эти методы были куда грубее, чем предвоенные действия Советского Союза.

Вспомним, что после Первой мировой войны народы Сирии и Ирака тоже хотели самоопределения на руинах распавшейся Османской империи — чем они хуже самоопределившихся европейцев: эстонцев или латышей? Но зарождавшаяся сирийская государственность была безжалостно раздавлена французскими войсками. А Ирак приведён к покорности силой британского оружия.

Даже после 1945 года Лондон и Париж предпринимали яростные попытки вернуть в состав своих империй утраченные в ходе Второй мировой войны регионы: Бирму, Вьетнам и многие другие... Эти военные акции оказались несравненно более грубыми и кровавыми, чем бархатное возвращение утраченных регионов Российской империи в 1939–1940 годах. Вспомним, что одна только ожесточённая (правда, в итоге безуспешная) война за подчинение самопровозглашённого Вьетнама длилась в полтора раза дольше Второй мировой войны, с 1945 по 1954 год!

И вот теперь в ОБСЕ пытаются приравнять Советский Союз к германскому рейху за сравнительно бескровное возвращение Прибалтики, зато никаких параллелей между гитлеровской Германией и Францией (за акции во Вьетнаме, Сирии, завоевание республики марокканских рифов), между гитлеровской Германией и Англией (за насилие над Ираком, Бирмой и т. д.) никто не проводит. России постоянно тычут в зубы бескровным присоединением Прибалтики, не давая поблажек даже за то, что ввод войск произошёл в преддверии огромной и страшной войны, требовавшей от красного Кремля максимально отодвинуть на восток исходные рубежи столкновения. В то же время никто не упрекает Францию за кровавую битву под Мейсалуном в 1920 году, когда французские войска растоптали независимость Сирии. Что французы-то забыли на другом континенте, в стране, которая никогда не была частью Франции? Чем можно оправдать имперские амбиции демократического Парижа?

Трудно объяснить существование такой двойной бухгалтерии. Похоже, значительная часть политиков ОБСЕ так и не избавилась от гитлеровской расовой логики: «Европейцы имели право на самоопределение, а азиатам и африканцам оно ни к чему. Лишать независимости латышей и эстонцев нехорошо, а лишать независимости сирийцев и бирманцев нормально». Такая логика возможна лишь в той голове, где народы прочно поделены на «высшие» и «низшие».

Скорее всего, по этой же самой причине, отделение «цивилизованных эстонцев» от России, прошедшее в 1918 году без всякого референдума, признаётся в Европе вполне легитимной акцией, а отделение «русских варваров» от Украины, несмотря на референдумы в Донбассе и Крыму, не признаётся наотрез.

В этом смысле не советские предвоенные лидеры, а современные лидеры ОБСЕ оказываются близкими к гитлеровской расовой практике и подлежат осуждению.

* * *

Констатируем два бесспорных факта. Первый: советское расширение 1939–1940 годов было осуществлено относительно мирным путём. Второй: Сталин старался не заступать за границу бывшей Российской империи, за пределы исторического русского пространства. Этими чертами политика СССР категорически отличалась не только от политики Гитлера, но и от колониальной политики Лондона и Парижа.

«А как же Финляндия?» — вправе спросить читатель. Да, война с Финляндией в ряду «бархатных приобретений» была исключением. Небольшой кусочек земли между Выборгом и Сестрорецком был оплачен ценой немалой крови. Но и это исключение вписывалось в общее правило: Советский Союз лишь исправлял несправедливости, допущенные по отношению к нему два десятилетия назад.

Современные публицисты постоянно упрекают СССР в агрессии против Финляндии. При этом глухой завесой молчания покрыт тот факт, что перед этим Финляндия дважды оказывалась агрессором по отношению к СССР. «Незнаменитая», по выражению А. Т. Твардовского, война 1939–1940 годов была уже третьей по счёту в ряду советско-финских войн.

В нашей стране 23 февраля 1918 года помнят как день рождения Красной армии. Но мало кто знает, что в этот же день главнокомандующий финской армией Маннергейм произнёс так называемую «клятву меча», суть которой: не вкладывать оружие в ножны, пока к Финляндии не будет присоединена Карелия вплоть до Белого моря. Вслед за прозвучавшей клятвой финские войска пересекли бывшую границу автономного Княжества Финляндского и вторглись в российскую Карелию. Затем они захватили Печенгу под Мурманском, весной 1919 года заняли город Олонец, а в июне девятнадцатого, когда междоусобная борьба между «белыми» и «красными» русскими достигла своего апогея, финны форсировали реку Свирь и начали продвижение в глубину нынешней Ленинградской области к юго-востоку от Ладоги.

Уже после того, как финские оккупанты были на большинстве направлений отбиты Красной армией и между СССР и Финляндией был подписан Тартуский мирный договор (14 октября 1920 года), разразилась Вторая советско-финская война, которую в современной терминологии правильно назвать гибридной. Поздней осенью 1921 года большая группа финских добровольцев, в общей сложности около 2500 человек,

пересекла границу СССР и попыталась поднять восстание в Карелии. Немаловажный штрих: возглавлял «повстанческую армию» майор финской армии Пааво Талвела — тот самый Талвела, имя которого мы упоминали во второй главе этой книги и который отвечал впоследствии за военное сотрудничество Финляндии с рейхом.

Очевидно, что финская политическая элита в межвоенный период продолжала жить амбициозными мечтами, порождёнными «клятвой меча», — не случайно с 1931 года Маннергейм, пользовавшийся в стране огромной популярностью, возглавлял Совет обороны Финляндии. Как только Россия снова оказалась бы в тяжёлом положении, эта элита не преминула бы воспользоваться удобной ситуацией для воплощения своих восточных проектов. Накануне надвигающейся большой войны с Германией наличие такого соседа на расстоянии 70 километров от второй столицы СССР выглядело недопустимо опасным.

Советское правительство предложило финскому довольно выгодную, на взгляд объективного наблюдателя, сделку: отодвинуть границу от Ленинграда в обмен на гораздо большую территорию в Карелии (соотношение площади обмена один к трём). У Финляндии появилась возможность мирно получить тот самый регион, за который ещё недавно страна была готова платить жизнями добровольцев Пааво Талвелы. Однако лидеры Финляндии от такого, вроде бы долгожданного, приобретения категорически отказались. Проявленное финской стороной упорство ещё раз доказало Кремлю, что Хельсинки ждёт удобного момента, чтобы взять нужные территории в одностороннем порядке, и в случае большой войны готовится выступить на стороне Германии. Эти опасения сполна подтвердились позже: например, в меморандуме Бормана от 16 июля 1941 года описаны территориальные претензии Финляндии, куда включены Карелия, Кольский полуостров и район Ленинграда.

Такова предыстория битвы за Карельский перешеек, которая завершилась возвращением России на петровскую границу 1721 года.

При этом нелишне помнить, что СССР ни разу не покушался на сам факт финского суверенитета. Ни о каком присоединении Финляндии, независимость которой большевики признали сразу после победы Октябрьской революции, не было и речи. Иначе что помешало бы Сталину добить противника весной сорокового года, когда линия Маннергейма, хоть и с огромными потерями, но всё-таки была прорвана?

Помешала угроза англо-французского вмешательства, скажет досужий адвокат западных демократий? Аргумент сомнительный, мы же знаем, как неэффективно Англия и Франция «вмешивались» в судьбу Польши накануне этих событий. Но допустим, что так. Тогда почему Красная

армия не вступила в Хельсинки летом сорокового, когда Лондону и Парижу стало уже явно не до финнов? Или летом сорок четвёртого, когда нам сам чёрт стал не брат? Нет, с какой стороны не смотри, не получается из советско-финской войны аналога гитлеровской агрессии — только жестокий приграничный спор, продиктованный угрозой приближающейся большой войны, где оба соседа заведомо оказывались во враждебных лагерях.

* * *

Ещё труднее обнаружить в предвоенной политике СССР какие-либо признаки, позволяющие поводить аналогии с гитлеровским геноцидом.

Уточним: геноцидом называются действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую или расовую группу. Ни одна национальная группа, оказавшаяся в пределах СССР, такому воздействию не подвергалась. Как раз наоборот: с приходом Красной армии в 1939–1940 годах геноцид на некоторых территориях был не начат, а прекращён.

Тем, кто рисует картину прекрасной предвоенной Польши, оказавшейся невинной жертвой соседней агрессии, неплохо бы вспомнить, что Польша Пилсудского и Рыдз-Смиглого стирала с лица земли само имя белорусов и украинцев. Шла насильственная колонизация края, отовсюду изгонялся украинский и белорусский язык, были закрыты многие сотни украинских и белорусских школ. Накануне 1939 года на все «кресы восточные» осталось всего четыре школы с обучением на белорусском языке! В перспективе все белорусы и украинцы подлежали ассимиляции.

С целью колонизации западных районов второй Речи Посполитой туда направляли «этнически чистых» польских колонистов-осадников, которых наделяли лучшими земельными участками, отнятыми у местного населения. Например, в Докшицкой гмине, откуда родом мои предки по материнской линии, средний надел польского осадника в 5–15 раз превышал средний надел белорусского крестьянина. На белорусов, которые составляли 80 % земледельческого населения, приходилось менее трети пахотных угодий [4]. Естественно, что уровень жизни у белорусских крестьян был намного ниже, а уровень смертности, соответственно, выше.

После присоединения Западной Белоруссии и Галичины к СССР этническая дискриминация белорусов и украинцев была немедленно прекращена. Обо всём этом надо постоянно напоминать тем варшавским (и не варшавским) политикам, которые сегодня требуют от России одностороннего покаяния, в том числе покаяния перед Польшей.

* * *

А что принесло включение в состав СССР народам Заднепровья и Балтии?

В 1939 году смертность в Молдавии составляла 17 человек на тысячу, средняя продолжительность жизни молдаванина — 48–49 лет. Под «русским господством» к 1960 году смертность сократилась до шести человек на тысячу, средняя продолжительность жизни выросла до шестидесяти трёх лет! [5]

Кроме молдаван на правом берегу Днестра живут гагаузы. Первые школы на гагаузском языке, первые гагаузские газеты и журналы появились только после присоединения к СССР. В Румынии Антонеску этот народ не имел никаких шансов на национальное бытие. Гагаузы, в отличие от некоторых «носителей европейской культуры», спасённых Россией от исчезновения, умеют быть благодарными, и среди них до сих пор царят массовые русофильские настроения.

Наконец, коснёмся «геноцида» народов Прибалтики, которые уже и моральный ущерб успели подсчитать, и счета к оплате подготовили. Накануне присоединения к СССР естественный прирост литовского населения составлял 10,0 промилле, к 1960 году он вырос до 14,7 промилле. В Латвии за это же время перевес рождаемости над смертностью увеличился с 3,6 до 6,7 промилле. Эстонцы при режиме Пятса переживали демографическую стагнацию, это была первая европейская страна, где был зафиксирован отрицательный прирост населения. В СССР тенденция изменилась, к 1960 году ежегодный естественный прирост эстонского населения составил 6,1 промилле [6].

Одной из причин такого прогресса было внедрение в Прибалтике советской — бесплатной и общедоступной — системы здравоохранения. Буквально за одно мирное десятилетие в составе СССР число врачей во всех республиках Балтии в расчёте на десять тысяч жителей выросло примерно втрое [7]. Благодаря этому смертность в каждой из них сократилась приблизительно в полтора раза. По продолжительности жизни народы Прибалтики были лучшими в Советском Союзе, они жили дольше, чем русские. «Угнетённые народы», особенно те, в отношении которых осуществляется «геноцид», так не живут!

За весь советский период прибалтийские народы имели положительный коэффициент роста населения, в разы превышающий аналогичные коэффициенты у их независимых соседей, шведов и датчан. Например, в 1980 году прирост ставил 2,7 промилле в ЭССР и только 0,3 промилле в обеих скандинавских странах [6].

Сейчас, когда Эстония снова стала суверенной, эстонцы снова вымирают [8]. Отрицательный прирост характерен также для обретших независимость Латвии и Литвы, эти страны по показателям естественного движения входят в тройку аутсайдеров Евросоюза [9].

Не знаю, можно ли политику евроинтеграции прибалтийских стран признать «направленной на сокращение определённых этнических групп», что соответствует юридическому определению геноцида? Но уж точно советская политика в Прибалтике в гораздо большей мере защищала от сокращения такие этнические группы, как эстонцы, латыши и литовцы, чем политика ЕС.

Можно ли после знакомства с объективными демографическими данными говорить про какой бы то ни было «советский геноцид»?

* * *

Стыдно должно быть тем, кто спекулирует подобной исторической халтурой. Тем, кто ставит на одну доску эсэсовца, заживо палившего детей в Хатыни, и русского солдата, из своего скудного пайка оделявшего кашей ребятишек «покорённых народов». Стыдно должно быть разработчице скандальной резолюции, госпоже Вилии Алекнайте, которая в припадке русофобии просто позабыла собственную историю. Как может патриот Литвы приравнять нацистов, разработавших план делитуанизации Прибалтики, и «сталинистов», подаривших литовцам старую Вильню?!

Странные зигзаги совершает порой историческая память. Ведь тем, что в Европе не дымат адские печи Собибора; тем, что не надо кланяться каждому встречному в форме вермахта; тем, что никого больше не зачисляли в народы «второго сорта», — европейцы прежде всего обязаны Русскому солдату.

Трудно объяснить нарастающее желание европейских политиков навесить на нашу страну все грехи предвоенной эпохи, при том что аналогичные и даже куда более тяжкие грехи Англии, Франции, Польши, Румынии, Финляндии систематически игнорируются. Эту логику можно понять только в координатах гитлеровской расовой парадигмы: есть «чистые» народы, которым всё позволено, и «нечистые» народы, которые за всё ответят.

Может быть, главная причина ненависти к России вовсе не сводится к предвоенным действиям СССР? Может быть, дело попросту в том, что те люди, кто очень хочет чувствовать себя «высшей расой» и глядеть свысока на всяких там «варваров, далёких от европейской культуры», не могут простить нам того, что мы своей Победой в 1945 году расовую иерархию упразднили?

1. Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2010.
2. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA RH). Wehrmacht Zentralstatistik. Stand 30.11.1944.
3. Страны мира. М.: Изд-во «Экономическая жизнь», 1926.
4. Расчёты сделаны на основании данных: Палачанин Ф. А. Докшыцкі край. Мінск, 2009.
5. Расчёты сделаны на основании данных: Народонаселение стран мира / под ред. Б. Ц. Урланиса и В. А. Борисова. М., 1983; Life expectancy at birth (both sexes combined) by major area, region and country, 1950–2100 (years). Estimates, 1950–2010 / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2011; World Population Prospects: The 2010 Revision / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2011.
6. Народонаселение стран мира / под ред. Б. Ц. Урланиса и В. А. Борисова. М., 1983.
7. СССР в цифрах: краткий сборник статистических материалов / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М., 1958.
8. Main demographic indicators / Сайт департамента статистики Эстонии. 2017. URL: <http://www.stat.ee>.
9. Eurostat: 2014, 2015, 2016. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat>.

ЦЕНА ПОБЕДЫ И ЦЕННОСТИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Почему алжирские дивизии не отстояли Париж на своём разъезде Дубосеково?

Всякому, кто сравнивает ход Второй мировой войны на её восточном (советско-германском) и западном театрах военных действий, бросаются в глаза огромные различия в масштабах потерь. Советскому народу война обошлась в 27 миллионов жизней, Франция лишилась 665 тысяч своих сограждан, Англия потеряла 378 тысяч, США — 417 тысяч человек. Жертвы одной только нашей страны почти в двадцать раз превосходят совокупные жертвы наших западных союзников.

При этом сравнении российские «западники» обычно акцентируют внимание на антигуманном характере советского командования, которое «безжалостно гнало солдат на убой». В пример нередко ставят руководителей британской армии, сумевших в 1940 году искусно эвакуировать своих солдат из-под Дюнкерка. Таким образом, английский экспедиционный корпус избежал гибели в окружении — такой гибели, которая год спустя ожидала части Красной армии в минском, киевском, вяземском и других, менее известных, но не менее губительных котлах. Отсюда напрашивается вывод, что тоталитарные режимы обрекали свой народ на огромные потери, а гуманные, демократические государства берегли своих сограждан, чем и объясняется вышеупомянутый контраст.

С другой стороны, те упорство и стойкость, с которым наша страна встретила гитлеровский натиск, совершенно несравнимы с вялым и прямо-таки безвольным сопротивлением западных демократий. Дюнкеркская ловушка захлопнулась 28 мая, а уже 31 мая началась эвакуация, завершившаяся 4 июня — в условиях, когда немцы перегруппировывались и даже не пытались сомкнуть кольцо. У нас такой же приморский плацдарм в Таллине, только находившийся под непрерывным интенсивным натиском врага, простоял 24 дня, в Одессе — 62 дня, в Севастополе — восемь месяцев. Даже маленькие островные и полуостровные

гарнизоны сопротивлялись гораздо дольше английской экспедиционной армии: на острове Хиумаа — три месяца, на базе Ханко — 165 дней.

Триумфальная эвакуация англичан полностью обескуражила французов, которые вскоре после этого тоже прекратили сопротивление. Буквально через неделю после Дюнкерка, 10 июня 1940 года, французское правительство покинуло Париж, а 14 июня в столицу Франции, сдавшуюся без боя, уже торжественно вступали части вермахта. Решение о сдаче Парижа было принято, когда гитлеровцы контролировали не более 10 % французской территории.

Вся западная кампания сорокового года заняла меньше полутора месяцев: от высадки первых немецких десантов 10 мая до безоговорочной капитуляции в музейном вагоне маршала Фоша 24 июня. Руки вверх подняли полтора миллиона французских пленных — больше, чем в киевском, вяземском и минском котлах, вместе взятых. Ну, так наши-то, в том же Киеве, по крайней мере почти вдвое дольше сопротивлялись!

Довольно часто приходится сталкиваться со следующим аргументом, оправдывающим скорую капитуляцию Франции: как можно сравнить маленькую европейскую страну с огромным Советским Союзом? Мол, у французов за Парижем и плацдармов для отступления не оставалось: так, полянка виноградников между Альпами и Бискайским заливом.

Примерно так же в порыве отчаяния после постигшей Францию катастрофы писал Сент-Экзюпери: «Нас было сорок миллионов земледельцев против восьмидесяти миллионов, занятых в промышленности! У нас один самолёт против десяти... один танк против ста» [1].

Строки, способные взять за душу, но весьма далёкие от реальности. И по степени индустриализации Германия и Франция стояли рядом, и количество самолётов у воюющих сторон почти не различалось, а французский танковый парк и вовсе был больше немецкого. Но для Сент-Экзюпери простительно так писать в сорок втором году: тогда требовалось вдохнуть мужество в обескураженных французов, сгладить (даже путём сознательного сгущения красок) пережитый ими позор и восстановить растоптанное национальное достоинство. Но ведь перед нами сегодня задача стимуляции французского национального достоинства не стоит, мы можем посмотреть на события объективно, с высоты исторического опыта. Так воспользуемся этой привилегией!

Обратите внимание на слова писателя-романтика: «нас было сорок миллионов». Никого не царапает эта фраза? Сорок миллионов, точнее 41,5 миллиона человек прожилось к началу 1940 года в европейской части Франции. А в целом во Французской империи насчитывалось более 110 миллионов подданных [2].

Это была огромная держава, раскинувшаяся на пяти материках, общей площадью 13,5 миллиона квадратных километров, — вполне сравнимая по размерам с Советским Союзом и многократно больше гитлеровской Германии. Для справки: Третий рейх накануне Второй мировой войны, с учётом присоединённых Австрии и Чехии, располагался на территории 630 тысяч квадратных километров, где проживало около 87 миллионов жителей [3].

Даже после немецкого танкового прорыва в Арденнах и эвакуации британцев из Дюнкерка ничто не мешало французам защищать Париж. Это был один из крупнейших городов мира, овладение которым с огневыми средствами сорокового года представлялось очень непростой задачей. Париж мог превратиться если не во французский Сталинград или французский Воронеж, где шли затяжные, многомесячные уличные бои, то, по меньшей мере, во французский Киев или во французскую Тулу — города, опоясанные наскоро вырытыми укреплениями, отбивавшие приступ за приступом на своих окраинах. Мобилизация населения многомиллионного мегаполиса позволяла превратить Париж в долговременный узел обороны.

Даже после сдачи Парижа был шанс продолжать сопротивление в центральной и южной Франции. Ведь впоследствии немцы в Ла-Рошели, на юго-западной окраине Франции, продержались в окружении до мая 1945 года, хотя дрались на чужой земле; а французам за свою кровную сам Бог велел постоять. Мало того, в случае неудачи на европейском континенте, оставалась возможность эвакуировать правительство, армию и важнейшие предприятия в Северную Африку. Под прикрытием французского флота, тоннаж которого превосходил германский (это не считая ещё более могущественного флота британских союзников) были все основания превратить Северную Африку в недоступный для вермахта бастион, где готовилось бы освободительное контрнаступление. Массив французских владений в Африке, непосредственно примыкающий к театру военных действий, охватывал свыше 10 миллионов квадратных километров с населением почти 50 миллионов человек. Вполне приличная база для продолжения борьбы.

На первый взгляд план переноса французского сопротивления в Северную Африку выглядит совершенно абсурдным. Хотя почему? Масштабы советской промышленной эвакуации в первые месяцы сорок первого года были вполне под стать этому фантастическому проекту. Мы перевезли 1523 предприятия на расстояние от одной до четырёх тысяч километров. Общий объём переброшенных грузов составил свыше 60 миллиардов тонно-километров. Этот как раз эквивалентно эвакуации всех

оборонных мощностей Франции в Северную Африку, на пространство от Алжира до Камеруна.

И всё-таки, даже после этого сравнения совершенно ясно, что ни о каком переносе оплота французского сопротивления в Африку в 1940 году не могло быть и речи. Не потому, что такой проект являлся технически неосуществимым. А потому, что для его реализации во французских колониях не существовало никакой исходной базы: ни транспортной инфраструктуры, ни энергетики, ни промышленных площадей, ни подготовленных местных кадров, ни жилья для размещения эвакуируемых. Северная Африка, хотя и входила во Французскую империю, отнюдь не являлась южным продолжением Франции. Это было совершенно иное человеческое общество, которое существовало будто бы в другом веке. Это были десятки миллионов совершенно иных людей, которые в представлении французов вовсе не входили в неумовимо-ёмкое понятие «Мы». Экзюпери совершенно не подразумевал своих африканских соотечественников, когда говорил: «НАС сорок миллионов».

Нам даже на ум не приходит, что при сравнении потенциалов Рейха и Советского Союза можно не брать в расчёт азиатские народы на восточных территориях СССР. В голове не укладывается, что от Казани и Уфы начинается какое-то «иное пространство», населённое «иными людьми», на которых не следует полагаться в случае нападения на нашу страну. Это же наши советские люди, наши сограждане! В то же время при анализе западной кампании Второй мировой войны африканские территории Французской империи и их обитатели без малейших сомнений исключаются из сравнения. Почему?

Задумаемся: Алжир стал частью Франции в 1830 году. Примерно в то же самое время, когда в состав Российской империи вошло южное Закавказье. Большая часть мусульманских народов была присоединена к России ещё позже. Казахи Среднего и Старшего жузов оказались внутри наших границ в сороковые-пятидесятые годы XIX столетия, дагестанцы и адыги в шестидесятые, узбеки и туркмены в шестидесятые-семидесятые. Значительная часть узбеков и таджиков формально стали нашими согражданами только в двадцатом веке, когда социалистическая революция окончательно втянула в состав Советской России Хивинское ханство и Бухарский эмират. До этого автономно живших хивинцев и бухарцев даже на военную службу не призывали (в отличие от сингалезов, в годы Первой мировой пополнявших весьма экзотичные роты в армии маршала Фоша). Кста-ти, Сенегал стал французским ещё на столетие раньше Алжира.

Это значит, что Франция располагала значительно более долгими сроками для имперской интеграции своих окраин, чем Россия. Но в мо-

мент гитлеровского нашествия казахи и киргизы, вместе с другими героями-панфиловцами, смогли встать нерушимой стеной, защищая нашу столицу у разъезда Дубосеково. Даже женщины отважно сражались за нашу общую Родину, например, дочь казахских степей Алия Молдагулова заняла достойное место в списке лучших снайперов Великой Отечественной войны. Почему же жители Алжира и Сенегала защитить французскую столицу не смогли? Почему алжирские дивизии не были брошены навстречу немецким танкам где-нибудь на Марне?

Почему мы смогли создать авиационное производство в Ташкенте, металлургическую базу в Темиртау и Джезказгане, химические заводы в Красноводске и Баку, а строители Французской империи никакой развитой промышленности, годной для создания прочного тыла, в своих мусульманских регионах не создали?

Времени у них, повторюсь, было больше. Возможностей — тоже. Франция в девятнадцатом и первой половине двадцатого веков жила заметно богаче нашего Отечества, располагала значительно большими финансовыми ресурсами для инвестиций.

Может, в состав России вошли народы с более развитой культурной традицией, которым оказалось легче перенимать технологические навыки? Нет, и здесь сравнение не в нашу пользу. Конечно, Самарканд и Хорезм блистали в период средневековья, но время их расцвета принадлежит далёкому прошлому. В большинстве же своём азиатские подданные нашей империи до встречи с русскими оставались простыми кочевниками или пробавлялись примитивным богарным земледелием. В технологическом смысле не только алжирцы и марокканцы, ведущие свою культурную традицию ещё от Арабского халифата и никогда не прерывавшие связи с развитой средиземноморской ойкуменой, но даже малийцы, создавшие архитектурные шедевры Томбукту, и наследники древнего Бени-на могли дать серьёзную фору чабанам Памира и Тянь-Шаня.

Так почему же наши чабаны стали неотъемлемой частью советского фронта и тыла, а феллахи французской Африки — нет? Почему Зоя Космодемьянская, умирая, могла с гордостью крикнуть нацистам: «Нас двести миллионов!», включая в это число любого обитателя самой удалённой яранги, а гуманист Экзюпери был вынужден исключить из расчёта добрых две трети своих соотечественников?

Ответ, кажется, лежит на поверхности. Строители Российской империи относились к азиатским народам, как к равным. Французы — как к «низшим». Париж рассматривал свои колонии только в качестве неисчерпаемых кладовых дубовой пробки, какао-бобов и слоновой кости, а Москва считала Среднюю Азию полноправным регионом единой

страны. Назвать Казахстан или Узбекистан русскими колониями — язык не повернётся.

Вот многозначительная и очень важная деталь. Благодаря законам Российской империи в Средней Азии удалось покончить с рабством (о нравах, царивших на бухарских невольничьих рынках в девятнадцатом веке, очень красочно писал потомок раба-таджика Садреддин Айни). Появление французских «культуртрегеров» в Африке, наоборот, было связано с охотой за живым товаром — первые колонии в Сенегале возникли как раз в качестве опорных пунктов для поимки невольников.

Сейчас в «Европах» — не только в кабинетах ЕС, но и в салонах отечественной «внутренней эмиграции» — стало модно говорить о сходстве двух режимов: сталинского и гитлеровского. Хотя сходство это носит исключительно внешний, организационно-прикладной характер. Зато нарочито упущено из виду гораздо более очевидное, принципиальное сходство: мировоззренческая близость Третьего рейха и западноевропейских демократий. Сходство по существу, по ценностям, по философии. Ведь этно-расовая иерархия Французской, Британской, Голландской, Бельгийской империй вполне соответствовала идеологии Гиммлера и Розенберга. Здесь господствовало то же самое мироустройство: наверху процветает «высший народ», внизу копошатся «низшие». Даже Польша, которую мы не привыкли числить в разряде колониальных держав, в короткий период своего межвоенного существования успела низвести до положения «низших людей» жителей своих восточных окраин, белорусов и украинцев.

Чудовищные планы Гитлера кажутся нам каким-то исключительным в европейской исторической практике злодеянием лишь потому, что были перенесены в саму Европу и приложены к внешне похожим на других европейцев людям. Но то, как поступали европейские колонизаторы с коренными жителями других континентов, вполне согласуется с концепцией немецкого фюрера. Мировоззренческая платформа всех без исключения западных колониальных держав покоилась на том же самом убеждении, что и доктрина Третьего рейха: народы мира ранжированы по шкале качества, при этом «высшие» наделены естественным правом повелевать «низшими».

По этой причине западные демократии не могли рассчитывать на поддержку своего африканского или азиатского тыла в войне с Гитлером. И по этой же причине сами не слишком-то рвались в бой. Зачем проливать кровь в борьбе против идейно близкого противника? Проще открыть ворота и встретить вермахт хлебом-солью (пardon, вином и сыром). Всё едино, свой брат, «высшая раса». Не татарам московитским и не чумазым сарацинам сдаёмся.

Не демократический Запад, а именно Россия оказалась противоположным идейным полюсом, непримиримым антагонистом гитлеровской Германии. Наши убеждения были несовместимы с какими бы то ни было формами подчинения «высшей расе». Поэтому наши деды в смертельной схватке за свои фундаментальные ценности не остановились ни перед какими жертвами.

Они не побежали из Одессы и Ленинграда, как англичане из Дюнкерка. Они не сдали Москву и Сталинград, как французы сдали Париж. Они осуществили настоящее чудо, эвакуировав нашу оборонную промышленность на тысячи километров в глубину Азии. И именно потому, что наша национальная политика всегда была чужда любой расовой и этнической спеси, там, в Азии, эвакуированных ждали не глухие просторы, населённые чуждыми враждебными народами, а промышленно развитые территории, где их встречали братья и сёстры.

Да, мы заплатили страшную цену. Но всё-таки мы победили. А вместе с нами победило наше вековое мировоззрение, исключаящее деление на «высшие» и «низшие» народы, утверждающее братство людей. Отныне такой взгляд на мир, если ещё и не господствует на планете, то, по меньшей мере, повсеместно признаётся образцовой платформой международных отношений.

А вот сыгравшие в поддавки европейские демократические империи, похоже, проиграли Мировую войну вместе с Гитлером. По крайней мере, свои заморские колонии они в итоге войны потеряли так же, как Третий рейх потерял «восточные территории». Время господства над «унтерменшами» закончилось в Мае Сорок Пятого.

1. Сент-Экзюпери А. Военный лётчик. М., 2002.
2. Statistique générale de la France. Code Officiel Géographique – La IIIe République (1919–1940). URL: <http://projetbabel.org/gl/cog49d.htm>.
3. Население Германии и Австрии в 1939 году рассчитано по: Народонаселение стран мира / под ред. Б. Ц. Урланиса и В. А. Борисова. М., 1984. Население Судетской области и протектората Чехия и Богемия рассчитано с учётом естественного роста по: Страны мира. М.: Изд-во «Экономическая жизнь», 1926.

ДЕМОГРАФИЯ ПОБЕДЫ

Сколько жизней отдавала советская армия за одного солдата вермахта?

Спор о масштабах потерь в Великой Отечественной войне, и внутри него особенно — об относительной боевой эффективности Красной армии и вермахта, приобрёл острый мировоззренческий характер. Утверждения группы историков и публицистов (Б. Соколов и Н. Соколов, И. Бестужев-Лада, М. Солонин) о том, что за одного убитого немецкого солдата мы платили кровью десяти советских, позволяют признать Победу 1945 года пирровой победой, а значит — приравнять к поражению. «Задали массой», «завалили трупами» — эти фразы стали расхожими мемами в дискуссиях о Великой Отечественной войне. Сенсационные расчёты охотно подхватывают немецкие «правые», цитирующие российских новаторов на своих интернет-ресурсах: вот оно, доказательство расовой теории Гитлера! Даже сражаясь в меньшинстве, «истинный ариец» убивал по десятку «недочеловеков».

Как бы ни было это обидно для отечественного читателя, новая историческая статистика, согласно которой на фронте погибло 26–29 миллионов наших воинов (именно воинов, без учёта мирных граждан), широко представлена в средствах массовой информации и имеет богатую доказательную базу (например, [1]). Правда, аргументы её поборников выглядят весьма сомнительно, но, с другой стороны, официальная статистика (в частности, цифра 8 миллионов 668 тысяч павших, названная исследовательской группой Генштаба во главе с генерал-полковником Г. Ф. Кривошеевым [2]), тоже не безгрешна. А сторонники новой статистики, оспаривая цифры военного ведомства, убеждённо называют их «пропагандистским враньём».

Как же разобраться неискущённому читателю в этой кровотокающей проблеме, важной не только для русского прошлого, но и для русского будущего?

Прежде чем перейти к сравнению армейских потерь (где историки с лёгкостью запутывают и профанов, и самих себя — то приписками, то недо-

учётом), сравним наличные людские ресурсы противоборствующих стран. Необходимо понять: располагал ли СССР теми самыми пресловутыми «людскими массами», которыми можно было «завалить» противника, даже при условии десятикратных потерь? При этом будем опираться на собранные в мирной обстановке данные гражданской статистики, которые никогда не являлись оружием пропагандистской войны и никем не оспариваются.

Наличные людские ресурсы

Чаще всего наблюдатели сопоставляют население Германии в довоенных границах 1937 года (69,8 млн чел. [3]) с населением СССР в границах 1941 года (символическое число двести миллионов), что позволяет говорить о трехкратном превосходстве наших людских ресурсов. Это в корне неверно. Ведь не только СССР вырос накануне войны, но и Третий рейх в период 1937–1941 годов приобрёл крупные территории, а сравнивать двух противников надо по единому принципу.

Более осведомлённая публика добавляет к населению Рейха жителей Австрии (6,7 млн чел.) и Судет (3,8 млн чел.), что увеличивает население Германской империи до 80,3 млн человек. Но и это ещё далеко не весь Рейх. Официально с марта 1939 до конца 1941 года в состав Великогерманской империи вошли: значительная часть Польши (так называемое рейхсгау Позен, западная Пруссия и восточная Силезия — с населением не менее 10 млн чел.), протекторат Богемия и Моравия (более 6 млн чел.), Эльзас и Лотарингия (почти 2 млн чел.), словенская часть Югославии (Нижняя Штирия и Нижняя Каринтия — почти 1,5 млн чел.), Люксембург, Данциг, бельгийские округа Эйпен и Мальмеди, литовский Мемель (расчёты сделаны по [3–6]).

Правда, доля собственно немцев в общем населении позднеприсоединённых территорий была едва ли выше 10 процентов, но подданные остальных национальностей тоже подлежали призыву (см., например, [7, 8]). Известно, в частности, что в Люксембурге осенью 1941 года прошли забастовки против призыва в вермахт, а поляки из рейхсгау Позен стремились перебраться в генерал-губернаторство (юго-восточную часть Польши, не включённую в рейх), чтобы избежать армейской службы.

Обратим внимание на то, что среди военнослужащих Вермахта, взятых в плен нашей армией, крупнейшими по численности этническими группами, после немцев и австрийцев, являются чехи — 69 977 чел., затем поляки — 60 277 чел., французы — 23 136 чел. и югославы — 21 830 чел. [2]. Поскольку доли пленных этих национальностей примерно пропорциональны долям населения таких новых территорий великой Германии, как Богемия, польские гау, Лотарингия и Словения, не вызывает сомне-

ния, что львиная доля чехов, поляков, французов и югославов была мобилизована на территории Рейха, а не явилась «воевать с большевизмом» в числе разнообразных европейских добровольцев. Отметим, что общая доля упомянутых народов Рейха среди пленных солдат вермахта (6,56 %) существенно превышает долю народов Казахстана, Средней Азии, Молдавии и Прибалтики среди пленных солдат Советской Армии (5,46 % [2]). То есть с точки зрения армейской повинности новые части Великогерманской империи были не менее органичными частями Рейха, чем возникшие после 1922 года девять республик — частями СССР.

Итак, с учётом приобретений 1939–1941 годов и естественного прироста тех лет (8–10 промилле в год) население собственно Рейха следует оценить минимум в 102 миллиона человек. В Советском же Союзе, по расчётам наиболее авторитетных демографов [9, с. 20], на начало 1941 года проживало 195,4 миллиона людей. К роковому дню 22 июня, при сохраняющемся естественном приросте предыдущего года 13–14 промилле, эта цифра должна была достичь 196,7 миллиона. Как видим, разница в людских ресурсах менее чем двойная.

Ещё меньше была разница в призывных контингентах. Население Великогерманской империи к середине XX века уже приблизилось к половозрастной структуре современной Европы, еле-еле обеспечивающей простое воспроизводство, где доля несовершеннолетних едва превышает четверть общей численности граждан. Половозрастная пирамида СССР, напротив, напоминала современную пирамиду мусульманских народов: по переписи 1939 года несовершеннолетние составляли 43,7 % [10]. Высокая рождаемость в нашей стране пугала Гитлера: «славяне... размножаются, как черви». Из-за различий в половозрастной структуре доля мужчин в возрасте от 18 до 50 лет в Рейхе была выше, чем в СССР: 23,4 % от всего населения [11] против 21,7 % [10]. Путём несложных подсчётов получаем следующий размер призывных контингентов:

Численность мужчин в возрасте от 18 до 50 лет на 22 июня 1941 года

Третий рейх	Советский Союз	Соотношение
23,9 млн чел.	42,7 млн чел.	1 : 1,79

Как видим, преимущество отнюдь не трехкратное. И этот результат получен без учёта сателлитов гитлеровской Германии и людских резервов оккупированных ею территорий.

То есть говорить о том, что Советский Союз располагал подавляющим людским превосходством, позволяющим «задавить противника людскими массами», — явное преувеличение.

Масштабы призыва

Вплоть до осени 1944 года гитлеровское правительство полностью контролировало территорию Третьего рейха и могло беспрепятственно использовать свои людские контингенты.

Советский Союз был лишён такой привилегии из-за катастрофических утрат первого периода войны. В Белоруссии и на правобережной Украине большую часть призывников 1923 и 1904–1918 годов рождения мобилизовать попросту не успели, а ещё часть мобилизованных прямо со сборных пунктов угодила в плен. Когда Советская армия вернулась, значительная часть учтённых до войны украинских и белорусских мужчин оказалась среди жертв фашистской оккупации или была вывезена в Германию в качестве оstarбайтеров. Только из этих двух республик угнано в рабство 2,8 миллиона человек [12, 13], из коих минимум две трети — годные к строевой службе юноши. В результате в Советскую армию оказалось призвано лишь 11,7 % населения Белоруссии и 12,2 % населения Украины (то есть призывной контингент исчерпан лишь наполовину). В то же время в РСФСР масштабы призыва были сопоставимы с немецкими и достигли 22,2 % довоенного населения [2] (возможно, с учётом призванных эвакуированных).

Ещё меньше призывников попало в Советскую армию из Прибалтики. Здесь необходимо признать реалии, о которых долгое время говорили не очень охотно: значительная часть граждан на территориях, присоединённых к СССР в 1939–1940 годах (за исключением белорусов и евреев), была лояльна скорее к гитлеровской коалиции, нежели к нашей стране, и без видимого протеста шла служить в армии противника. Так, среди эстонских мужчин только около 30 тысяч воевало в Советской армии, зато более 80 тысяч — в вермахте (среднерасчётное по [14, 15]). Очень похоже обстояли дела в Латвии и Литве. Немало бойцов набрбовали гитлеровцы на западной Украине (в частности, в печально известную дивизию СС «Галичина»). Советских граждан из Черновицкой, Измаильской областей и Молдавии призвала в свою армию Румыния — вполне законно, как вчерашних (с 1918 по 1940 год) соотечественников. Жителей Закарпатья мобилизовала Венгрия. Карелов в оккупированных районах Карело-Финской ССР — Финляндия.

Кроме того, в годы войны на территорию фатерлянда репатриировалось более 600 тысяч советских немцев [9, с. 61], которые, став подданными Рейха, также призывались в вермахт. Кстати, в свете этих данных сталинские меры по локализации немцев Поволжья выглядят хотя и жестокими, но, по меньшей мере, логичными.

С учётом коллаборационистов из числа других народов СССР, только в вермахт попало 1,17–1,18 млн советских граждан [16], а вместе с армиями сателлитов — до полутора миллионов. Эту цифру надо вычесть из призывного контингента СССР и добавить к призывным контингентам гитлеровского блока.

Ещё одним преимуществом противника было широкое использование квалифицированной рабочей силы из оккупированных стран Европы, а также упомянутых выше остарбайтеров. Так, по немецким данным на 15 августа 1944 года, численность «Ausländer wie Zivile Arbeitskräfte» (то есть иностранной рабсилы) на территории Германии составляла 7,5 миллиона человек [17]. Это позволило Рейху призвать в армию гораздо большую долю боеспособных мужчин, чем в СССР. Гитлеровцы достигли максимальной мобилизации своего контингента, раздвинув к концу войны диапазон призывных возрастов от 16 до 60 лет. Для сравнения, у нас в конце войны призывали в армию 17-летних, а старшая призывная планка не поднималась выше 50 лет. Мужчины в возрасте до 55 лет участвовали в боевых действиях только как ополченцы в критические месяцы 1941-го. Такие «послабления» в отношении пожилых советских граждан диктовались, конечно, не гуманизмом, а критической нехваткой опытной рабочей силы в тылу.

Наконец, немцы меньше церемонились с призывом болезненных новобранцев, посылая в ряды вермахта граждан с сильной близорукостью, и даже формируя «диетические роты» для отправленных на фронт язвенников и почечников [7].

С учётом вышеперечисленных факторов трудно ожидать, чтобы численность бойцов, призванных в Советскую армию, могла более чем в полтора раза превысить численность призывников вермахта.

Единственным преимуществом Советского Союза была высокая доля подростков 1924–1927 годов рождения, достигших призывного возраста уже во время войны. И хотя молодёжь из западных районов страны угнали в Германию, безусая русская и кавказская пехота (именно на РСФСР и республики Закавказья легла основная тяжесть юношеского призыва) стала главным демографическим козырем нашей страны.

В целом, если сопоставить немецкие плюсы (призыв коллаборационистов и использование иностранной рабсилы) с нашими плюсами (высокая доля повзрослевших за войну подростков) и минусами (отток коллаборационистов и большие гражданские потери призывников в западных регионах), то официальные цифры призыва, опубликованные Г. Ф. Кривошеевым [2], выглядят более чем достоверно:

Общее количество мобилизованных в армию до войны и в ходе войны

Третий рейх	Советский Союз	Соотношение
21,1 млн чел., или 88,2 % предвоенного призывного контингента	34,5 млн чел., или 80,8 % предвоенного призывного контингента	1 : 1,63

Весьма сложно представить, чтобы при таком соотношении сил гитлеровцы, укладывая «десять наших солдат за одного немецкого» (как утверждают поклонники «новой исторической статистики») ухитрились проиграть войну. Даже укладывая двух за одного, проиграть при таком раскладе было бы мудрено.

Кульминация схватки или загадка Сталинграда

О неудачах 1941 года написано немало горьких строк — мы действительно несли катастрофические потери. Что сказать?! В нашем прошлом это не ново. Поначалу так же трагично развивались события и в других масштабных войнах, которые вела Россия: русские медленно запрягают. Гораздо более загадочно, с точки зрения демографического анализа, выглядит переломный момент войны, когда отяжелевший от пролитой крови маятник истории качнулся в нашу сторону.

К осени 1942 года мы потеряли территории, где прежде проживало более 80 миллионов человек (расчёт по [3, 10]). Наши призывные ресурсы просто-напросто сравнялись с ресурсами гитлеровского Рейха. Даже с учётом эвакуированных семей и отступивших солдат, у нас оставалось меньше людей (129 млн минус потери 1941–1942 годов), чем у «Великой Германии» и её самых активных сателлитов: Румынии, Венгрии, Финляндии (135 млн минус потери того же периода, которые, если верить официальной статистике вермахта, до той поры были минимальными [8, 18]). Враг имел людской перевес, даже без учёта такого горе-союзника Гитлера, как Италия, пославшего на восточный фронт 13 дивизий и 3 бригады. А ведь ещё в состоянии войны с СССР находились Дания, Словакия, Хорватия и Болгария. А ещё к услугам нацистов были обширные оккупированные страны, десятки тысяч добровольцев «Новой Европы», «голубая дивизия» испанских франкистов, миллионы славянских остарбайтеров.

Вот у кого имела реальная возможность «завалить» нас «трусами» под Сталинградом! А если бы десятикратный убойный КПД вермахта был не мифическим, а реальным, так бы и катились немцы неукротимым железным катком до самого Байкала, навстречу желтолицым союзникам.

И всякую надежду на Второй фронт следовало оставить, ведь до высадки «спасителя человечества», рядового Райана, оставалось ещё полтора года... Почему же гитлеровцам не удалось победить в кульминационный момент войны?! Неужели всему виной «гуманизм» фюрера, пожалевшего отдавать драгоценные жизни своих «арийских рыцарей» даже в обмен на десяток «недочеловеков»? Вряд ли.

Мы смогли восстановить паритет по людским ресурсам, только добравшись до Днепра. А на протяжении всего долгого переломного года бились с численно превосходящим блоком противника. И, несмотря на их демографический перевес, — победили. Вот о чём свидетельствует гражданская демография.

Как были «убиты» двадцать семь миллионов красноармейцев

В основе всего пула ревизионистских публикаций, требующих радикального пересмотра армейских потерь СССР в сторону повышения, лежат работы кандидата исторических наук Бориса Соколова, который в начале девяностых годов говорил о 14,7 миллиона павших красноармейцев [19], а с наступлением нового века повысил цифру погибших на Великой Отечественной войне советских воинов до 26,9 миллиона [1].

Работы Соколова отличаются завидной тенденциозностью: с упорством последнего защитника имперской канцелярии он использует любой предлог, чтобы снизить планку немецких потерь и повысить размеры наших. Так, он с порога отвергает расчёты западногерманского историка Оверманса, насчитавшего 5,3 миллиона погибших солдат вермахта, предпочитая цифры Мюллера-Гиллебранда (4 миллиона). На долю восточного фронта он относит не 75 % суммарных немецких потерь, а всего лишь 65 % и т. д.

Но самое выдающееся в «открытиях» Соколова — его удивительная «стахановская» методика, с помощью которой он утроил советские потери по сравнению с официальными цифрами. Перечислю только наиболее наглядные ляпы:

1. В качестве исходных данных для расчёта был взят всего один месяц из 48 месяцев войны. Такая выборка по законам матстатистики не может считаться представительной и влечёт погрешность методики, измеряемую в сотнях процентов.

2. Используя альтернативную методику для проверки первой, Соколов полагает, что доля офицеров в общей массе военнослужащих вермахта и Советской армии была одинаковой. Фактически доля офицеров в составе вооружённых сил (по меньшей мере, сухопутных) различалась в три с лишним раза: в вермахте — редко превышала 4 % [20], у нас же

к концу войны выросла до 14 % [2]. Немецкие источники [21] указывают на среднюю за войну (Anteil im Heer durchschnittlich) долю офицеров 2,5 %. Отсюда возникают предпосылки завышения советских потерь более чем втрое.

3. Соколов постоянно твердит о гигантских масштабах недоучёта призывников в Советской армии, из-за чего были затушеваны размеры потерь. Поэтому он произвольно устанавливает цифру — 43 миллиона призванных (что было невозможно при наличных призывных ресурсах СССР — аргументы см. выше). Огромную прибавку к данным военкоматов Соколов лихо объясняет призывом миллионов людей непосредственно в части, минуя военкоматы. Он не принимает во внимание то, что документы подавляющего большинства воинов, призванных непосредственно в части, всё равно рано или поздно должны были попасть в военкоматы по месту жительства.

4. Признавая, что санитарные потери в госпиталях учтены гораздо лучше, чем безвозвратные потери на фронте, Соколов, тем не менее, выводит цифру убитых, превышающую уровень санитарных потерь (всего в наших госпиталях учтено 22 миллиона 326 тысяч раненых и больных [22]). Общеизвестно, что санитарные потери, как правило, примерно втрое выше безвозвратных — отсюда следует, что умереть на поле боя должно было 7–8 миллионов наших солдат. Чтобы выйти из этой логической западни, Соколов, не моргнув глазом, допускает, что у русских санитарные и безвозвратные потери были приблизительно одинаковы [23]. Это прямо-таки нобелевское открытие в области этнической физиологии! У немцев на трёх раненых — один погибший, у американцев, у японцев — тоже, а русского (в альтернативной истории Соколова) чуть задело осколком — и сразу в гроб.

5. Соколов весьма детально расписывает свой виртуальный баланс движения военнослужащих через Советскую армию: почти 43 миллиона призвано; 26,9 миллиона погибло на фронте (в том числе 4 миллиона — в плену); 12,4 миллиона осталось в строю к концу войны; оставшиеся 3,6 миллиона комиссованы в тыл, в том числе по инвалидности [1]. В этих расчётах, не говоря про другие искажения, просто выпадает ряд важных статей убыли — например пленные, дезертиры, заключённые и т. д. Если такую же ущербную методику баланса вместе с признанными Соколовым цифрами приложить к вермахту, то получится, что в тыл было комиссовано более 8 миллионов немецких солдат (21,1 миллиона призвано; 4,0 миллиона погибло; 7,0 миллиона осталось в строю). Возникает вопиющая диспропорция! У нас на 26,9 миллиона погибших 3,6 миллиона комиссованных, у них на 4 миллиона погибших комиссовано целых

восемь. Поскольку главной причиной для отправки в тыл была болезнь или инвалидность, на 100 погибших красноармейцев в «мире Соколова» приходится 7–14 искалеченных, а на 100 погибших германцев — целых 100–200 калек. Похоже, в этой странной войне использовалось какое-то программируемое анатомическое оружие: осколки немецких снарядов и бомб норовили угодить прямоком в голову и в сердце, а русские осколки летели исключительно в руки и ноги противника, не убивая насмерть.

6. Чтобы подтвердить свою правоту, Соколов ссылается на компьютерную базу данных музея на Поклонной горе, где числится 19 миллионов имён погибших. Но в других работах он сам упоминает, что 2 миллиона из них — гражданские лица, а масштабы двойного учёта в музее (когда одно и то же лицо дважды внесено в списки по заявлениям двух и более близких) колеблются от 29 % до 58 % [24]. Отсюда нетрудно понять, что реально во всероссийской базе данных числится от 7 до 12 миллионов погибших военнослужащих, но никак не больше! И этот диапазон очень близок к научно обоснованным, демографическим оценкам потерь.

7. Чтобы свести общий баланс военных и гражданских потерь, Соколов в своей фантазмагорической манере увеличивает предвоенное население СССР до 209 миллионов [1]. Однако это не вяжется ни с одним демографическим исследованием. В оценках демографов фигурируют цифры от 195 млн чел. до 197,5 млн чел., в зависимости от отношения к достоверности переписи 1939 года. Занизить данные этой переписи было прямо-таки физически невозможно, поскольку организаторы предыдущей переписи 1937 года, «не сумевшие» дать нужный правительству, достаточно высокий результат, были почти поголовно репрессированы. По сравнению с расчётами лучших демографов страны, соколовский баланс завышен на 12–14 миллионов человек только за счёт предвоенных цифр (есть вопросы и к послевоенным).

Поистине, не приходится удивляться тому, что израильский советолог Моше Левин назвал своих российских коллег, рассуждающих о демографических потерях России в XX веке, «людьми с богатым воображением»!

Сколько мы потеряли на самом деле

Точно ответить на этот вопрос сегодня уже не сможет никто. Но у нас есть возможность, не залезая в архивы, приблизиться к заветной цифре. И это может самостоятельно сделать любой образованный человек — всего лишь проанализировав открытые результаты всесоюзных переписей населения (например, отыскав их на сайте demoscope.ru). Так как организаторы переписей никак не зависят от военного ведомства,

а решают совсем другие задачи, их данные уж точно не направлены на фальсификацию военных потерь.

Известно, что война — ремесло мужское, поэтому ключом к определению военных потерь демографы считают возникшую в результате войны разницу в численности между мужчинами и женщинами. Возьмём результаты всесоюзных переписей 1939 и 1959 года [10, 25] и проследим по ним судьбу возрастной когорты, вынесшей основную тяжесть ратной службы, — соотечественников 1899–1928 годов рождения. Отметим, что на мужчин этой категории приходится 92–93 % общей суммы армейских потерь. Ещё 6 % приходится на мужчин старших возрастов и 1–2 % потерь — на служивших в армии женщин [2]. Один из возрастов, представленных в когорте, — непризывной (1928 год рождения) и один — призван наполовину (1927 год рождения).

Результаты расчётов представлены в таблице:

Изменения в возрастной когорте 1899–1928 годов рождения за двадцать лет, включая военные годы

Все граждане 1899–1928 годов рождения	Перепись 1939 года	1939 год (в границах 1959-го)	Перепись 1959 года	Суммарная убыль
Мужчины	45,9 млн чел.	51,1 млн чел.	28,7 млн чел.	22,4 млн чел.
Женщины	47,8 млн чел.	53,2 млн чел.	43,7 млн чел.	9,5 млн чел.

Как видим, убыль мужчин призывного поколения — 22,4 миллиона — близка к цифрам Бориса Соколова. Однако признать правоту этого историка мы, как в известном анекдоте, можем только в двух случаях: «реалистическом» — если советские мужчины в мирное время не умирали; и «фантастическом» — если накануне всесоюзной переписи умершие «на гражданке» воскресали и заполняли анкеты.

Обратим внимание — за двадцать лет в этом же поколении из жизни ушло девять с половиной миллионов женщин. Это косвенный показатель гражданской смертности, которая никак не связана с армейской службой. Разница между мужской и женской убылью в 12,9 миллиона человек — верхний потолок, выше которого армейские потери подняться не могут!

Однако все мы прекрасно знаем, что мужская гражданская смертность и в естественных, мирных условиях выше женской. Так, мужчин 1928 года рождения (единственный возраст нашей когорты, который не успел побывать на фронте) к 1959 году оказалось на 10 % меньше,

чем женщин [25]. Следовательно, возникшая разница в 12,9 миллиона между мужчинами и женщинами обусловлена не только военными потерями.

Чтобы прикинуть естественную сверхсмертность мужчин в мирное время, рассмотрим изменения, произошедшие между переписями 1970 и 1989 годов [26, 27]. За точно такой же период, как в предыдущей таблице, в поколении примерно такой же численности и такого же возраста (1929–1958 годов рождения) мужчин умерло на 4,1 миллиона больше, чем женщин. Вычитая эту естественную мужскую сверхсмертность из 12 миллионов 900 тысяч, мы можем, хотя и весьма грубо, предположить, что призывное поколение противоестественным путём потеряло 8,8 миллиона мужчин. Результат, весьма близкий к официальным данным авторской группы Генштаба.

Подчеркну — данный метод не может претендовать на точность. Он призван только определить порядок цифры. К этим расчётам нужно, как минимум, добавить 700–800 тысяч погибших военнослужащих, относящихся к другим половозрастным группам (см. выше). Нужно положить миллион полтора-два на межполовую разницу в гражданских жертвах войны, ведь во время войны женщины на «гражданке» погибли больше, поскольку выше была их доля в населении тыла. А для сведения баланса необходимо увеличить фронтовые потери мужчин. Затем нужно вычесть не менее миллиона в счёт повышенной послевоенной смертности вернувшихся с фронта мужчин-инвалидов. Наконец, из итоговой цифры нужно вычесть:

- убыль тех советских мужчин, которые погибли в армиях противника или ушли с этими армиями на Запад;
- эмигрантов, не вернувшихся из плена на Родину;
- тех, кто стал жертвами ГУЛАГа или Финской войны;
- погибших советских и несоветских партизан («лесных братьев», бандеровцев) и т. д.

Эта пёстрая смесь разных видов неестественной мужской убыли, не относящихся к боевым потерям Советской армии в великой войне, явно весит более миллиона жизней. Но, как видим, в итоге плюсы и минусы почти уравновешивают друг друга.

Так или иначе, порядок боевых жертв нашей армии очевиден. Их реальный уровень вряд ли сильно отличается от десяти миллионов человек, что коррелирует с официальной советской цифрой боевых потерь, озвученной ещё к тридцатилетию Победы.

Весьма похожую цифру — 11 миллионов — называет один из самых авторитетных британских историков, профессор из Оксфорда Норман

Дэвис [28], хотя его формулировка «военные потери СССР» может трактоваться расширительно, включая боевые жертвы партизан и коллаборационистов.

Ещё несколько вариантов проверки

Демография — это наука, навряд ли в которой довольно сложно. Различные показатели так увязаны друг с другом, что любая, даже локальная ложь сотрясает всю систему статистических связей — как запутавшая муха сотрясает всю ткань паутины.

Например, по переписи 1959 года [25] мы можем оценить, сколько мальчишек 1923 года рождения (срочники сорок первого года, «выбитый призыв») вернулось домой с войны. Мы видим, что в 1959 году на 100 женщин этого возраста приходилось 64 мужчины (1 802 тысяч женщин и 1 160 тысяч мужчин). С учётом естественной мужской сверхсмертности, можно смело утверждать, что на войне погибло не более трети их ровесников. А ведь этот год призыва понёс максимальные потери среди всех возрастов. Младшие были призваны позже и не успели пройти войну «от звонка до звонка», не попали в самую страшную мясорубку сорок первого. Среди старших многие уже имели бронь или проблемы со здоровьем, а тем, кто всё же попал на фронт, жизненный опыт помогал уберечься. Следовательно, общее число погибших воинов должно быть значительно меньше трети от суммарного контингента потенциальных призывников в 42,7 миллиона человек (точнее в 41,2 миллиона, за вычетом призванных коллаборационистов).

Из той же переписи [23] можно узнать, что к 1959 году 72,5 % женщин 1919–1923 годов рождения, ровесниц «выбитого поколения», сумели законно выйти замуж (5 121 тысяча из 7 062 тысяч), хотя легализации многожёнства в послевоенной стране не наблюдалось. Эти и многие другие факты, касающиеся самой пострадавшей возрастной когорты, абсолютно не вяжутся с утверждениями Соколова, согласно которому только в армии погибло почти две трети всех (!) советских мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Эти же сухие цифры безоговорочно развенчивают гуляющий по умам, экранам и сайтам популярный миф о том, что из ста школьных выпускников 1941 года домой вернулось лишь трое.

Кстати, в ФРГ, согласно статистике 1950 года, в их «выбитом поколении» 1920–1924 годов рождения на 100 женщин приходился 71 мужчина [9]. Учитывая, что естественная разница между мужской и женской смертностью у немцев, в отличие от русских, минимальна, мы видим, что процент военных потерь в этом поколении очень близок к нашему.

Следовательно, пропорции погибших на войне советских и немецких воинов должны быть очень близки к пропорциям потенциальных призывных контингентов (42 и 25 миллионов соответственно), то есть чуть более чем три к двум, но уж никак не десять к одному.

Близкие пропорции военных потерь вермахта и Советской армии подтверждаются и схожей долей вдов среди взрослых женщин послевоенного времени: СССР — 19,0 %, ГДР — 18,6 %, Австрия — 18,5 %, ФРГ — 17,7 % [3]. При этом надо учесть, что ФРГ после войны была страной интенсивной мужской иммиграции, и часть овдовевших на войне немцев успела повторно выйти замуж за приезжих испанцев, итальянцев, хорватов или турок. В России же, напротив, доля вдов отчасти сформирована по гражданским причинам, благодаря заметной мужской сверхсмертности мирного времени.

О пропорциональности боевых потерь с призывными контингентами говорит и анализ людских балансов двух воевавших армий [2, 18]. К концу войны в вермахте оставалось около 7 миллионов бойцов (33 % призванных), в СССР осталось в строю 12,8 миллиона воинов (37 %). Комиссовано по ранениям и инвалидности было: 2 миллиона в вермахте (более 9 %) и 3,8 миллиона у нас (11 %). Отправлено в тыл для работы в народном хозяйстве (не путать с комиссованными!) — 9 % у них и 10 % у нас. Как видим, никаких резких перекосов в структуре не наблюдается, одинаковые законы войны действуют по обе стороны фронта. Значит, следует ожидать, что проценты погибших среди призванных тоже не должны сильно различаться.

Кроме того, доли погибших должны быть примерно пропорциональны близким друг к другу долям комиссованных инвалидов: девять и одиннадцать процентов. Если верить медицине, а не теории «сверхчеловека», шансы умереть, выздороветь или стать калекой после вражеского попадания вряд ли сильно различаются у русских и у немцев.

Полагаю, что приведённых выше доводов достаточно, чтобы признать цифру 27 миллионов погибших воинов фальсифицированной и навсегда прекратить любые серьёзные разговоры о «десяти русских солдатах за одного немецкого».

Миф о высших и низших наградах

Вопру задаться вопросом: ради чего группа историков-ревизионистов с таким ожесточением, вопреки логике и фактам, бьётся за цифру 27 миллионов? Возможно, ради вот такого вывода: «Россия оставалась страной азиатской... и победу могла одерживать, только неся потери, на порядок превосходящие потери противника» [1]. Последователи истори-

ков-ревизионистов в своих блогах идут ещё дальше: «воевали как дикари; такие потери несли африканцы, вышедшие с луками против британских пулемётов».

Понятно, что слова «Россия была страной азиатской» или «африканской» в переводе с расистского на русский означают «была страной неполноценной». А полноценными, видимо, являются страны Европы и Запада в целом. После таких сентенций остаётся только пасть ниц перед великой Западной цивилизацией и пожалеть, что «белые люди» не сумели овладеть нашей «мрачной толпой полудьяволов, полудетей» («new-caught, sullen peoples, Half devil and half child». R. Kipling «White's Man Burden»).

Что же, давайте посмотрим, как воевали сами «высокоцивилизованные» народы Запада? И сравним их результаты с полученным нами для Восточного фронта диапазоном потерь «полтора-два к одному».

Безвозвратные потери Польши в кампании 1939 года оказались почти вчетверо больше безвозвратных потерь Германии (66 тысяч убитых поляков против 14 тысяч убитых и пропавших без вести в вермахте [29, 30]).

Потери англо-французской коалиции весной 1940 года в два с лишним раза превысили потери стран «оси» (360 тысяч убитых и раненых против 162 тысяч). Если же учитывать пленных, то безвозвратные потери союзников на первом этапе борьбы с Рейхом соотносятся как один к четырнадцати [31]!

В операции на Крите (май 1941 года) потери британского экспедиционного корпуса в семь раз выше немецких (32). При сопротивлении Роммелю в Африке (июнь 1941-го) — в восемь раз выше. При попытке британского контрнаступления в июне сорок второго соотношение потерь выросло до астрономических цифр (например, подбито 118 английских танков против трех немецких [32]).

Такие же катастрофические последствия имели для англичан столкновения с «азиатской армией» японцев. Согласно убеждениям британских стратегов, предполагалось, что «один англичанин стоит десяти японских дикарей» [32]. (Где-то мы уже слышали об этой мистической пропорции?!). Но в битве за Сингапур зимой 1941–1942 года японские «дикари», не имея численного превосходства, понесли безвозвратные потери в 25 раз меньшие, нежели их «высокоцивилизованные» противники (1 800 погибших самураев против 5 500 убитых и 40 000 пленных солдат Британской империи [33]).

Не менее страшным был разгром американской группировки на Филиппинах весной 1942 года: безвозвратные потери США составили

125 000 человек против 9 500 японских воинов [34]. Ау, ценители европейской военной культуры и обличители «туземцев с луками»! Не пора ли поговорить о неполноценности англосаксонских снобов — по сравнению с японцами, и уж тем более — по сравнению с русскими. Вспомним, что Халхин-Гол отгремел совсем незадолго до Сингапура и Филиппин, и там соотношение потерь было благоприятным для нас, японцы потеряли больше, чем РККА.

Да, если оперировать терминологией Соколова, придётся признать, что это западные демократии «оставались неполноценными странами, неспособными побеждать без десятикратного перевеса». Кстати, перевес именно такого порядка был обеспечен в операции «Оверлорд», где против 400 000 немцев было брошено почти 3 миллиона солдат союзных армий, против 2200 немецких самолётов — почти 11 000 британских и американских боевых воздушных машин [35]. А в первые дни высадки союзники имели в воздухе в шестьдесят раз больше машин, чем Рейх; на решающих этапах операции превосходство в воздухе, судя по сведениям британского историка А. Тейлора, было двадцатикратным, а по танкам — более чем десятикратным. До того, как удалось обеспечить этот подавляющий перевес, США и Великобритания не решались на открытие «второго фронта».

Точно с таким же перевесом США начали битву за Гуадалканал, которая считается переломным событием на тихоокеанском театре войны: 16 000 американских морских пехотинцев было брошено на два острова, где располагалось около 1 500 японских солдат [36].

Думаю всё же, что поднятая в последних абзацах тема — неблагодарная: человечество никогда не признает высшим критерием полноценности умение мастерски уничтожать себе подобных*. Не признает, в том числе потому, что наши деды и прадеды повернули колесо мировой истории под Сталинградом, а потом взяли Рейхстаг. Советская армия не просто разгромила вермахт — она сокрушила саму концепцию полно-

* Также нельзя не забывать, что почти все операции с катастрофическими потерями, понесённые как Красной армией, так и армиями союзников, относились к начальному периоду войны. Эти события показали, что в современной механизированной войне та сторона, которая захватывает инициативу, наносит первый удар, получает колоссальные преимущества, несравнимые с преимуществами прежних войн. Варшава-39, Париж-40, Крит, Минск, Киев, Вязьма, Сингапур, Манила-41 — всё это трагические уроки, которые пришлось выучить обороняющимся странам на пути к Победе. Кстати, очень похоже, что именно анализ первых из этих «уроков» заставил Г. К. Жукова настойчиво предлагать наступательные планы войны с Германией весной 1941 года.

ценных и неполноценных рас, концепцию грубого силового господства. Наши предки разрушили тот комплекс превосходства, на который веками опирались все западные колонизаторы. И отныне любые попытки ранимизировать эту, побеждённую в 1945 году расовую доктрину — путём ли фальсификации военной истории, путём ли измерения черепов — бессильны.

Да, Победа досталась нашей стране дорогой ценой. Вряд ли цена могла быть ниже, ведь мы сражались против вермахта — самой эффективной машины агрессии, которую только создала человеческая эволюция. Но эта чудовищная машина была остановлена и обращена вспять в момент, когда у нас не было никакого превосходства в людских ресурсах. Потому, несмотря на заплаченную нашими предками страшную цену, у нас нет никаких причин самоунижаться и признавать свою неполноценность. Напротив — у нас и у наших потомков есть все основания гордиться Великой Победой.

1. Соколов Б. Как подсчитать потери во Второй мировой войне. Континент. 2006. № 128.
2. Кривошеев Г. Ф. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009.
3. Народонаселение стран мира / под ред. Б. Ц. Урланиса. М., 1983.
4. Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986.
5. Страны мира. М.: Изд-во «Экономическая жизнь», 1926.
6. Atlas zur Geschichte / VEB Hermann Haack. Leipzig, 1981.
7. Молот войны. Полная энциклопедия немецкой армии. 1933–1945 / ред. Д. А. Тарас. М. ; Минск, 2010.
8. Там же.
9. Народы России: энциклопедия / под ред. В. А. Тишкова. М., 1994.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Таблица ф. 11. Возрастной состав населения // РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336 Д.604.
11. Расчёты Б. Ц. Урланиса, цит. по: Козинский А. История военных потерь во ВМВ: сколько же потеряли убитыми гитлеровские вооружённые силы? URL: <http://memoofwar2008.hop.ru/Lib/Poteri/Poteri001.htm>.
12. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М., 1985.
13. Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 28.

14. Баранец В. За кого воевали эстонцы во Второй мировой // Комсомольская правда. 2007. 5 мая.
15. Hannes Walter. URL: ww2history.ru.
16. Романько О. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006.
17. URL: <http://weltkrieg2.de/Geschichte/Kriegsgliederungen/Drittes-Reich/Wehrmacht.htm>.
18. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 3. М., 1976.
19. Соколов Б. Цена Победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном». М., 1991.
20. Rozett R., Spector Sh. Encyclopedia of the Holocaust. Jerusalem, 2000.
21. Kampfkraft der Wehrmacht im Vergleich zur US Army 1939—1945. URL: <http://weltkrieg2.de>.
22. Смирнов Е. И. Война и военная медицина 1939–1945 гг. М., 1979.
23. Соколов Б. Сколько мы потеряли в Великой Отечественной и как фальсифицируют историю // Новая газета. 2009. № 65.
24. Соколов Б. Победа добыта чрезмерно большой кровью // Военно-промышленный курьер. 2011. № 45 (411). 16 ноября.
25. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Таблица 2.5. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту // РГАЭ РФ ф. 1562. Оп. 336, ед.хр. 3998–4013. Наличное население.
26. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Таблица 5с. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту. Там же.
27. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Том 2. Таблица 2 «Распределение населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краев и областей по населению по полу и возрасту». Там же.
28. Дэвис Н. Европа в войне. 1939–1945. Без простой победы. 2006. Цит. по: Эксперт. 2010. № 16.
29. Parkinson R. The encyclopedia of modern war. New York, 1977.
30. Гжеляк Ч., Станьчик Х. Польская кампания 1939 года. Начало 2-й Мировой войны. Варшава, 2005.
31. Дюпюи Р. Э., Дюпюи Т. Н. Всемирная история войн. (Харперская энциклопедия военной истории с комментариями издательства «Полигон».) Книга четвертая (1925—1997 год). М., 2000.
32. Переслегин С. Новая история Второй мировой. М., 2009.

33. Smith C. Singapore Burning. New York, 2006.
34. Morton L. The Fall of the Philippines // University Press of the Pacific. 2004. October 8.
35. Wilmot Ch. The Struggle for Europe. Hertfordshire, 1997.
36. Richard F. Guadalcanal: The Definitive Account of the Landmark Battle. New York, 1990.

НАЦИОНАЛИЗМ ВТОРОГО СОРТА, или Синдром фон Штумпфельда

Сколько русских сражалось в Сталинграде по другую сторону фронта, под знаком свастики? Вопрос, бросающий тень на юбилейные торжества, тем не менее, не лишён актуальности. В 6-й армии Паулюса на самом деле воевало немало наших соотечественников. Согласно вполне достоверным источникам (Рюдигер Оверманс, например, считается одним из самых непредвзятых немецких историков), среди 330 тысяч окруженцев сталинградского котла было около 50 тысяч русских, точнее — граждан СССР. Почти каждый шестой, внушительная доля! В годовщину победы на Волге об этом активно вспоминает часть блогеров, причисляющих себя именно к русскому национальному лагерю.

Да, реальная история несколько отличается от легенды. Мы до сих пор не знаем, сколько русских воевало за Гитлера, и, наверное, никогда уже не узнаем, сколько татар стояло на Куликовом поле под хоругвями Дмитрия Донского. Но в данном случае цифры не так уж важны. Важно другое: для чего препарируется легенда Сталинградской победы? Ради объективного анализа прошлого или ради создания встречного мифа? И не окажется ли этот контрмиф разрушительным для национального сознания?

Очевидно, что дело здесь не ограничивается арифметикой. Вслед за предварительной «бомбардировкой» читателя сенсационными цифрами начинается собственно идеологическое наступление. Большинство хранителей памяти о «русских шестой армии» начинает героизировать перебежчиков, которые-де беззаветно боролись с Советами. К реалистическим сведениям об их сопротивлении «до последнего вздоха» (действительно, для русских в гитлеровской форме сдача в плен советским войскам не оставляла никаких шансов — оставалось только бороться) присовокупляются откровенные фантазии о некоем русском антикоммунистическом партизанском движении, несколько месяцев продолжавшем сражаться в подземельях Сталинграда, своего рода «фашистском Аджимушкае».

Чувствуется, что авторы сочувственных постов не просто переживают трагедию сломанных войной судеб, но упорно хотят изменить национальную идентификацию, переключить читательские симпатии на другую сторону фронта. Чего стоят такие цитаты: «число добровольцев значительно выросло после освобождения (выделено мной) Области Войска Донского в июне — июле 1942 года», «предателями были те, кто строил СССР», и так далее. Мол, на той стороне, оказывается, воевали за «Национальную Россию», а на этой, привычной, советской, — «за жидо-большевицких комиссаров». И никакая это была не Отечественная война, а Вторая Гражданская...

Кем же на самом деле были русские под свастикой и за что они воевали? Достаточно красноречиво свидетельствует об этом отношении самих гитлеровцев к своим соратникам по «борьбе с коммунистическим режимом». Показательно, что большинство русских коллаборационистов выполняло функции «хиви», hilfswillige, «добровольных помощников» — то есть поваров, конюхов, шофёров, связных, которым оружия в руки не давали. Институт «хиви» — этакий фашистский стройбат для ненадёжных и расово неполноценных солдат.

Когда сталинградское кольцо вокруг армии Паулюса замкнулось, ситуация изменилась. Тут уже было не до расовой иерархии — требовалось пушечное мясо любого качества. И, как о высшем достижении на пути к русской национальной армии, сочувствующие ей источники сообщают о создании «русской дивизии Фон Штумпфельд», названной так по имени её командира. Для ответа на поставленный нами вопрос интерес представляют сведения о составе дивизии, которые почерпнуты из тех же самых сочувствующих источников (например, stafford-k.livejournal.com/366446.html):

«Пехотный полк Шмидта

Батальон Шона

Каменский батальон

Батальон Линдера

Батальон Эйзенакера

Батальон Кехера

Пехотный полк Штелле

Батальон Енгерта

Батальон фон Гадденбрюка

Второй полицейский Харьковский батальон

Морозовский Казачий Батальон

Зенитная батарея «Фон Штумпфельд»

Танковая рота

Рота Абендрота»

Что-то для «русской национальной дивизии» маловато русских имён?!

Очевидно, что Каменский и Морозовский казачий батальоны названы так не по именам своих командиров (тогда, по аналогии с остальными, «фамильными» подразделениями, они значились бы как батальон Каменского и батальон Морозова). Зато все остальные части гордо несут имена «истинных арийцев». Отсюда несложно догадаться, что весь командный состав «русской дивизии» был немецким. Это же типичные колониальные войска, вроде сипаев в британской туземной администрации, где рядовые рекрутировались из аборигенов, а офицерами назначались представители «высшего народа». О какой русской национальной гордости или русском национальном интересе можно вообще вести здесь речь?

Обратим внимание, что битва под Сталинградом — это единственное сражение Великой Отечественной войны, в сообщениях о котором упоминается значительная доля русских, сражавшихся (или хотя бы прислуживавших) в вермахте. Почему только Сталинград? Ведь в 1943 году Рейх начинает активное формирование так называемой Русской освободительной армии, для которой находятся и русские офицеры, и русские генералы, — но до массового участия власовцев на Восточном фронте, вплоть до критических событий весны 1945 года, дело так и не дошло.

Пожалуй, осень 1942 года стала **кульминацией отчаяния**, когда все объективные обстоятельства исключали нашу победу в войне. Изнурительное, длящееся второй год подряд отступление; серия поражений, свершившихся несмотря на запредельное напряжение сил обороняющейся стороны, — всё это стало серьёзным испытанием для национальной психики.

Правда, в поступках той части людей, которые составляют духовный костяк народа, это нарастающее отчаяние обернулось отчаянной смелостью — тем самым презрением к смерти, той непреклонной решимостью драться, когда терять больше нечего и отступать некуда. Вот эти люди, соль соли нации, и стали железной гвардией Сталинграда. Я имею в виду — нашего, то есть «красного», советского, по-настоящему русского Сталинграда.

Но немало оказалось и тех, кто сломался, не выдержав напряжения. Лето — осень сорок второго — время массового прилива «хиви» в вермахт. Их переход на сторону противника, как правило, был всего лишь истерическим импульсом отчаявшихся людей. У белорусских партизан бытовало очень верное определение такого типажа — «бобики». Тут не было искреннего порыва, веры в свою правоту. На первом месте стояло

согласие надеть на себя поводок нового хозяина, раз старый оказался недееспособным. Будь «хиви»-«бобики» идейно убеждёнными — определились бы сразу, уже в первые дни войны. Но нет, тянули до сорок второго года, пока не приняли окончательное решение.

Заметим, что печально известный генерал Андрей Власов тоже согласился стать коллаборационистом именно осенью 1942 года, хотя всего год назад он вёл себя по-иному. Мало кто знает, что будущий изменник проявил недюжинное мужество и верность своей стране, прорываясь с остатками разгромленных частей из киевского котла осенью 1941 года. Тогда он и не думал сдаваться, тем более «бороться против сталинизма». Будь он идейным противником советского строя, мог бы уже через три месяца войны оказаться в лагере «единомышленников». Однако это случилось лишь год спустя. Видимо к лету сорок второго Власов, так же как «хиви» Паулюса, потерял всякую надежду на победу и неизбежному, как тогда ему казалось, позору поражения предпочёл позор предательства, подслащённый сотрудничеством с победителями.

Осень 1942 года стала воистину кризисной осенью всей войны, когда, по уместной строфе Пушкина, «тяжкий млат, дробя стекло, ковал булат». Твёрдые, как булат, закалялись, чтобы удивить мир несокрушимой прочностью Сталинграда. Слабые, как стекло, ломались, переодеваясь в форму своих будущих хозяев.

Но, начиная с 1943 года, когда стала вырисовываться совсем другая перспектива войны, проявилась и другая тенденция среди «добровольцев». С этого времени участились переходы уже присягнувших рейху «туземных» солдат и целых подразделений обратно на советскую сторону. Самый известный пример — восставшая и примкнувшая к красным партизанам бригада Гиль-Родионова в Белоруссии. И тогда насторожившиеся генералы гитлеровской армии были вынуждены свернуть масштабы применения русских коллаборационистов на фронте, даже в виде безоружных «хиви». Формирование РОА Власова была чисто пропагандистским мероприятием, чтобы выпустить пар закипавшего русского негодования и отвлечь «аборигенов» завоёванных земель от нарастающей партизанской войны. Отправлять эти театральные подразделения на фронт гитлеровцы не собирались.

Таким образом, сталинградские «терпилы» вермахта заслуживают в самом крайнем случае жалости, но никак не уважения и, тем более, героизации. Нет никаких оснований выдавать духовно сломленных людей, согласившихся на роль туземных рекрутов-сипаев под командованием колонизаторов, за носителей национальных ценностей. Используя выражение П. А. Столыпина, их можно назвать всего лишь «удобрением для

других наций», этническим элементом, согласившимся на ассимиляцию, а вовсе не носителями национального возрождения.

Но для нас, сегодняшних, гораздо больший интерес представляют мотивы наших современников, упрямо реабилитирующих «хиви», РОА, Власова и при этом по какой-то странной, вывернутой логике считающих себя «русскими националистами», носителями русского национального сознания.

В случае разговора начистоту они нередко утверждают, что предпочли бы «германских союзников» «жидовскому игу». В пользу подобной позиции приводится масса аргументов, но все они основаны на разного рода мистификациях и домыслах. Если же встать на сугубо рациональную почву (никакого разжигания межэтнической розни, просто задача по абстрактной логике!), возникает парадоксальный вопрос. Почему порядок, при котором Кагановичи и Мехлисы могут занимать заметную, но всё же далеко не преобладающую часть руководящих постов в нашей стране (большинство руководителей Советского Союза на всех уровнях были всё-таки людьми славянского происхождения), — почему такой порядок кажется для наших визави чудовищным ущемлением русских интересов, а порядок, при котором для русских не только закрыт доступ в высшие и средние эшелоны власти, но даже места комбатов предназначены исключительно для Линдеров, Эйзенакеров и фон Гадденбрюкков, — вполне приемлем? Где в этом мировоззрении проявление национальной гордости, национального сознания? Смешно и глупо...

На мой взгляд, считать тайных и явных поклонников гитлеризма русскими националистами — такой же абсурд, как сотрудинок юденратов в гетто — еврейскими националистами, а сайгонских марионеток США — вьетнамскими националистами. Во всех трёх случаях речь идёт не о проявлении национальной воли, а об ассоциации с абсолютно враждебной, чуждой родному народу силой, которая у национально мыслящего человека может породить только один ответ — непримиримое сопротивление.

Мне, честно говоря, проще объяснить поведение «хиви» и власовцев, чем поведение их сегодняшних почитателей. Для первых слом национальных координат был подготовлен нечеловеческими потрясениями военных лет. А какие потрясения пришлось испытать тем, кто перестал гордиться победами своих дедов и взялся реабилитировать банальное предательство?

Мне кажется, что мы имеем дело с феноменом того же специфического «национализма», который гораздо чаще встречается сегодня на Украине, в Прибалтике и даже в Польше... Несмотря на то, что Советский Союз

гарантировал этим народам несравненно более справедливое и человеческое отношение, чем Третий рейх, в наши дни там ширится слой людей, ненавидящих всё советское, русское и с готовностью солидаризирующихся с гитлеровской идеологией. Получается, что для них предпочтительнее худшее положение своих народов, но на Западе, чем лучшее положение, но на Востоке.

Такая ориентация может возникнуть у людей, в мировоззрении которых присутствует чёткая национальная иерархия, распределение народов планеты по шкале качества, от «высших» к «низшим». В таком случае украинцы или латыши, выбирающие в конфликте Второй мировой войны гитлеровский лагерь, предпочитают быть слугами у «высших народов», нежели находиться в одинаковой позиции с «низшими». Для них меньше позора в том, чтобы быть на последних ролях у немцев, чем сравняться с русскими, или, тем более, с таджиками и узбеками. Так преданный лакей знатного господина может цедить сквозь зубы: «Да, меня в барскую столовую пускают только для сервировки, зато остатки французского консома за отдельным столиком доедаю, а сесть кислые шти вместе с артелью хлебать — до такого срама никогда не опущусь!» Иными словами: я согласен быть «второсортным», если при этом появляется возможность тешить своё самолюбие превосходством над «существами третьего сорта».

Порочная логика, которая никому не прибавляет достоинства: ни личного, ни национального. Победы такая логика среди русских в 1941–1942 годах — наш народ мог бы уже исчезнуть с лица Земли. К чему подобная логика приведёт наших соседей — покажет история.

ИЗНАСИЛОВАННАЯ ПРАВДА

Сколько немецких женщин стало жертвами советских солдат весной сорок пятого?

Геополитический переворот конца восьмидесятых — начала девяностых годов изменил не только сложившуюся после 1945 года карту Европы, но и подверг ревизии многие представления об истории Второй мировой войны. В частности, образ советского солдата-освободителя, победившего фашизм, было предложено заменить образом жестокого насильника, не щадившего женщин побеждённых народов.

Не подлежит сомнению то, что война становится жестоким испытанием для человеческой психики, ломая моральные табу и увеличивая число людей, склонных к преступным действиям. Разнообразные виды насилия в отношении побеждённых — такой же горестный, но неизбежный спутник любой войны, как гибель гражданского населения от бомбёжек и обстрелов, пожары и разрушения, антисанитария и эпидемии. Вряд ли можно было ожидать, чтобы Вторая мировая война — самая ожесточённая и кровавая из всех войн человеческой истории — стала вдруг исключением из этого трагического правила.

Однако акцентированное внимание к масштабам сексуального насилия в побеждённой Германии призвано доказать как раз исключительность происшедших в советской оккупационной зоне событий. Вопрос ставится именно о беспрецедентной (по меньшей мере — в европейской истории) моральной нечистоплотности.

Не только в западной прессе, но и в научных докладах регулярно повторяется страшная цифра — два миллиона немцев, ставших жертвами насилия красноармейцев. К этой цифре апеллируют такие известные среди военных историков авторы, как Керстин Бишль (Kerstin Bischl) и Энтони Бивор (Antony Beevor [1]). По наблюдениям русских обозревателей — например, Юрия Бахурина и Ирины Захаровой — упомянутое «астрономическое число изнасилованных — 2 000 000» сегодня можно считать устоявшимся в европейской литературе.

Цифра в два миллиона поражает воображение. Она начинает приобретать такой же сакральный характер, как шестимиллионная цифра жертв холокоста. Впечатляющие масштабы заявленного мученичества требуют от русского народа испытать чувство стыда за своих предков, чувство исторической вины перед немецким народом и перед Европейской цивилизацией в целом. Надо полагать, что именно к таким выводам подталкивают общественное мнение авторы публикаций, без тени сомнения тиражирующие эту грандиозную цифру.

Зримым результатом их усилий стала сделанная в 2014 году, накануне очередного Дня Победы, попытка установить в польском Гданьске (прежде германский Данциг) памятник женщине, изнасилованной советскими солдатами. Благодаря российским дипломатам и сочувствующей части польской общественности этот оскорбительный акт был предотвращён, но «нерукотворный памятник», обвиняющий Советскую армию, в сознании многих людей уже воздвигнут. Тема русского надругательства над женщинами побеждённого народа не только заняла прочное место в сознании европейцев, но даже наложила отпечаток на современную российскую культуру. Так, например, эта тема стала осевым сюжетом кинофильма Гуськова «Четыре дня в мае», рефреном звучала в сериале «Диверсант», затронута в романе Улицкой «Казус Кукоцкого» и т. д.

Конечно, если даже положить на одну чашу весов истории два миллиона принуждённых к половому контакту женщин, а на другую — 20 миллионов убитых безоружных людей, причём нередко убитых самым чудовищным образом, то ни о каком адекватном сравнении взаимной вины речи всё равно быть не может. Но, поскольку память о Великой Отечественной войне для россиян, и шире — для большинства жителей постсоветского пространства, носит священный характер, любое утверждение об аморальном поведении победителей воспринимается крайне болезненно. Всё же мы не будем с порога отвергать это обвинение. Попробуем, сдерживая эмоции, добраться до истины, чтобы понять наверняка — имеет ли версия о массовом коллективном насилии сколько-нибудь веское подтверждение?

В отечественной литературе уже приводился подробный разбор источников, из которых получена шокирующая двухмиллионная цифра (например, внимания достойна работа Никиты Мендковича «Кто изнасиловал Германию?»). Как выясняется, вся широкая пропагандистская кампания имеет в своей основе единственную, вышедшую в середине девяностых годов книгу двух немецких писателей, Хельке Зандер и Барбары Йор, — «Освободители и освобождённые: война, изнасилования, дети» [2]. Пионером в области критического анализа их творения следует считать Игоря Петрова [3].

Расчёты Зандер и Йор опираются на данные двух берлинских клиник: «Императрица Августа Виктория» и «Шарите». Согласно регистрационным журналам этих учреждений, в период с сентября 1945 года по август 1946 года 5 % среди новорожденных младенцев имели своими отцами русских. От общего же числа рождённых в этот период маленьких берлинцев пять процентов составляет 1156.

Далее авторы полагают, что рождением заканчивалось только 10 % зачатий, остальные прерывались путём аборта. Согласно этому допущению, всего от русских забеременело 11 560 берлинских женщин.

Исходя из того, что беременностью заканчивалось каждое пятое насилие, исследователи решили, что всего было изнасиловано 57 800 женщин детородного возраста.

Принимая во внимание, что в 1945 году в Берлине проживало не только 600 тысяч женщин в возрасте от 18 до 45 лет, но ещё 800 тысяч девочек-подростков и женщин преклонного возраста, которые не беременели, авторы полагают, что общее число насилий следует увеличить примерно вдвое, до 110 тысяч актов.

Наконец, при экстраполяции полученных цифр от населения немецкой столицы к населению Германии в целом, возникают пресловутые два миллиона.

Зыбкость использованной методики подсчёта скрупулёзно и основательно раскритикована Игорем Петровым ещё в 2008 году. Главный аргумент, заставляющий сомневаться в достоверности результата — крайняя узость выборки. Экстраполяция на крупнейшую европейскую страну данных, полученных по двум не самым большим госпиталям (а фактически — лишь по одному из них) порождает огромную статистическую погрешность. Кроме того, в логике немецких исследовательниц легко обнаружить грубейшие методические ошибки. Поэтому российские исследователи вполне резонно предлагают не принимать заявленное число жертв как доказанный факт.

Тем не менее, никто до сих пор не попробовал обработать исходные данные Зандер и Йор, исправив допущенные ими методические нелепицы. Данные двух клиник, на которые опираются эти авторы, — единственные на сегодня обнародованные данные, доступные без специальных запросов в архивы. Они, безусловно, недостаточны для получения достоверной общей цифры пострадавших, но позволяют, по крайней мере, хотя бы приблизительно оценить её порядок. Можно ли в принципе говорить о миллионах жертв насилия либо планку необходимо понизить до сотен или даже до десятков тысяч?

Если полученный результат, в силу узости исходной выборки, не пригоден для точной статистики, то он, конечно, будет полезен для истории

и для этики. Ведь одно дело говорить о массовом, чуть ли не поголовном явлении, ложащемся чёрным пятном на целый народ, а совсем другое — об отдельных криминальных случаях, имеющих место в любом обществе даже в мирное время, тем более на войне.

Расчёты, сделанные демографическим сектором Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора и основанные на сведениях, опубликованных Зандер и Йор, позволяют полностью отклонить обвинения в адрес советского солдата-победителя. При соблюдении элементарной научной добросовестности итоговая цифра вероятных изнасилований, возникающая при экстраполяции случаев, зафиксированных в журналах клиник «Императрица Августа Виктория» и «Шарите», — меньше заявленной почти в двести раз!

Прежде всего, необходим более основательный подход к первичным данным. Исходная таблица, от которой отталкивались немецкие исследовательницы, выглядит так:

Таблица 1. Новорожденные, наблюдавшиеся в клинике «Императрица Августа Виктория» в 1945–1947 годах

KRANKENAKTEN KAISERIN AUGUSTE VICTORIA HAUS - KINDERKLINIK			
Geburtsdatum des Kindes	1.9.-31.12.45	1.1.-31.12.46	1.1.-31.12.47
	Anzahl	Anzahl	Anzahl
Fragliche Fälle Vergewaltigungen? (unehelich/Heim-, Pflege-, Adoptionskinder)	9	29	27
Vater unbekannt	2	4	2
Vaterschaft nach Nationalitäten			
Russe	7	16	3
Russe ?	1	1	2
Russe/Vergewaltigung	5	4	-
Amerikaner	-	5	2
Amerikaner unbek.	-	1	-
Amerikaner/Vergewaltigung	-	1	-
Engländer	-	4	7
Franzosen	-	2	2
Vergewaltigung ohne Angabe des Täters	-	1	-
Eltern unauffällig	213	506	486
Gesamt	237	567	531

Как видим в Таблице 1, среди 237 младенцев, принятых в клинику в последние пять месяцев 1945 года, у двенадцати в графе «отцовство по национальности» значится «русский», ещё один ребёнок под сомнением. Среди 567 новорожденных 1946 года — двадцать имеют русских отцов и один под сомнением. Среди них рождёнными от изнасилования значатся пятеро в 1945 году и четверо в 1946-м.

Первое возникающее возражение: каким образом дети, зачатые в результате русского насилия, могли быть рождены в Берлине осенью 1945 года? Ведь, как известно, передовые части 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева ворвались в предместья немецкой столицы только 23 апреля. Значит, первые потомки от возникающих связей должны были появиться на свет не раньше конца января 1946 года. Реальный же пик такого типа рождаемости, если принять за точку отсчёта дату завершения боёв и окончательного овладения Берлином, следовало ожидать не ранее начала февраля.

Возможно допустить, что мамами указанных в журнале клиники «Императрица Августа Виктория» новорожденных были не коренные берлинки, а женщины, эвакуировавшиеся из восточных регионов Германии — Пруссии, Силезии и Померании, куда советские солдаты вошли раньше. Однако и этот аргумент вряд ли может сильно изменить общую картину.

Стремительно наступая зимой 1945 года через Польшу и Венгрию, на территории рейха Советская армия натолкнулась на гораздо более вязкое сопротивление. В результате оплот восточно-прусского анклава — Кёнигсберг — пал только 9 апреля 1945 года, а столица Силезии Бреслау (ныне Вроцлав) продержалась до 6 мая. Померанией, откуда германское командование наносило контрудар по рвавшемуся к Берлину советскому танковому авангарду, части 2-го Белорусского фронта овладели только в конце марта — начале апреля. Реальная картина боевых действий, в купе с фактом массовой панической эвакуации немецкого гражданского населения до прихода победителей, указывает на то, что до начала апреля на территории, занятой советскими войсками, оказалась лишь незначительная часть немецкого населения — во много раз меньше той, что попала в зону советской оккупации в апреле — мае.

Это заставляет нас сильно сомневаться в том, что более половины детей, рождённых в результате насилия красноармейцев, могло появиться на свет уже в 1945 году. Вне всяких сомнений, беременности от таких преступных действий, если они имели место, должны были завершаться родами преимущественно в первые месяцы 1946 года или ещё позже.

Вполне вероятно, что непрошенными отцами упомянутых в журнале клиники детей оказались другие русские, не солдаты Советской ар-

мии, а те, кто находился по немецкую сторону фронта. Это могли быть белоэмигранты, власовцы, оstarбайтеры, пленные, почтение которых к бывшему «народу господ» резко убывало по мере надвигавшегося поражения Германии. Такая смена настроений вполне могла проявиться, кроме всего прочего, и в их участившихся преступных покушениях на честь германских женщин.

Также нельзя исключить, что на русское насилие было списано некоторое количество зачатий, возникших от беспорядочных половых связей внутри немецкого населения. Тем более что зимой — весной 1945 года надвигавшаяся военная катастрофа способствовала деморализации германского общества. Заявление о том, что внебрачный ребёнок появился от насилия вражеского солдата, а не от собственной распущенности, могло оказаться вполне удовлетворительной версией на публику.

В любом случае, мы считаем статистику рождений 1945 года в отношении советских военнослужащих недостаточно доказанной и предлагаем опираться исключительно на статистику 1946 года, то есть на тот период, когда истёк девятимесячный срок со дня вступления Красной армии в Берлин.

В это время, как мы видим, на 567 принятых в клинику детей приходится 21 ребёнок, где в графе отцовства значится Russe. Но только четверо из них отмечены как зачатые в ходе изнасилования (vergewaltigung). Относить ВСЕХ русских детей к жертвам насилия нет никаких оснований, по меньшей мере — нет документальных оснований. Поэтому доля потомков советского насилия в общем числе новорожденных снижается с 5 % до 0,7 %, что весьма существенно для наших расчётов.

Таким образом, возможно ожидать, что среди 23 тысяч юных берлинцев, которых учитывают в качестве расчётной базы Зандер и Йор, потомками насилия красноармейцев являются примерно 160. (Здесь и далее мы оперируем условными оценочными цифрами, доверительные интервалы для которых, в силу узости взятой немецкими авторами выборки, чрезмерно велики.)

Следующий вопрос: какая доля детей, зачатых при таких обстоятельствах, была извержена в результате абортов? Йор и Зандер, по совершенно немотивированым соображениям, постулируют эту долю в 90 %.

Но, касаясь этого вопроса, следует принять во внимание, что аборт в довоенной и военной Германии применялся очень редко и считался уголовным преступлением. Столь строгий подход не был продуктом каких-то особых драконовских мер нацистского режима, как может подумать современный обыватель, привыкший связывать запреты такого рода с тоталитарным строем. Нет, вопреки распространённым сегодня

представлениям, табу на аборт было естественной практикой старой христианской Европы. Этот запрет существовал на протяжении многих предшествующих веков и сохранился к 1945 году в подавляющем большинстве европейских стран. Заметим, что Советский Союз, легализовавший аборт в период 1920–1936 годов, был чуть ли не мировым пионером в этой деликатной области.

Правда, 14 марта 1945 года вышло специальное постановление Министерства внутренних дел Германии, разрешившего аборт для немок в тех исключительных случаях, когда они изнасилованы военнослужащими Советской армии. (Обратим внимание, для женщин, изнасилованных американцами или англичанами, таких послаблений не делалось. Это вполне естественно для гитлеровского режима, при котором славяне считались «недочеловеками», а расово близкие англосаксы рассматривались как равные.) Но вряд ли можно допустить, что даже циркуляр Министерства мог за несколько месяцев существенно изменить стереотип, складывавшийся веками и трактуемый аборт как смертный грех — убийство собственного ребёнка.

Игорь Петров ещё в 2008 году отметил, что сами данные клиники «Шарите», на которые опираются немецкие авторы, не совпадают с авторской гипотезой о 90-процентном абортировании.

Таблица 2. Женщины, наблюдавшиеся в клинике «Шарите» в июле — декабре 1945 года

AUFNAHMEBUCH der CHARITE - FRAUENKLINIK	
Zeitraum 23.7. bis 31.12.1945	Anzahl
Gesamtzahl der diagnostizierten Frauen	3.852
Gesamtzahl der Frauen, die ausdrücklich wegen Vergewaltigung in Behandlung waren (darunter 2 Amerikaner, 1 Pole)	514
Schwangerschaften bei diesen vergewaltigten Frauen	118
- davon zur Interruptio	37
- davon Abort incompl.	2
- davon Abortus	1

Из таблицы 2 видно, что в указанной клинике избавились от своего плода всего 40 женщин из 118 забеременевших в результате изнасилований. Это составляет вовсе не 90 %, а всего лишь 34 %.

Следовательно, если брать за основу статистику из журнала клиники, а не досужие предположения, то на 160 детей, рождённых в Берлине в результате насилия советских воинов, следует ожидать приблизительно 240 фактов зачатия.

Какое количество актов насилия потребовалось для 240 зачатий? В этом пункте авторы книги «Победители и побеждённые» единственный раз ошиблись не в пользу завышения, но в пользу занижения итоговых данных. Они предположили, что если на 514 женщин, обследованных по показаниям физического насилия, зафиксировано 118 забеременевших (таблица 2), то вероятность такого события примерно 20 %.

Это существенно выше физиологических данных, известных современной медицине. Очевидно, в клинику обращались не все изнасилованные. Многие женщины могли пренебречь наблюдением врача, если не ощущали физических последствий от навязанного контакта. Другие просто стыдились рассказывать о своём позоре.

Сравнительно недавние исследования американских физиологов [4] оценивают вероятность забеременеть в случае изнасилования в 6,4 %. Правда, эти данные получены при изучении наших современниц. При этом американские авторы ссылаются на то, что часть женщин, подвергшихся насилию, использует гормональные или внутриматочные противозачаточные средства. Поскольку первых в середине XX века ещё не существовало, а вторые были редкостью, то шансы зачатия у изнасилованных в военном и послевоенном Берлине были несколько выше. Видимо, мы не сильно погрешим против истины, если примем интересующую нас вероятность за 10 %.

Тогда, если продолжить экстраполяцию, получится, что во всей немецкой столице имело место примерно 2 400 актов насилия советских солдат над немецкими женщинами.

Вводит к этой цифре добавочный коэффициент, учитывающий всех девочек-подростков и старух в возрасте до девяноста лет, представляется недопустимым приёмом. Надо исходить из того, что в подавляющем большинстве случаев объектом солдатского насилия над мирным населением становятся женщины потенциально детородного возраста, и нет никаких оснований рассматривать советских военнослужащих как некий исключительный контингент, нарушающий это физиологически детерминированное правило. С учётом психических девиаций особого рода, имеющих место в любом обществе, расчётная цифра может быть повышена с 2 400 до 2 500 вероятных насилий, совершённых в Берлине.

Последним этапом нашего расчёта становится экстраполяция с уровня столицы до уровня целой страны. Авторы немецкого труда полагают, опять-таки никак не подкрепляя своего постулата, что частота насилия в столице была ниже, чем в сельской местности. Это допущение вряд ли имеет под собой объективные основания.

Во-первых, плотность советских войск, задействованных при штурме Берлина, была в несколько раз выше плотности войск, применявшихся в сельской местности Германии и впоследствии расквартированных там. (Население Берлина составляет примерно 15 % от населения восточной Германии, а в его штурме было задействовано более 30 % вступивших в Германию советских войск). Поэтому вероятность контактов между военнослужащими и женщинами в столице была выше.

Во-вторых, эффект большого города всегда рождает у потенциального преступника большее ощущение безнаказанности, подкреплённое возможностью затеряться, уйти от ответственности. Для сравнения, статистика мирного времени в современной ФРГ свидетельствует, что частота изнасилований в Берлине в 1,7 раза выше, чем в среднем по стране [5]. По меньшей мере, в отсутствие иных коэффициентов для перерасчёта, можно допустить, что в 1945 году пропорция была примерно такой же.

По сведениям Йор и Зандер, в Берлине 1945 года находилось около 1 миллиона 400 тысяч женщин старше 15 лет. В советской зоне оккупации, до выселения немецкого населения из Восточной Пруссии, Силезии и Померании, таковых насчитывалось приблизительно 8–9 миллионов. Таким образом, вероятное число совершённых на территории восточной Германии насилий колеблется от 8 400 до 9 500 случаев. По крайней мере, именно такую оценку количества обозначенных преступных деяний можно сделать, строго и добросовестно следуя сведениям, почерпнутым из журналов берлинских клиник «Императрица Августа Виктория» и «Шарите».

8–9 тысяч и два миллиона — разница более чем существенная!

Здесь следует повторить, что преступление остаётся преступлением, независимо от частоты его совершения, и всякий насильник, в том числе действовавший на территории поверженной Германии, заслуживает персонального осуждения. Однако радикальный пересмотр общего числа криминальных деяний является основанием для того, чтобы снять выдвинутые коллективные обвинения с Советской армии и с народа-победителя в целом.

Два миллиона насилий — это вакханалия преступной орды. Девять тысяч — досадное наличие некоторого количества преступников, к сожалению, существующих в любом обществе.

Многозначительно сравнение количества предполагаемых насилий, совершённых нашими солдатами в оккупированной Германии, с количеством насилий, совершаемых сегодня на территории ФРГ.

В период с 2004 по 2014 год ежегодное количество зарегистрированных в полиции актов сексуального насилия в бундесреспублике колебалось от 7 424 до 8 945 случаев [6]. Во избежание кривотолков, увязывающих частоту насильственных преступлений в Германии с наплывом мигрантов, подчеркнём, что используемые здесь данные получены до начала современного миграционного кризиса. По данным той же германской статистики [5], большая часть преступлений такого рода совершена не иностранцами или лицами, принявшими гражданство, а уроженцами ФРГ.

Как видим, в наши дни немецкими бюргерами каждый год совершается примерно столько же насильственных действий в отношении своих соотечественниц, сколько было совершено советскими солдатами в 1945 году!

Полученное совпадение означает, что поведение советских солдат на завоёванной в 1945 году земле не так уж сильно отличалось от поведения современных граждан Германии на своей собственной родине. И в том, и в другом случае среди миллионов добропорядочных людей находится несколько тысяч насильников, наличие которых не красит общество, но и не может ни в коем случае служить для обвинения всего общества в целом. В отношении к женщине советские солдаты, победившие фашизм, были в той же степени цивилизованы, что и современные немцы.

Придирчивый читатель может возразить, что в 1945 году на территорию Германии вступило, в общей сложности, не более четырёх миллионов советских солдат, — в то время как в ФРГ в настоящее время проживает примерно 20 миллионов мужчин соответствующего активного возраста. Это значит, что насильники в армейском контингенте должны были встречаться в пять раз чаще. Но эта разница полностью сходит на нет, если принять во внимание разницу в методах учёта и в исторических обстоятельствах.

Во-первых, проведённые нами расчёты были направлены на выявление всех, в том числе скрытых случаев изнасилования, а официальная современная статистика ФРГ отражает только те случаи, о которых поступили заявления в полицию.

Во-вторых, среди 20 миллионов немецких мужчин вряд ли наберётся даже 4 миллиона людей, которые в течение нескольких лет подряд были оторваны от семьи и нормальной половой жизни.

Стоит ли в дополнение к этому говорить о страшных психических нагрузках, которые испытали советские солдаты во время войны и о более чем веских основаниях для ненависти и мести. Полагаю, среди ступивших на немецкую землю наших воинов не было ни одного, у которого война не унесла бы близких и родных людей. Прежде чем дойти до Берлина, они долго наступали по родной земле, обезображенной гитлеровским нашествием, и насмотрелись на следы зверских расправ над мирным населением. Например, мой двоюродный дед по отцовской линии, Дмитрий Васильевич Глушенков, вошёл в Германию восемнадцатилетним новобранцем, мобилизованным из деревни Шишкино Белёвского района Тульской области. Его родной дом пробыл под оккупацией недолго, около полугода. Но, будучи мальчишкой, он успел увидеть, как немцы расстреляли для устрашения одну из деревенских семей; расстреляли вместе с детьми — его сверстниками. Он запомнил, как русские женщины, выходя из избы на улицу, каждый день мазали лицо коровьим навозом, чтобы избежать изнасилования солдатами вермахта. Нетрудно догадаться, какие чувства испытывал он, вступая в логово врага. А что могли испытывать солдаты из Белоруссии — уроженцы огненных деревень, где зондеркоманды насиловали женщин перед тем, как сжечь живьём?

Кажется поистине достойным восхищения обнаруженный нами факт, что после всего пережитого советские воины поступали в отношении женщин побеждённого и враждебного народа не более грубо, чем поступают нынешние немцы в отношении собственных соотечественниц. Если бы Хельке Зандер и Барбара Йор провели добросовестное исследование, они должны были завершить его словами искренней признательности тем благородным людям, которые не допустили на немецкой земле и мизерной доли тех преступлений, что творили на русской земле гитлеровцы.

Ещё один важный вопрос, который не может не тревожить читателя, ознакомившегося с данным исследованием: каким же образом Зандер и Йор, опираясь на те же самые исходные данные, получили результаты, столь вопиющим образом отличающиеся от приведённых здесь?

Перечислим основные отличия их методики, сработавшие на повышение конечной цифры:

1. Учтены вызывающие большое сомнение роды от предполагаемых русских отцов, произошедшие в период четвёртого — восьмого месяцев с момента вступления Советской армии в Берлин.

2. Потомками изнасилования признаны все дети, отцами которых указаны русские, а не только лишь те, где про обстоятельства насилия указано прямым текстом.

3. Бездоказательно допущено, что 90 % беременностей от связей с русскими прерывалось.

4. Так же бездоказательно допущено, что выбирая объект насилия, советские солдаты не принимали во внимание возраст женщин, с равной вероятностью делая своими жертвами подростков, зрелых дам и старух.

5. По непонятным мотивам предполагается, что частота насилия в провинциальных районах Германии была примерно втрое выше, чем в Берлине.

Эти методические приёмы, совершенно недопустимые при строгом научном подходе и даже входящие в прямое противоречие с исходными документами, наносят сильнейший удар по нашему представлению о прославленной немецкой точности и педантизме.

Анализируя причины этих грубейших ошибок, мы вынуждены констатировать, что пункты 2, 3 и 4 продиктованы той самой расовой гитлеровской логикой, с которой, как мы надеялись, было покончено в мае 1945 года. Делать такие допущения можно только в одном случае: представляя советских воинов представителями «низшей расы», не способными вызывать у «существ высшего порядка» никаких иных чувств, кроме омерзения.

Получается, что авторы категорически отменяют возможность добровольной связи между русскими мужчинами и немецкими женщинами и всех детей, рождённых от таких связей, числят результатом изнасилования. Вероятно, с их точки зрения, ни любви, ни банального влечения между русским и немкой возникнуть просто не может — как это невозможно между животным и человеком.

Ничем иным, как откровенной расовой логикой, нельзя объяснить и заниженную почти в семь раз, вопреки документальным данным, частоту сохранения беременности. Очевидно, что любой насильник, независимо от его национальности, должен вызывать у женщины омерзение. Но нет никаких оснований полагать, что именно русские были способны вызвать у немки столь сильное омерзение, что вынудили их чуть ли не поголовно нарушать вековое табу на аборт — в то время как плод от связей с насильниками всех прочих национальностей в большинстве случаев сохранялся.

Наконец, как верно выразился пионер критического анализа скандальной публикации Зангер и Йор, Игорь Петров, предположение о том, что советские солдаты насиловали всех женщин без оглядки на возраст,

«просто находится за гранью добра и зла». Такое допущение возможно, только если авторы считают русских безмерно похотливыми скотами, принадлежащими к совершенно иному биологическому виду и не ощущающими даже на уровне инстинкта естественных возрастных различий между немками.

Ошибки по пунктам 1 и 5 не продиктованы расовой логикой в её откровенном виде, но являются плодом тенденциозной установки на получение максимально впечатляющих результатов. Сознательно или подсознательно авторы преследовали цель безоговорочного обвинения России, Русской цивилизации. Такая установка могла возникнуть либо как продукт реваншистских настроений, либо как результат отношения к русскому обществу как обществу с заведомо более низкой культурой, недостойно низкой для человеческих существ.

Так или иначе, одиозные методические ошибки, приведшие к сенсационной цифре в два миллиона, тесно связаны с расчеловечиванием русских в сознании авторов, что, бесспорно, надо признать рецидивом гитлеровской идеологии.

Повышенное внимание к проблеме насилия в советской оккупационной зоне Германии, увенчанное сенсационной цифрой в два миллиона жертв, не имеет под собой документальных оснований. Напротив, те документы, на которые ссылаются авторы концепции «двух миллионов», при их добросовестной научной обработке говорят о том, что масштабы сексуального насилия со стороны советских воинов сопоставимы с частотой этого типа преступлений в современной Федеративной Республике Германия.

Столь ограниченная доля преступников в Советской армии, сравнимая с их долей в благополучном обществе мирного времени, служащем своего рода мировым эталоном высокой культуры, никоим образом не может служить основанием для осуждения нашей армии и нашего народа в целом. Напротив, полученный результат вызывает уважение к советским солдатам, абсолютное большинство которых даже в условиях самой жестокой войны сумело сохранить достойный моральный облик.

Послесловие:

Листая тот же самый журнал упомянутой берлинской больницы, можно обнаружить, что в 1946 году в городе появляются дети, рождённые от американцев (см. таблицу 1). И тут на пять рождённых от обычной связи приходится один, рождённый от изнасилования. Пример-

но та же самая пропорция! Те же самые люди, с таким же относительным количеством праведников и грешников.

А в 1947 году, когда город разделился на четыре примерно равные оккупационные зоны, на изнасилования уже никто не указывает, зато число детей, рождённых немками от русских, американцев, англичан и французов примерно одинаковое, четыре равные части. Похоже, что никаких расовых предпочтений берлинские женщины никому не оказывали, встречались с русскими с такой же частотой, как и с людьми Запада, с похожей частотой избавлялись от зачатых детей или вынашивали их.

Вот и вся обвиняющая Россию статистика. Не обнаруживается тут никакого деления на «цивилизованные» и «варварские» народы. Все дети Божьи. Все равны.

Кажется, мы так внятно объяснили это миру и Германии в мае Сорок Пятого: высших и низших, культурных и бескультурных — нет. И цифры из госпиталя, опять-таки, это равенство подтверждают. Но Барбара Йор и Хельке Зандер преподанный в 1945 году урок почему-то не выучили, а предпочли фабриковать доказательства «русского скотства», «русской неполноценности». Стыдно.

1. Beevor A. Berlin: The Downfall 1945. London, 2002.
2. Sander H., Johr B. Befreier und Befreite: Krieg, Vergewaltigung, Kinder. München, 1992.
3. К вопросу о «двух миллионах». URL: <http://labas.livejournal.com/771672.html>.
4. URL: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2001/06/21/rape>.
5. URL: <http://de.statista.com/statistik/studie/id/7229/dokument/kriminalitaet-in-deutschland-statista-dossier/de.statista.com>.
6. Anzahl der Opfer von Vergewaltigung und sexueller Nötigung sowie von Vergewaltigung / sexueller Nötigung mit Todesfolge in Deutschland von 2000 bis 2014. URL: de.statista.com.

ЗАПАД ОТСТУПАЕТ

Эпоха его триумфа закончилась в сорок пятом

Нам кажется, что Запад наступает. На нашем веку произошла стремительная метаморфоза: ещё тридцать лет назад мы жили в особом, самостоятельном мире, а теперь русская жизнь просто пропитана западными мотивами. По улицам проносятся европейские машины, на рекламных щитах красуются латинские надписи, из репродукторов льются англоязычные песни. Западные фирмы контролируют наши предприятия, западные политтехнологи совершают на наших границах «оранжевые революции», западные мэтры учат наших политиков «правилам хорошего тона». Складывается впечатление, что огромная западная волна захлестнула планету и, если вовсе не смоет социальные ландшафты других цивилизаций, то, по меньшей мере, оторвёт их обломки от почвы и увлечёт за собой своим могучим течением.

Однако на самом Западе далеко не все футурологи так же оптимистично оценивают перспективы собственной цивилизации. Отражением прямо противоположной точки зрения является книга-манифест Патрика Бьюкенена с красноречивым названием «Смерть Запада». Если сто лет назад Освальд Шпенглер предсказывал всего-навсего «закат», то наш современник Бьюкенен, идеолог американских правых, куда более категоричен. Значит ли это, что за минувшее столетие у патриотов вестернизации появилось больше причин для пессимизма? А как же «захлёстывающая всех волна»? Как сочетается эволюция уныния от Шпенглера к Бьюкенену — с триумфальным шествием Запада по планете?

Это серьёзный вопрос: свидетелями какого процесса мы являемся? На наших глазах весь мир превращается в Большой Запад, или же мы, напротив, стоим у смертного одра Западной цивилизации?

Прежде всего, попытаемся определить признаки, по которым можно судить о наступлении или отступлении цивилизаций. С обывательской точки зрения самым очевидным признаком западного триумфа является глобальное распространение созданных на Западе технологий, товарных

брендов, всевозможных изобретений и новшеств. Сложилось устойчивое мнение (отнюдь не лишённое оснований), что всё западное — пердевое, современное, прогрессивное. В такой системе координат само развитие человечества выглядит как движение в сторону Запада. «Прогресс, модернизация = вестернизация планеты».

Однако, осмелюсь утверждать, что прогресс и вестернизация — понятия совсем не тождественные. Да, за последние двести-триста лет западными умами совершена львиная доля открытий и технологических прорывов. Западными веяниями кажутся тотальная компьютеризация и автомобилизация, внедрение супермаркетов и даже, в глазах некоторых сограждан, переход к индивидуальному домостроению. Вестернизацией выглядит повсеместное внедрение бирж, фондовых рынков, вторичных финансовых обязательств, разного рода клирингов и лизингов. Однако можно ли утверждать, что каждое взятое с Запада новшество означает для народов иных цивилизаций отклонение от собственного пути? Значит ли это, что их собственный путь не вёл к автомобилям, компьютерам, биржам и супермаркетам? Вряд ли...

История человечества хранит немало примеров параллельных открытий. Например, в условиях абсолютной изоляции друг от друга возникла похожая пирамидальная архитектура: теокалли Мезоамерики и зиккураты Ближнего Востока. Африканцы в долине Нигера и китайцы в долине Хуанхэ параллельно, не зная о достижениях других, окультурили просо и рис. В разных концах планеты, от Бирмы до Карфагена, люди почти одновременно стали применять металлические слитки в качестве универсального товара — денег. Полинезийцы, японцы и древние греки освоили кораблестроение, ничего не зная о чужом мореходном опыте. Но если бы за 500 лет до нашей эры рыбакам с острова Сикоку удалось заполучить греческую триеру (возникшую раньше японских судов) и модернизировать свой флот по аттическому образцу, отклонилась бы Япония от своего пути морской цивилизации? Стала бы она ветвью эллинистического мира? Ничуть. Существуют общие закономерности технологического развития, которые работают внутри разных этнокультурных сообществ. И если кто-то на этой общей дороге опередил соседей, то освоение достижений пердеовика вовсе не означает отказа от собственного «я».

Мы почему-то считаем приметой распространения западного образа жизни глобальный успех кока-колы. Однако до того, как аптекарь Джон Пембертон получил патент на знаменитый тонирующий напиток, образ жизни американцев был ничуть не менее западным. С другой

стороны, жители Европы и Северной Америки с удовольствием пьют напитки, рождённые другими цивилизациями: арабский кофе, какао древних майя, индийский и китайский чай. Но англичанин, вкушающий в фэйв-о-клок любимый напиток буддистских монахов, отнюдь не теряет своей западной сущности. Скорее напротив — оригинальная трансформация чайной церемонии стала визитной карточкой Англии.

Современную западную цивилизацию трудно представить без игры в мяч — будь то футбол, баскетбол или регби. Но ведь игра в мяч заимствована европейцами у американских индейцев. До открытия Америки самым популярным шоу для западных людей был рыцарский турнир. Ныне эта исконная западная традиция канула в лету, уступив место забавам ацтеков и майя. Можно ли в произошедшей смене увлечений усматривать признак триумфального наступления Мезоамериканской цивилизации? Думаю, что нет. Болельщики «МЮ» и «Челси» остаются западными людьми и не чувствуют никакого духовного родства с почитателями Кецалькоатля и авторами «Пополь-Вуха».

Люди Земли на протяжении тысяч лет только и делают, что заимствуют друг у друга всевозможные достижения (это чуть ли не главный механизм прогресса), однако цивилизационное разнообразие планеты при этом интенсивном обмене отнюдь не убывает. Цивилизации не сливаются в одном тигле и не превращаются одна в другую. То, что Запад занимает сегодня место главного экспортёра новаций, отнюдь не гарантирует «озападения» окружающих народов.

В своё время таким же супер-экспортёром был Древний Рим. Однако окружающие «варвары» не закрыли свои провинциальные «культурные лавочки», не отказались от персидской, еврейской, германской, славянской идентичности, не стали римлянами. Нет, вместо похорон собственных цивилизаций они пережили Рим и похоронили генерального поставщика технологий, без тени сожаления продолжив пользоваться творческим наследием покойного.

Читатель может возразить, что мы говорили о новшествах преимущественно технического или бытового характера, которые не затрагивают духовных основ бытия. В то же время распространение, например, западной банковской системы подрывает именно духовные принципы ряда цивилизаций, разрушая их глубинную сущность, базовые религиозные ценности. Тут обычно вспоминается мир ислама, где на протяжении столетий дача денег в рост была табуирована религиозными нормами. Очень наглядная антиномия: консервативный Восток со статичной де-

нежной системой и целеустремлённый Запад, подхлестывающий свои финансы плетью ежегодных процентов!

Однако нелишне вспомнить, что христианская религия, лежащая в основе западной традиции, тоже порицает ростовщичество (по меньшей мере, до Реформации никаких послаблений в отношении ростовщиков в христианские догматы не вносилось). Значит ли это, что широкое распространение банковского дела в XVIII–XIX столетиях подорвало глубинную сущность самой Западной цивилизации? Не придётся ли в таком случае признать, что банковский бизнес есть признак распространения «восточных» ценностей, ведь древние колыбели кредитного процента — это Вавилон и Карфаген? И когда мы с Вами осваиваем премудрости ссудного дела, мы отнюдь не «вестернизируемся», а «шумеризируемся» или «пунизируемся»?

Конечно, нет. Кредитное дело распространилось на Западе под влиянием тех же экономических мотивов, которые действовали в своё время в древней Финикии или Греции. Просто этический барьер у европейцев оказался сильнее: понадобилось больше времени, прежде чем ожидаемые экономические выгоды перевесили соображения религиозной морали. Был ли это подрыв духовных корней? В какой-то степени — да. Но очевидно, что вместо угасания и деградации — удела цивилизаций с подорванными корнями — почти одновременно с распространением банков Запад осуществил своё глобальное наступление, покорив многие материки и став господином океанов. При этом западная цивилизация не только не утратила своей самобытности, но с сугубой интенсивностью стала навязывать, дарить или преподавать эту самобытность всем другим народам планеты.

Поэтому я полагаю, что появление арабских банков (русских товарных бирж, китайской федеральной резервной системы и т. д.) хотя и приведёт к заметному изменению облика упомянутых цивилизаций, но вряд ли станет шагом к поглощению и подчинению их Западом. Скорее наоборот — ужесточит конкуренцию и потеснит Запад на мировой арене. Это не признаки приручения западных конкурентов, а признаки их перевооружения. Так, в своё время обучение Арминия Германца в школе римских легионеров отнюдь не свидетельствовало о триумфе Вечного города над «варварами», но приближало катастрофу римлян в Тевтобургском лесу.

Арминий Германец — немецкий национальный герой. Служил в римской армии, достиг чина командующего легионом. Подняв восстание германцев, наголову разгромил имперские войска под Тевтобургом в 9 году нашей эры.

Нередко признаком глобального успеха западного общества считают сам факт распространения рыночной экономики и её почти повсеместной победы над административно-плановой моделью хозяйствования. Это крайне наивная точка зрения, пережиток советского менталитета — менталитета людей, живших в «осаждённой крепости» и делящих весь мир на две части: «внутри стены» и «за стеной». Ведя жестокую историческую конкуренцию с Западом, «осаждённые» привыкли смешивать западную цивилизацию со всем несоциалистическим миром. Эта ошибка характерна не только для апологетов социализма, но и для убеждённых «западников» советского происхождения. Воспитанное дихотомией холодной войны сознание не замечает плюрализма несоветского мира, наличия в нём множества непохожих обществ.

Рыночная экономика — не родовой признак Запада. Она сопутствует буквально всем цивилизациям планеты на протяжении всей истории человечества, начиная с древнего Шумера и культуры Яньшао. Это совершенно естественная форма хозяйственных отношений, уходящая корнями в глубокую древность. Случаи тотальной централизации экономических процессов, имевшие место в Советском Союзе, империи инков или парагвайском государстве иезуитов, — довольно редкие исключения из повсеместной практики. Поэтому связывать триумфальное шествие рыночных моделей по планете с утверждением именно Западной цивилизации, по меньшей мере, нелогично. Рыночные отношения возникли гораздо раньше возникновения западного общества и продолжают практиковаться даже в случае его полного исчезновения.

Точно так же не является признаком глобальной вестернизации распространение парламентской демократии. Запад не имеет никаких эксклюзивных прав на эту форму государственного управления. Демократические институты существовали задолго до возникновения Западной цивилизации и были характерны для весьма чуждых Западу культур. Свообразные формы демократии (как и достаточно развитой банковской системы) господствовали ещё в карфагенском обществе. Тем не менее, для западной мысли Карфаген всегда был враждебной силой, олицетворением зла, Востока, тьмы. Подавляющее большинство европейских историков, касаясь Пунических войн, сочувствовало Риму, и для очень многих европейцев самым цитируемым римлянином является Катон-старший, призывавший к разрушению «империи зла». То есть, цивилизационное чутьё западных людей не угадывает в карфагенянах «своих», хотя по таким параметрам, как развитие демократии и финансовой системы, Карфаген очень похож на современный Запад. По меньшей мере, похож больше, чем дорогой для европейцев Рим.

Отметим также, что демократия — очень новый для самого Запада принцип политического бытия; она не была характерна для западного общества на протяжении почти всей его истории. От раннего Средневековья до Нового времени Западная Европа эволюционировала в направлении абсолютизма, и ещё в годы Наполеоновских войн было совсем не ясно — движется ли Запад к демократии или к абсолютной личной власти. Решительный поворот в пользу демократии произошёл только в девятнадцатом веке, но и он был поставлен под угрозу эпохой фашизма. Очевидно, если бы демократия была генетической, родовой чертой западного общества, европейский путь к ней не оказался бы таким долгим и мучительным. Античные греки и римляне, в отличие от западных европейцев, выработали демократические формы правления буквально при своих первых шагах по исторической сцене.

Здесь я придерживаюсь точки зрения мэтров цивилизационного анализа — Тойнби и Данилевского, которые не относили Древний Рим и древнюю Элладу к Западной цивилизации. На это указывает множество фундаментальных отличий, в том числе то, которое приведено выше.

Дату рождения Запада историки помещают в широкий диапазон от 395 года (выделение Западной Римской империи) до 1054 года (раскол христианского мира). Наиболее авторитетный классик теории цивилизаций Арнольд Дж. Тойнби считает колыбелью Запада империю Карла Великого (768–843).

Подводя итоги, согласимся, что ни современный банковский капитал, ни современная парламентская демократия не могут быть признаны сугубо западными явлениями, отличительными признаками, органично присущими именно западному обществу. Напротив, с банковским капитализмом и парламентской демократией связан только очень короткий, недавний этап западной эволюции. Широкое распространение соответствующих финансовых и политических институтов в странах Азии и на других континентах скорее указывает на вступление незападных обществ в аналогичный этап своего развития, а вовсе не на их поглощение Западом. Для сравнения, распространение абсолютизма в позднесредневековой Европе вовсе не было признаком её исламизации или китаизации. Социалистическое строительство в Китае и Северной Корее не привело к их русификации. Поэтому и сегодня говорить о вестернизации планеты, судя по распространению некоторых важных социальных институтов, получивших максимальное развитие на Западе, явно преждевременно.

Вообще, усвоение чужих навыков и традиций чаще напоминает присвоение, утилизацию, нежели мимикрию и капитуляцию. Тот, кто активнее усваивает чужое, получает больше конкурентных преимуществ (если, конечно, при этом не забывает и не порочит своё). Напомним, что те же римляне поначалу были сущими культурными и технологически младенцами. Они как губка поглощали не только чужие технологии, но также чужие социальные институты и даже включали в свой пантеон чужих богов. Но из культурных кирпичиков «made in Egypt», «made in Greece», «made in Cartago» было выстроено грандиозное здание именно Римской цивилизации, а не филиал чужого мира.

Идентичность цивилизаций, так же как национальная идентичность, — очень сложная и тонкая вещь. Она определяется, прежде всего, такой трудноуловимой субстанцией, как самосознание.

Так, битва на Куликовом поле (впрочем, как и битва на Косовом) воспринимается русскими как значимое, важное событие нашей, а по большому счёту и мировой истории. Рок-композиция «Косово поле» стала хитом в России, но в Германии или Франции смысл песни с таким названием был бы как минимум непонятен. Для западных европейцев эти названия — Куликово или Косово — ничего не говорят, как для нас ничего не говорят такие события, как осада Вены или сражение под Лепанто. Падение Константинополя для нас — трагедия, для людей Запада — долгожданная закономерность.

Цивилизационная граница в Европе определяется и памятью о событиях Второй мировой войны. Перенос «Бронзового солдата» был для эстонцев не мелкой мезью, а символом геополитического возвращения на Запад. Пока болгары не требуют переносить памятник «Алёша» как символ «советской оккупации» — о радикальной вестернизации Болгарии говорить преждевременно. Хотя и Болгария, и Эстония являются сегодня членами Евросоюза, но ментально они продолжают жить в разных мирах.

Пока мы считаем изобретателем радио Александра Попова, а создателем периодической таблицы Дмитрия Менделеева, Россия не стала частью Западного мира. Конечно, европейцам радио подарил Маркони, но русскому признать приоритет итальянского физика — такая же нелепость, как потомку индейцев сию согласиться с абсурдным для него утверждением, что Америку открыл Колумб, а китайцу — считать первопечатником Гутенберга, создавшего типографский станок на шесть веков позже нанкинских мастеров.

Ещё более важна для определения идентичности система святынь, ценностей, национальных героев.

Наполеон уважаем у всех европейских народов, независимо от того, на чьей стороне воевали их предки в 1805–1814 годах. А в сознании большинства русских эта историческая фигура приобретает карикатурные черты самовлюблённого карлика, которому подражают персонажи из «психушки».

Для людей как Западной, так и Восточной Европы Чингисхан ассоциируется со слепой жестокостью, а для народов Центральной Азии он — мудрый строитель великой и справедливой империи. Когда академик Кабышулы сравнил Нурсултана Назарбаева с Чингисханом, он хотел польстить казахскому лидеру, а вовсе не очернить его.

Наконец, самым ярким маркером цивилизаций выступают религии — три главных конкурирующих общества западной части Евразии были разграничены в истории принятием трёх широко распространённых вероисповеданий: католичества, православия и суннитского ислама. Хотя и религиозный принцип классификации цивилизаций не полностью универсален. Так, Российская цивилизация почти на сто лет отказалась от православного христианства в пользу квазирелигии коммунизма, но при этом не только не утратила идентичности, но совершила небывалое в своей истории расширение сферы влияния.

Уловить определение «цивилизации», выразить его одной, математически точной, формулой весьма непросто. Есть, однако, более простой способ диагностировать рост или угасание того или иного этнокультурного типа. Методика достаточно грубая, но зато понятная и легко применимая на практике.

Следует признать, что нация, сформировавшаяся в лоне какой-то одной цивилизации, как правило, частью другой цивилизации не становится. В противном случае возникает новая нация с новым названием. Так, принявшие ислам сербы стали мусульманами, или босняками. Мексиканцы — часть молодой Латиноамериканской цивилизации — это не западный народ испанцы и не мезоамериканский народ ацтеки. Греки, которые в орбите Римской цивилизации упорно называли себя эллинами, с рождением византийской ойкумены оказались ромеями.

Поэтому, не мудрствуя лукаво, примем, что Западная цивилизация простирается там, где господствуют западные нации. В своё время Гитлер утверждал, что «Европа кончается там, где кончаются поселения

германцев». Если не поддаваться клиническому этноцентризму фюрера и заменить понятие «германцы» всеми народами западно-христианского мира, определение выглядит довольно верным. И самое главное — легко осязаемым.

Западный мир по этому признаку выделяют не только историки и философы, но даже экономисты. Так, наиболее авторитетный британский специалист по сравнению ВВП, Энгас Маддисон, при региональном анализе мировой экономики оперирует понятием «Западная Европа и другие ветви Запада», куда относит все скандинавские, пиренейские и германоязычные страны, Великобританию, Францию, Италию, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Регионализация, как видим, осуществляется им не по географической, а по социально-культурной близости. Правда, чужие регионы Маддисон нарезает более топорно, но эта абберрация для человека с евроцентричным мышлением вполне объяснима: «своих» он ощущает и выделяет безошибочно, а в «чужих» различия разбирается с меньшей тонкостью.

Обращает внимание то, что Маддисон не включает в свой «Запад» европейское цивилизационное пограничье: прибалтийские народы, венгров и католиков-славян. В этом есть определённый резон: например, почти все народы Запада в своей истории выступали преимущественно как завоеватели-колонизаторы, а почти все народы пограничья, за исключением поляков и, отчасти, венгров, чаще оказывались в роли завоёванных и колонизируемых. Тем не менее, эти обитатели «близких» колоний Запада так глубоко прониклись культурой своих победителей, что в современности их можно считать органичной частью Западной цивилизации.

Попробуем проследить динамику Западной цивилизации по тому, как изменяется ареал расселения и сфера влияния западных наций.

Шестьсот лет назад, накануне эпохи Великих географических открытий, Западная цивилизация ютилась на скромном участке суши, занимающая менее половины Европейского континента. Хотя, строго говоря, Европа — это и не континент вовсе, а всего-навсего полуостров огромной Евразии.

Следующие пять веков можно назвать триумфальным шествием Запада по планете. Выходцы из Европы колонизировали (в прямом, физическом смысле, то есть заселили) Южную и Северную Америку, Австралию и Южную Африку; а также поставили под колониальный контроль всю остальную часть Чёрного материка и львиную долю Азии. Под каблуком Западной цивилизации оказался почти весь земной шар. В переходном, полуколониальном состоянии оставался Китай (слишком боль-

шой кусок, сразу не проглотить), и весьма условную самостоятельность сохраняли ещё Япония и Россия.

Заря двадцатого века стала зенитом западной славы. Почти половина мира (Европа плюс Новый Свет) стала Западом в полном смысле этого слова, две «недоокультуренные» страны выступают в качестве прилежащих учеников, всё остальное превращено в склады сырья (минерального и человеческого) для дальнейшего строительства великой цивилизации. На горизонте забрезжил конец истории, то есть конец эры конкурирующего многоцветья культур. Родись Фукуяма на сто лет раньше, он с полным успехом мог ввести в оборот свой сенсационный термин ещё эдак году в 1906-м.

А накануне Второй мировой войны А. Дж. Тойнби без тени сомнения писал: «Запад поставил своих современников (имея в виду шесть остальных цивилизаций планеты. — В. Т.) в безвыходное положение».

Сегодня говорить о безвыходном положении геополитических конкурентов Запада — язык не поворачивается. Скорее наоборот. Когда Александр Зиновьев пророчествовал, что «кричать будет "Алла!" с башни Эйфеля мулла»; когда герой Никиты Михалкова в «Урге» пишет из будущего: «Поеду в Калифорнию. Очень хочется посмотреть, как японцы живут», — это воспринимается не как забавная шутка, а как вполне добротная художественная футурология.

Запад отступает. Прежде всего — демографически. В 1500 году на долю западных наций приходилось около 15 % населения планеты, в 1900 году — примерно четверть, сегодня осталось не более 11 процентов [1]. Люди Запада не только прекратили заселение новых земель, но начали покидать уже обжитые. Они полностью эвакуировались из Северной Африки, а в Южной Африке находятся в состоянии «глухой обороны» с весьма предсказуемым итогом. Впервые в своей истории сам Запад превратился в объект колонизации чуждыми народами: доля представителей иных культур в населении большинства западноевропейских стран превысила десять процентов, а во Франции и Германии приближается к пятнадцати.

Этот коренной поворот миграционных потоков, произошедший во второй половине XX столетия, не впечатляет тех, кто убеждён в превосходстве культуры над демографией. Однако в столкновении цивилизаций именно демография нередко оказывалась решающим фактором. Германские варвары, затопившие Рим, хоть и пытались перенять культуру «Вечного города», но Римскую цивилизацию аннулировали, пред-

почти строить свою. Македонцы, носители высокой античной культуры, завоевав Персию, не смогли её эллинизировать, растворились в персидском море. Демографический перевес позволил индусам не допустить исламизации своей страны владыками Майсура, Хайдарабада и «великими моголами», которые поклонялись Аллаху, а не Шиве. Демографический перевес оказался козырем наших предков в противоборстве Руси и Орды. И сегодня панические настроения Бьюкенена, Хайдера и прочих западных «правых» вызваны вполне объяснимыми причинами. Они понимают, что темпы культурной ассимиляции мигрантов, прибывающих на Запад, не сопоставимы с масштабами демографического давления.

Не менее очевидно отступление Запада в сфере политической власти над миром. Распад колониальных империй, утрата заморских владений не могут быть компенсированы никакими формами неоколониального влияния. Третий мир вышел из-под прямого контроля, а косвенный дорого стоит. К тому же он становится всё менее эффективным.

Возьмём для примера Пакистан. Ещё семьдесят лет назад эта страна не имела даже собственных границ, она была всего лишь частью английской колонии под прямым управлением британского вице-короля. Сегодня Пакистан, имея все атрибуты государственного суверенитета, ещё следует в фарватере западной политики — но это очень своеобразный сателлит, позволяющий такие выходы, как создание собственного ядерного оружия. Статус Пакистана в структуре военно-политических блоков с США приближается к статусу Японии, блокировавшейся с Антантой в годы Первой мировой войны. Это игрок с самостоятельными амбициями, который временно вынужден считаться с наличием более сильных, но ценностно чуждых сил. «Старшие партнёры» Пакистана ничего не могут поделать с ростом исламского фундаментализма, с ростом антизападных настроений — у них просто нет соответствующих рычагов влияния. Они даже не могут заставить пакистанцев искоренить базы талибов в населённой пуштунами части страны.

Здесь специально приведён пример Пакистана как одной из наиболее лояльных к Западу стран третьего мира — про Вьетнам или Судан и речи вести не стоит. Сто лет назад это были порабощённые нации, сегодня — упрямые оппоненты. Глобальная утрата политического влияния очевидна. Причём происходит эта утрата не в результате перехвата сателлитов иным центром силы (как нередко бывало в период холодной войны), а в силу повсеместной внутренней эмансипации, возмужания западных народов.

С середины XX века неуклонно снижается удельный вес Запада в мировой экономике. Если в 1750 году на долю западных наций приходилось около 30 % всемирной промышленной продукции [2], в 1900 году — более 90 %, то сейчас — менее 50 %. Доля Западной цивилизации в мировом ВВП, которая непрерывно росла с 1500 по 1950 год, поднявшись от 19–20 % до 59–60 %, в 2003 году сократилась до 44,2 % [3], а в 2015 была уже ниже 35 %. Судя по экономической динамике, к середине двадцать первого века планета вернётся к статусу-кво трёхсотлетней давности, западный ВВП снова сожмётся до четверти, а утраченные позиции крупнейших глобальных производителей восстановят Китай, Индия и Индонезия. Повышенное внимание к новой экономической ассоциации растущих гигантов — БРИКС — отражает всеобщее ожидание альтернативы угасающему господству Запада.

Ещё одной тяжёлой потерей Западной цивилизации является потеря собственной духовной провинции — Латинской Америки. Судя по всему, смешение аборигенов-индейцев, европейских мигрантов и африканских невольников породило новый культурный феномен. Самуэль Хантингтон уже выделяет Латинскую Америку в качестве самостоятельной цивилизации. Во всяком случае, латиноамериканцы всё чаще демонстрируют самостоятельность от «старшего брата», наиболее радикальной формой таких настроений является боливарианское движение. Но даже в странах, вынужденных сохранять внешнюю лояльность (например, в Мексике), укрепляется стремление к иной, незападной самоидентификации.

«Ни капли ацтекской крови!» — так говорят мексиканцы о неполадочных, бескультурных людях. Показательно, что говорящие на испанском языке метисы избрали критерием благородства не европейский Мадрид, а побеждённый Мадридом Теночтитлан. Конечно, современные мексиканцы не смогут считаться прямыми наследниками давно умершей цивилизации Мезоамерики, чья культурная традиция канула в Лету. Но апелляция к ацтекам им нужна, чтобы подчеркнуть свою особость: незападность, неевропейскость. Ещё одним подтверждением неевропейской идентичности современных мексиканцев служит то, что в Мехико есть памятник герою ацтекского национального сопротивления Куаутемоку, но нет памятника испанскому конкистадору Кортесу.

Единственное направление, на котором Запад за минувшее столетие достиг успехов — русское направление. Нас по итогам Первой мировой и холодной войн Западная цивилизация в самом деле существенно потеснила. Хотя, по большому счёту, она всего-навсего вернула под контроль свои исконные земли: Финляндию, Польшу, Прибалтику. Втягивание

в западную орбиту влияния Украины вряд ли можно считать окончательным и бесповоротным — и прежде эта земля не раз переходила из рук в руки, что отразилось в её названии.

Конечно, для нас, сыновей Российской цивилизации, потери конца двадцатого века и фронтальное отступление перед Западом выглядели как катастрофа. Именно это ощущение тяжести собственного поражения перед лицом превосходящего противника заставляет нас говорить о триумфе Запада. Но в масштабах планеты это — сугубо провинциальная, местечковая точка зрения. На всех «фронтах», кроме русского, Запад отступает. Да и против нас уже исчерпал силу своего контрудара, о чём свидетельствуют феномены «путинского возрождения» и «русской весны». Не случайно успешное сопротивление западной экспансии в Крыму и на Донбассе вызвало настоящую истерику у западных прозелитов.

Когда же произошёл роковой перелом, после которого бурно распространявшая своё влияние по поверхности планеты Западная цивилизация вдруг начала своё отступление? Минимально осведомлённый наблюдатель без труда определит, что этот перелом совпал по времени со Второй Мировой войной.

До этого момента западноевропейские нации вели интенсивное глобальное наступление. Достаточно сказать, что только с 1876 по 1913 год доля африканских территорий, контролируемых европейцами, увеличилась с 1/10 до 9/10 площади Чёрного континента [4].

После Первой мировой войны, несмотря на распад Германской и Османской империй, их владения не получили независимости, но были разделены между британскими, французскими и бельгийскими колонизаторами. Тем самым Запад дополнительно расширил сферу своего господства за счёт турецких провинций на Ближнем Востоке. В 1935 году Италия завоевала Эфиопию, последнюю независимую страну на Африканском континенте. (Кстати, жители этого восточноафриканского государства благодаря своему древнему христианскому вероисповеданию, принятому от восточной церкви, цивилизационно близки Византии и России.) В 1939 году итальянцами была завоёвана не принадлежащая западному миру Албания, весной 1941 года немцами захвачены Югославия и Греция. А 22 июня 1941 года начался самый грандиозный и самый бесславный из всех колониальных походов западных держав. Можно смело утверждать, что к декабрю сорок первого, в результате завоевания примерно полутора миллионов квадратных километров советской земли, ареал западного политического контроля достиг своего исторического максимума.

Итогом Второй мировой войны стало не только появление глобальной альтернативы западному доминированию в виде советской сверхдержавы, но стремительный распад колониальных империй. В 1945 году объявили о своей независимости Индонезия, Вьетнам и Сирия, в 1947 году — Индия, к 1961 году независимыми стало большинство африканских государств. Ожесточённые колониальные войны, с помощью которых бывшие хозяева пытались удержать своё господство в Индокитае, Бирме, Конго, Алжире, завершились повсеместным поражением европейцев.

Вслед за распадом колониальных империй началось возрождение незападных цивилизаций и сокращение веса западных народов в мировой экономике.

Причины упадка Западной цивилизации однородны с причинами её расцвета.

Современный человек настолько привык к материальному превосходству западных стран, что оно кажется ему перманентным, вечным, чуть ли не испокон веку присущим этому культурно-историческому типу. Запад представляется символом научного познания и прогресса, антиподом сонного консервативного Востока. При этом из поля нашего внимания каким-то непостижимым образом ускользает тот бесспорный факт, что по числу выдающихся открытий, совершённых до 1500 года, лидирует отнюдь не Европа, а Китай. Изобретение китайцами пороха, бумаги, компаса — это хрестоматийные примеры. К ним можно добавить, что народы Дальнего Востока на 600 лет раньше европейцев придумали книгопечатание, на 400 лет раньше ввели фидуциарное (то есть символическое) денежное обращение, на несколько веков опередили Европу с внедрением централизованной городской канализации. Китайские учёные почти на два тысячелетия прежде европейских физиков ввели понятие инерции (С. Г. Кара-Мурза, ссылка на Ж. Пиаже).

В начале шестнадцатого века даже Турция во многих вопросах технологического прогресса стояла впереди западных держав. Вплоть до битвы под Лепанто (1571) турецкие флот и артиллерия считались лучше европейских. Конечно, сообщения о том, что Турция намного опередила европейцев в создании планера, реактивного двигателя и парашюта братьями Челяби в 1630–1632 годах, носят, скорее всего, легендарный характер, но превосходство турецкой пороховой химии и литейного дела веком раньше является вполне достоверным. Более подробно ознакомиться с достижениями османов в экономике, государственном

управлении, социальной и гуманитарной политике — достижениями, которым завидовали европейцы, можно в детальном исследовании Н. А. Иванова «Османское завоевание арабских стран», посвящённом золотому веку Блистательной Порты, периоду 1516–1574 годов. Техническое и социальное превосходство Турецкой империи казалось тогда столь впечатляющим, что формировало «реальный комплекс неполноценности христианства» (Фернан Бродель).

Таким образом, до начала своей колониальной экспансии никаким явным мировым лидерством — в области экономики, техники или науки — Европа не обладала. Она завоевала это лидерство после завоевания колоний.

По оценкам ведущих современных экономистов, в 1500 году уровень жизни в Западной Европе не отличался принципиально от уровня жизни в Египте, Индии или Китае. Французский мэтр экономической истории Жан-Поль Бэрок утверждает, что ещё в 1750 году Китай, Индия и даже Таиланд превосходили европейцев по производству промышленных товаров на душу населения. Это лидерство Азии подтверждается структурой международной торговли того времени. Европейцы активно приобретали индийские и китайские ткани (о чём свидетельствуют даже многие популярные названия текстиля: кашемир, крепдешин, нанка и т. д.), фарфор и иную посуду, резную мебель и другие изделия высокой степени обработки. В то же время расплачиваться европейским купцам приходилось почти исключительно золотом и серебром, поскольку до середины восемнадцатого века они не могли предложить своим азиатским партнёрам потребительских товаров конкурентоспособного уровня.

Кстати, даже драгметаллы для расчётов с азиатскими контрагентами были не европейского производства. Западные нации приобрели их в Новом Свете, в результате ограбления сокровищниц инков и ацтеков, дальнейшего использования рабского труда индейцев в Потоси и других американских рудниках.

В итоге четырёх веков колониальной экспансии Запад добился чуть ли не десятикратного преобладания над ведущими нациями Азии по душевому ВВП. Индия в составе Британской империи развивалась в сорок с лишним раз (!) медленнее Великобритании, по оценкам современных экономистов её душевой ВВП с 1700 года по 1947 год вырос лишь на 13 %, в то время как уровень душевых доходов в метрополии увеличился за этот же период на 554 % [3]. Средний британец стал жить богаче среднего индуса в одиннадцать с половиной раз. Очевидно, «финансовым то-

пливом» для стремительного экономического и технологического рывка западных держав выступали ресурсы, отнятые у колоний. Задержка колоний в развитии была вызвана этой же причиной.

Даже те западные нации, которые успели только к разделу остатков колониального пирога или практически не имели заморских владений (например, немцы или шведы), тоже оказались благополучателями в грандиозном планетарном грабеже. Как минимум, купцы и банкиры Стокгольма и Гамбурга были пайщиками Ост-Индийской и других колониальных компаний. Как максимум, немецкая или шведская экономика получала выгодные заказы у обогатившихся соседей-колонизаторов, причём условия международных расчётов европейцев с европейцами были гораздо более справедливыми, чем с народами иных цивилизаций.

Апологет Запада может заявить, что европейцы стали мировыми колонизаторами в силу того, что уже обладали техническим превосходством над другими нациями планеты, — поэтому они первыми смогли переплыть океаны и воспользоваться преимуществами международного разделения труда. В таком случае объяснить секрет западного экономического чуда шестнадцатого — девятнадцатого веков эксплуатацией колоний нет никакой необходимости.

Однако европейцы переплыли океаны далеко не первыми. В 1418 году, почти на сто лет раньше Васко да Гамы, юго-восточных берегов Африки достигла китайская экспедиция Чжэн Хэ. Китайские мореплаватели в то время были технологически на голову выше европейских коллег [3, с. 258–259]. Водоизмещение каждого из крупных кораблей Чжэн Хэ достигало несколько тысяч тонн, по сравнению с ними каракки и каравеллы да Гамы и Колумба были сущими скорлупками. Например, «Пинта», матрос которой первым увидел Новый Свет, весила около семидесяти тонн. В конструкции китайских судов были использованы такие приёмы, которые европейские корабли освоили лишь три века спустя (например, водонепроницаемые отсеки, обеспечивающие живучесть судна в случае пробоины). Но, несмотря на технические преимущества, китайцы не продолжили морское освоение дальней акватории Индийского океана и не колонизовали африканский материк.

Почему? Потому что экспедиции Чжэн Хэ (всего он и его соратники совершили семь дальних морских походов) были признаны в Пекине нерентабельными. Прибывая в дальние земли, китайцы вели меновую торговлю по конфуцианским правилам хорошего тона, не закладывая в сделку высокой маржи. В отличие от них, Васко да Гама и

его последователи несли совершенно иную этику. Они не то чтобы навязали купцам Индийского океана несправедливые правила торговли, а попросту принялись грабить чужие суда или обкладывать их поборами, то есть повели себя как подлинные рэкетиры. Отвязный грабёж окупал любые затраты на содержание флота. Аналогично вели себя европейские колонизаторы в Южной и Центральной Америке, восточной Африке и в остальных уголках земли. Сэр Френсис Дрейк до сих пор считается британским национальным героем, а ведь он был банальным пиратом на службе Её Величества.

Не случайно даже такой патриот Западной цивилизации, как сотрудник ЦРУ, крупнейший современный эксперт в цивилизационной теории Самюэль Хантингтон признаёт: «Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии... но скорее превосходством в применении организованного насилия».

У нас есть все основания восхищаться смелостью западных первооткрывателей, которые рискнули на своих утлых судёнышках пересечь Атлантику, в то время как китайские мореходы, даже располагая куда более солидными транспортными средствами, предпочитали тактику каботажного плавания и не отваживались двигаться по кратчайшему маршруту через океанские просторы Индийской акватории, не говоря уже о транстихоокеанском плавании. Но невозможно отрицать, что выдающейся отваге европейцев также сопутствовали невероятные для других цивилизаций агрессивность и высокомерный комплекс «высшей расы» по отношению к иным народам. Вполне себе духовный набор «идеального арийского воина» из «Ваффен СС», которым обладали и пиринейские конкистадоры, и англосаксонские колонизаторы.

Запад — единственная цивилизация в мире, которая строила свои империи по принципу отчётливой сегрегации, где разрыв в уровне жизни между метрополией и колониями был не просто кратным, а порядковым и более. В большинстве других цивилизаций планеты включение завоеванных провинций в империю означало строительство относительно однородного общества, где все подданные являются «детьми» имперского лидера и развитие происходит без нарастающего отрыва доминирующего этноса от остальных этнокультурных групп. По крайней мере, масштабы именно экономической дискриминации в западных империях несопоставимы с западной практикой.

В результате такой практики ресурсы многих, достаточно развитых цивилизаций были отняты у своих законных обладателей и сосредоточены

ны в нескольких избранных странах, прежде всего в Англии и Голландии. Такая концентрация финансовых возможностей в руках небольшого количества людей, осуществлённая впервые в мировой истории, послужила важнейшей причиной фантастического научно-технического рывка. Интенсивная, безжалостная и, с точки зрения полученного результата, весьма умелая эксплуатация колоний обеспечила Западу мировое доминирование.

Такая эксплуатация могла осуществляться только на основе концепции расового или культурного превосходства, разделявшей мир на «высшие» и «низшие» народы. Только в рамках такой концепции «низшие» не заслуживают жалости или снисхождения и рассматриваются как продолжение живой природы, как двуногие ресурсы для получения максимальной прибыли.

Победа СССР во Второй мировой войне привела не только к краху нацистской Германии. Она также стала причиной краха всех остальных нацистских, колониальных империй на Земле. Доктрина «высшей расы» перестала быть определяющей в сознании западных народов.

Такие тектонические перемены в геополитике произошли в силу целого комплекса причин.

Во-первых, народы колоний были вдохновлены примером Советского Союза, незападной Российской цивилизации, так сокрушительно разгромившей западных колонизаторов.

Во-вторых, СССР в результате победы стал мировой сверхдержавой, конкурирующей с западными метрополиями, и получил возможность оказывать помощь угнетённым нациям в их освободительной борьбе.

В-третьих, европейская общественность содрогнулась, когда воочию увидела методы, на протяжении веков применявшиеся в колониях, на территории самой Европы. Гитлеровский геноцид, ставший достоянием гласности благодаря современным СМИ, привёл к катарсису не только в немецком, но и в общеевропейском сознании.

В-четвёртых, технологические успехи и военные победы русских и других народов Советского Союза — бесспорно западных наций, развивавшихся по бесспорно западной модели, — разрушили европейский комплекс превосходства и, может быть, впервые с такой очевидностью заставили посмотреть на другие народы как на равных.

В-пятых, внутри самой Западной цивилизации на лидерские позиции выдвинулись США — нация-диссидент, державшаяся особняком от старой Европы. Американцы предложили Западу иную стратегию развития, не основанную на жёсткой национальной сегрегации, практиковавшейся в колониальных империях.

Все эти причины (и возможно другие, не учтённые мной) привели к тому, что прежняя колониальная доктрина международных отношений, ничем принципиально не отличающаяся от доктрины Третьего рейха, потеряла свою легитимность и была заклеена как на правовом уровне, так и на уровне массового сознания.

Потеряв колонии, западный мир потерял свой «финансовый допинг» в виде безвозмездной колониальной ренты. А вслед за этим начал терять своё лидерство.

Очень похоже на то, что к концу двадцать первого столетия уровень жизни в ведущих западных странах снова сблизится с уровнем жизни в большинстве стран незападных цивилизаций. Тогда мир, как и шесть веков назад, до начала эры великой колонизации, вернётся в состояние многополярного равновесия.

Вышесказанное вовсе не означает, что западная цивилизация непременно погибнет, как предсказывают Бьюкенен или Сарацин. Пока ещё западное общество остаётся самой сильной земной цивилизацией, но уже не справляется с ролью вершителя планетарных судеб. Наиболее вероятный путь его эволюции — превращение в один из многих культурно-исторических типов планеты, отказ от претензий на глобальное величие. Не исключено, что в изменившихся условиях западные нации, вместо поверженного в 1945 году наступательного национализма довоенной эпохи, начнут вырабатывать оборонительный национализм, прежде характерный для колонизируемых народов.

Говорить о похоронах Запада явно преждевременно, но то, что его коронация отменяется, — это совершенно точно. Хотя для особ с королевскими амбициями отмена коронации чуть ли не равна похоронам.

1. Две первые цифры рассчитаны на основе данных справочника «Население стран мира» под редакцией Б. Ц. Урланиса; последняя — на основе современной статистики.
2. По расчётам Поля Бороша, см.: Atlas Le Monde diplomatique. 2007. С. 156–157.
3. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. М., 2015.
4. Африка. История Африки в новое время // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969–1978. Т. 2 Ангола — Барзас. 1970.

У читателя может возникнуть мнение, что автор, выступая в качестве последовательного борца с евроцентризмом, преувеличивает беспощадную агрессивность Западной цивилизации и нарочито сгущает краски — слишком уже не вяжутся его оценки традиционной западной политики с образом современной толерантной Европы.

Однако подтверждением авторской позиции выступают откровенные публикации апологетов Запада, которые в алармистских предчувствиях пеняют новой Европе за отказ от старых, проверенных принципов.

Ниже — отзыв автора на статью Ю. Л. Латыниной, напечатанную в «Новой газете» 16 августа 2011 года.

СТАРЧЕСКАЯ ХВОРЬ БЕЗУСЛОВНОГО ПРИМАТА

– Скажи мне, бабушка, почему у тебя такие жалкие зубы?

– Потому что настоящие зубы, внученька, мне выбили под Сталинградом.

Шарль Перов «Коричневая шапочка»,
новая европейская сказка

Редкий случай, когда я почти во всём согласен с Юлией Латыниной. На слове «почти» надо сделать отчётливый акцент, но об этом позже. А пока читаю, и глазам не верю. Латынина, либеральная до мозга костей, западница на все двести процентов, и так припечатала современную Европу? Да это не статья, а целый обличительный манифест. И название какое изящное: «Европа, ты офигела!» Ни дать, ни взять, ультрапатриотический ответ на щекочихинское «Россия, ты одурела!»

Впрочем, хватит эмоций, перейдём к латынинским тезисам. (Заранее извиняюсь за повторы перед теми, кто статью уже читал.)

«Кончается пятисотлетнее доминирование Европы над миром». Точнее не скажешь. Чтобы убедиться в этом, не надо даже призывать в свидетели Найла Фергюсона, достаточно заглянуть в статистические справочники: ВВП, экспорт-импорт капитала, доля в активах и прочее...

«Когда Европа была в зените славы, она исповедовала иные ценности. Нынешние ценности, принятые европейцами, полностью отличаются».

ся от традиционных европейских». Согласен полностью, и неоднократно подчёркивал эти радикальные перемены на ресурсе Win.gu

«Единство Европы не есть европейская ценность. В эпоху расцвета она состояла из множества конкурирующих государств». Верно. По Тойнби, единение есть признак упадка. Цивилизация, теряя внутренние силы, стремится к созданию «универсального государства». Европейский Союз — яркая иллюстрация предзакатного слияния «остывающих» элементов системы.

«В Европе времён расцвета не было всеобщего избирательного права. Демократия — не европейская ценность». Опять в точку! А то я устал твердить соратникам, что демократизация и вестернизация — разные вещи, что выборность вовсе не является особой приметой Западной цивилизации, а в средние века в Европе было меньше демократии, чем у монголо-татар или даже у североамериканских индейцев.

Не буду утруждать читателя пунктами о социальной справедливости и роли государства (если кто настаивает, коснёмся их в другой раз). Перейдём к самому интересному — тезису о мультикультурализме.

«Какое отношение мультикультурализм имеет к европейским ценностям? Когда Кортес громил ацтекских божков — он что, мультикультурализм проповедовал? Когда Васко да Гама топил корабли с паломниками в Мекку — это что, была гуманитарная программа?

Европейские ценности времен колониализма были представлением о безусловном примате... европейской цивилизации. Как только эта идея кончилась, то кончилось и превосходство».

Уми, автор, точнее не скажешь! Подписываюсь под каждым словом, но... развиваю мысль дальше. Всё величие современного Запада покоится на былой убеждённости в своём превосходстве. На вере в своё естественное, врождённое право — низвергать ацтекских божков, топить магометанских паломников, торговать неграми, подсаживать на опиум китайцев, грабить византийские храмы и индийские сокровищницы.

Да, Запад прогрессивная цивилизация. Не спорю. Самая прогрессивная на Земле. Но, видимо, понятия «прогресс» и «агрессия» имеют не только филологическое родство. Феноменальная тяга к новому — отличительная черта западных людей — не ограничивается тягой к новым знаниям, но также распространяется на новые земли, новые богатства, новых рабов.

Вершиной этой эволюционной линии стала гитлеровская Германия. Мы видим, как век от века развивались принципы триумфального западного колониализма. Сначала Испанская империя — ещё по-средневековому жестокая, но пока не слишком склонная к сегрегации, породившая миллионы метисов-латиносов. Затем Британская империя с её принципом «For Whites only» и строгой расовой иерархичностью. И, наконец, Третий Рейх, с Освен-

цимом и планом «Ост». Чистая, как кровь нордического героя, квинтэссенция европейских ценностей. Царство «безусловных приматов».

Вот тут мы с Латыниной, до сих пор согласные, как близнецы, подошли к точке бифуркации, когда малое расхождение в оценках рождает великое противостояние в выводах. Вовсе не «за 20 лет, прошедших с момента объединения Европы и торжества «общечеловеческих ценностей» европейцы «профукали» своё лидерство. Европейцы профукали своё лидерство не в Гааге и Страсбурге, а под Волоколамском и Сталинградом, когда потерпела крах идея «безусловного примата».

После пятисот лет триумфального шествия по планете неожиданно выяснилось, что на любого примата может найтись свой «Т-34». Причём обнаружилось это отрезвляющее средство вовсе не у наследников древних уточнённых цивилизаций — китайцев или индусов, а у «лесных варваров», в историческом масштабе только вчера «вылезших из таёжной берлоги». Представляете себе потрясение, которое пережили сыны великого Западного мира, горделиво маршировавшие в дремучую медвежью глухомань и едва сумевшие унести ноги из-под залпового огня реактивной артиллерии? Тут не только духовным ценностям — генофонду мутировать в пору.

В полях между Сталинградом и Ленинградом погребён не только цвет европейского рыцарства из домов Силезии, Ломбардии, Фландрии и Эльзаса, но также зарыт в землю весь набор традиционных европейских ценностей. Зарыт навсегда, нравится это российским западникам или нет.

Да, мы свидетели заката Европы, и современные европейские ценности, пришедшие на смену традиционным, досталинградским, — безусловно, есть ценности упадка. У фанатов Западной цивилизации этот факт вызывает грусть (как у господина Бьюкинена) и даже протест (как у госпожи Латыниной). Однако ничего не поделаешь. Сколько ни пиши манифестов, сколько ни зывай к исторической памяти «офигевшей Европы», былого величия не вернёшь, как не вернёшь прошедшей молодости. Поворот на 180 градусов, произошедший в 1941-45 годах, — не игра исторического случая, а провиденциальная закономерность.

В самом деле, начиная с плаваний Колумба, сфера западного доминирования расплзлась по планете, как перезревшее тесто из квашни. К началу XX века в сетях Запада (по выражению А. Тойнби) запутался весь мир. Кому ещё можно было принести идеи прогресса и за счёт кого ещё можно было пожить? Луна и Марс далеки и безлюдны. Океанские глубины и полярные шапки труднодоступны и малорентабельны. Руководствуясь ценностями старого Запада, европейцам оставалось только рвать куски друг у друга. Хваленая конкуренция достигла апофеоза. Спасибо европейским ценностям за две мировые войны!

Нетрудно представить, какая судьба ожидала бы планету, дрогну русские под Сталинградом. Идея безусловного примата продолжала бы свой торжествующий парадный марш, получив новый бонус от германского потребителя. Принцип прогрессивно-агрессивного отбора не оставлял шансов уклониться от Третьей мировой войны: между Рейхом и Америкой, между Западной Евразией и Новым Светом. Надеюсь, у читателя нет сомнений, что главным оружием этой войны стало бы ядерное оружие. А следующей ступенью прогресса, по пророчеству Эйнштейна, оставался каменный топор. Безудержная конкурентная гонка западных гигантов, верящих в свой безусловный примат, вела к взаимному обнулению.

Слава Богу, этого не случилось. Европа, плодovито рожавшая одну колониальную империю за другой, не смогла донести самого воинственного отпрыска. Надсадилась, сделала аборт у русского хирурга. И на этом закончила свой репродуктивный период.

Идеи нынешней Европы отличаются от её прежних идей, как чаяния в возрасте менопаузы отличаются от надежд юности. Они, мягко говоря, своеобразны. Но это естественно для возраста угасания. Мало ли встречается нам стареющих женщин, впавших в эзотерические поиски или превративших свои квартиры в приюты для бездомных животных?! В эти годы экзальтированная благотворительность по отношению к «братьям меньшим» посещает даже особ, по природе сварливых и злобных. (Помните, у Мари де Севинье: «Чем больше узнаю людей, тем больше люблю собак»?)

Европейский мультикультурализм — это явление подобного порядка. Он не стремится к вселенскому человеческому универсуму, как стремились христианство или коммунизм, а приобретает форму экзальтированной заботы о «братьях меньших», которым в припадке умиления позволяет даже то, что не позволено «разумным существам». Старый расизм, вывернутый наизнанку.

Понятно, что Латынина, как и прочие российские неофиты Западной цивилизации, не прошла европейской эволюции вместе со старожилami континента, не утомилась пятисотлетней конкистой и не пережила катарсис после Нюрнберга. Ей кажется, что ещё можно вернуться в боевую задорную юность, где «Кортес громил ацтекских божков, а Васко да Гама топил паломников в Мекку». Но вряд ли такой рецепт станет эликсиром молодости для усталой старушки Европы. Это в восемнадцать можно танцевать ночью напролёт, выпив пару банок «энергетика», а на шестом десятилетии от такой программы недолго и коньки отбросить.

Поклонникам увядающей Европы, растратившей свой пыл в колониальных походах, остаётся утешаться известной мудростью: «Старость — единственное средство прожить долго».

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОБЕДИТЕЛЬ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Сформированный в середине XX века клуб ракетно-ядерных держав долгое время совпадал по составу с Советом Безопасности ООН, то есть включал в себя только победителей Второй Мировой войны: США, СССР, Великобританию, Францию и Китай. Эта пятёрка поначалу обладала абсолютной монополией, а затем, по мере распространения ядерных и ракетных технологий, сохраняла неоспоримое доминирование в сфере ОМП. Однако последние военно-технологические успехи Дели свидетельствуют, что в круг лидеров ракетно-ядерного клуба уверенно вошла Индия.

Индийская баллистическая ракета «Агни-5», запущенная 19 апреля 2012 года из штата Орисса, пролетела более пяти тысяч километров и точно поразила плановую цель. Это полноценная межконтинентальная ракета, потенциально способная доставлять ядерные боеголовки на берега Жёлтого, Красного и Средиземного морей. При её создании использованы самые современные материалы и технологии. Глава индийской Организации оборонных исследований и разработок Виджей Сарасват утверждает, что с точки зрения применяемых инноваций индийское ракетостроение уступает сейчас только американскому.

Впечатляют темпы, с которыми индийцы осваивают новую для себя сферу деятельности. Испытания первой ракеты дальнего радиуса действия, «Агни-3», успешно завершились всего два годами раньше, а за минувшее с тех пор время уже изготовлены четвёртая и пятая модель индийской МБР, причём максимальная дальность полёта возрастала от модели к модели более чем на тысячу километров.

«Агни» — в переводе с санскрита означает «пламя, энергия, горение» (созвучно с русским «огонь» и латинским «ignis»). Это же имя носит древнее индийское божество огня, бог-посредник между земным миром и небесным пантеоном. Символично, что индийская цивилизация, научившись создавать ультрасовременные технологические продукты, не отрывается от своих духовных истоков и не заимствует названий у заморских учителей. Значит, одновременно с вовлечением в глобальные

экономические и информационные процессы, Индия не намерена терять идентичности и превращаться в придаток западной цивилизации — несмотря на то, что соблазн вестернизации для индийцев облегчён отсутствием языкового барьера и сильным культурным влиянием англоязычного мира.

Сегодня индийские претензии на вхождение в число геополитических лидеров планеты вполне обоснованы. Индийская экономика уже является четвёртой экономикой мира (после Китая, США, Японии, 1) и растёт темпами, значительно превышающими среднемировую прирост ВВП. Благодаря последним достижениям, индийскую армию тоже можно отнести к пятёрке сильнейших армий Земли. Победителям Второй Мировой войны волей-неволей придётся потесниться на глобальном Олимпе. Значит ли это, что плоды великой Победы Сорок пятого полностью собраны и мир вступил в новую эпоху, ориентирующуюся по другим историческим координатам? Отнюдь нет. Возвышение Индии целиком и полностью связано с итогами Второй Мировой войны.

Формально Индия могла числиться в стане держав-победителей только как часть Британской империи, что является статусом весьма сомнительным. Фактически же оснований считать индийскую нацию членом антигитлеровской коалиции ещё меньше. Вопреки распространённому в СССР убеждению, что против гитлеризма боролось «всё прогрессивное человечество», такой общепризнанный представитель «прогрессивного человечества» и духовный лидер индийской нации, как Махатма Ганди, призывал индусов не участвовать в «междоусобной европейской войне» и бойкотировать Великобританию, благодаря чему почти три военных года (1942-44) провёл в британской тюрьме.

Подобные настроения среди индусов были не единичными, а массовыми. Население колониальной Индии явно не сочувствовало героической борьбе, которую вела имперская метрополия. Напротив — известия о сокрушительных победах японского оружия над британским сочувственно передавались из уст в уста, обрастая легендами. Пропагандистский лозунг японских милитаристов «Азия для азиатов!» разделяло значительное количество жителей Индостана. Тут и там вспыхивали и распространялись со скоростью лесного пожара слухи о высадке японских парашютистов, что доставило немало хлопот британским колониальным властям: подданные явно намеревались встречать «хлебом-солью» (точнее, «рисом-карри») долгожданных желтолицых освободителей [см., например, 2].

И, тем не менее, Победа 1945 года всё-таки стала победой и для индийского народа, причём, в гораздо большей степени, чем для английского.

Ведь смысловой осью Второй Мировой было, конечно, не противостояние одного треугольника великих держав против другого треугольника, и тем более, не противостояние западных демократий против тоталитарных режимов (как нас пытаются убедить задним числом фальсификаторы истории). Смысловой осью Великой войны было решение вопроса о человеческом достоинстве, о допустимости деления обитателей планеты на высшие и низшие расы.

Разгром гитлеризма обернулся крахом идеи-фикс всей Западной цивилизации. Победа русских «варваров» над «расой господ» лишила морального оправдания всю колониальную систему. Понятие «низшая раса» вместе с гитлеровскими знамёнами было брошено на свалку истории. Британская и французская колониальные империи рухнули буквально сразу вслед за третьим рейхом.

Вот почему индийские патриоты, хотя и противостояли формально одному из членов антигитлеровской коалиции, тоже участвовали в мировой борьбе с нацизмом — нацизмом британским, который нанёс Индии не меньший ущерб, чем Советскому Союзу нанесло германское нашествие, и который, вне тени сомнения, обернулся для индийского народа большими жертвами, чем Холокост.

Мы редко задумываемся о том, что голодная, нищая Индия, какой мы привыкли представлять её в XX веке, в средние века считалась страной сказочных богатств. Не на пустом месте возникла строчка из оперы «Садко»: «Не счесть алмазов в каменных пещерах!» Совсем редко встретишь человека, информированного о том, что ещё совсем недавно, в середине восемнадцатого века, на Индию приходилась четверть мирового мануфактурного производства, и уровень душевого потребления готовых изделий в этой стране был выше среднеевропейского [3]. Лишь затем два века «нового порядка» под британским управлением превратили Индостан в мировой полюс бедности, зато имперскую метрополию вознесли на вершину мирового благополучия. И только после 1945 года часы истории начали обратный отсчёт. Началось, выражаясь словами авторов парижского альманаха «Le Monde Diplomatique», «возвращение азиатских гигантов» на утраченные позиции.

Освобождение страны в 1947 году произошло практически бескровно, как и мечтал Ганди. Резко потеплела, если так можно выразиться, глобальная политическая атмосфера. Британцы осознали неспособность удержать империю силой. Если бы в 1947 году Лондон предпочёл добровольному уходу колониальную войну, как это сделал Париж в Индокитае, то вместо нейтральной и относительно дружелюбной Индии Запад получил бы Индию враждебную и социалистическую, вошедшую в совет-

ский лагерь (смотри пример Вьетнама, Лаоса, Камбоджи). Популярный в послевоенной Индии слоган «Хинди, руси — бхай, бхай!» («Индийцы и русские — братья!») служил более серьёзным фактором сдерживания британских военных амбиций, чем современная ракета «Агни-5».

В статусе колонии доля Индии в мировом ВВП сократилась с 24,4 % до 4,2 % [5]. Уровень жизни за два с половиной века после 1700 года снизился с приблизительно среднемирового до 29,3 % от уровня планеты и до 8,9 % от уровня метрополии. Душевые доходы индусов в первой половине двадцатого века, под неусыпным руководством Лондона, сокращались в абсолютном выражении! И это, - несмотря на грандиозный технический прогресс, которым пользовались в то время все независимые народы мира, и далеко не в последнюю очередь — создатели Британской колониальной империи.

Когда многие эстонцы или латыши заявляют, что их, самые благополучные в Советском Союзе республики, были «колониями Москвы» — им необходимо открыть самый элементарный справочник, и ознакомиться с фактами: что такое настоящая колония, устроенная по традиционным европейским принципам. А после этого — каждый день начинать с благодарственной молитвы за то, что Прибалтика оказалась в составе СССР, а не в составе Третьего рейха. Впрочем, Британский рейх, если учитывать его колониальную историю, вполне мог бы ещё дать фору Германскому по масштабам совершённых преступлений против человечности.

В евроцентричной картине мира внимание гуманистов обычно приковано к бедствиям европейских народов, на трагедию «мировой периферии» не принято обращать внимания. Например, когда идёт подсчёт жертв Второй Мировой войны, почти никогда не принимаются в расчёт умершие от Великого Бенгальского голода 1943 года. А ведь жизнь четырёх миллионов жителей провинции, ныне входящей в состав Индии и Бангладеш, оборвалась, прежде всего, из-за войны, разрушившей сложившиеся хозяйственные связи этого региона с поставщиками продовольствия. В их гибели есть и прямая вина британской колониальной администрации. В разгар голода британцы на протяжении семи месяцев продолжали вывозить из Бенгалии продукты [5]. Банального прекращения экспорта было бы достаточно, чтобы спасти от смерти не менее миллиона человек. Этого не было сделано.

Обратим внимание: советское правительство прекратило экспорт зерна в конце марта 1933 года, на третий месяц Великого Голода тридцатых годов — однако это не помешало правительствам семнадцати стран признать события 1933 года в СССР намеренным геноцидом и до сих пор предъявлять обвинения официальной Москве. При этом на международном уровне ни

где и никогда не ставился вопрос об ответственности Лондона за геноцид в Бенгалии, хотя для этого несравненно больше оснований. Такая двойная бухгалтерия — отголосок старой расовой доктрины Западного мира, согласной которой западные нации, как жена Цезаря, находятся вне подозрений.

Впрочем, как уже говорилось, голод 1943 года отчасти объясним экстремальными условиями военного времени, в то время как в колониальной Индии не раз возникал голод в мирной обстановке. Благодаря «Капиталу» Маркса хрестоматийной стала фраза лорда Бентинка: «Равнины Индии белеют костями хлопчаткачей». Невероятный по масштабам индийский голодомор случился в 30-х годах девятнадцатого века, когда Англия, пережившая промышленную революцию, наводнила рынки фабричными тканями, разорив тысячи индийских мануфактур и оставив без средств к существованию миллионы людей. Для того, чтобы осознать всю глубину и несправедливость разыгравшейся трагедии, надо учесть следующие факты: а) прежде на долю Индии приходилось около трети мирового рынка тканей [3]; б) стартовый капитал для промышленной революции Англия, по меткому выражению британского экономиста Э. Хобсбаума, получила из Индии; в) до начала XIX века европейские производители, не выдерживая конкуренции с индийскими, жёстко защищали внутренние европейские рынки [см, например, 6], когда же перевес получили европейцы, колониальная администрация запретила применять защитные меры для индийского рынка.

Спазмы массового голода, подобные тому, что описан лордом Бентинком, систематически душили колониальную Индию — ведь уровень жизни под властью англичан, как отмечено выше, снижался. Оценить общий масштаб демографических потерь, понесённых страной от британского нацизма, представляется затруднительным. Но не вызывает ни тени сомнений, что он измеряется многими десятками миллионов человек, и не сопоставим ни с одним иным гуманитарным бедствием на Земле, за исключением, может быть, массового вымирания китайского населения во второй половине XIX века, после поражения в Опиумных войнах. Во всяком случае, под британским господством относительная доля Индии в мировом населении снизилась почти вдвое [4], а в отдельные периоды наблюдалось и абсолютное сокращение индийского населения [7].

Семьдесят лет независимости, обретённой после идейного краха европейского нацизма, позволили стране переломить негативные тенденции и быстро наращивать свой вес в мировом масштабе. Сегодня на Индию приходится более семи процентов глобального ВВП, она уже производит в три раза больше товаров, чем бывшая метрополия [8]. Отставание в уровне жизни также заметно сократилось, душевые доходы как

относительно среднемировых, так и относительно британских увеличились более чем в полтора раза [9].

Столетие независимости, согласно прогнозам, Индия будет встречать как минимум на третьем, а то и на втором месте в глобальном экономическом рейтинге, производя не менее 10-12 процентов мировых товаров. И все эти хозяйственные успехи вчерашней голодной колонии, равно как освоение древней азиатской страной передовых ракетно-космических технологий, вхождение в пятёрку ведущих космических держав — результат того гигантского исторического поворота, который произошёл на планете в 1945 году.

Послесловие:

Внимательный читатель может указать, что в ракетно-ядерный клуб, потеснив постоянных членов Совета Безопасности ООН, вошла не только Индия, но, кроме того, Пакистан, Израиль и Северная Корея. Это наблюдение тоже подтверждает вывод о неизвестных победителях. Ведь народы этих стран получили по итогам Второй Мировой войны гораздо больше, чем такие участники антигитлеровской коалиции, как англичане или французы.

Англия и Франция потеряли свои империи, пакистанцы, евреи и крейцы добились независимости или создали свои национальные государства. Всё это — прямые результаты Победы 1945 года.

1. С учётом паритетной покупательной способности. См., например, «World Development Indicators database (Отчет «GDP, PPP (current international \$)»). Всемирный банк».
2. «Вокруг Света», 2010 г. Пятидесятилетие года Африки
3. Paul Bairoch: «Victoires et déboires : histoire économique et sociale du monde du XVIe siècle à nos jours» (3 Vols). Gallimard, 1997.
4. Энгас Мэддисон, «Контурсы мировой экономики в 1-2030 гг.», Издательство Института Гайдара, Москва, 2015
5. Shiva V., «Stolen Harvest: The Hijacking of the Global Food Supply», South End Press, 2000
6. А.Б. Каплан. «Путешествие в историю», М., 1973
7. «Народонаселение стран мира», под ред. Б.Ц. Урланиса и В.А. Борисова, рецензент А.Г. Вишневский, М., 1983
8. Gross domestic product based on purchasing-power-parity (PPP) share of world total; IMF
9. GDP based on purchasing-power-parity (PPP) per capita; Всемирный банк

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: что роднит медведя с тигром?

Возникновение Шанхайской Организации Сотрудничества трудно связать с насущными прагматическими предпосылками. Что объединяет Москву, Пекин и столицы молодых государств Средней Азии? Товарооборот между ними невелик, идеологические ценности различаются весьма ощутимо, говорить об этнокультурной близости и об историческом родстве тоже нет оснований. По всем этим признакам надо было бы ожидать возникновения союзов совсем в иных конфигурациях. Поэтому ШОС до сих пор напоминает скорее консультационный совет, нежели альянс прямого действия.

Однако мировой резонанс от существования ШОС явно превосходит тот масштаб, подобающий обычному консультационному совету. Такой резонанс вызывается глобальными ожиданиями. Откуда же возникают эти ожидания?

У всех, кто знаком с азами геополитики, при взгляде на карту ШОС в воображении сразу всплывает маккиндеровский «Хартленд». Сердцевинная земля в центре евразийского континента. Сердце мира. В философии Хэлфорда Маккиндера Хартленд окружён мистическим ореолом. «Кто владеет Хартлендом — владеет Евразией. Кто владеет Евразией — владеет миром».

В таком наделении Хартленда мистической силой явно отразился древний ужас античного человека перед приходящими из континентальных глубин гуннами. Хотя со времён Чингисхана из Хартленда никто не нападал. Наоборот, последние века земной истории давали гораздо больше оснований для пробуждения ветхозаветного ужаса перед филистимлянами — «народом моря». Конечно, это — эмоции, тёмная память человечества. Но в самом противопоставлении «народов моря» и «народов суши» есть безусловный смысл. Смысл не всеобъемлющий, но играющий важную роль в судьбах планеты.

Можно дать несколько определений Хартленда. Первое, классическое, относит к срединной земле территории внутреннего стока Евразии плюс бассейн Ледовитого океана (то есть Хартленд простирается там, где нет выхода в судоходные моря). Таким образом, «народы суши» попросту отрезаны от мирового океана, что означает не только их географическую обездоленность, но и дополнительную защищённость от нашествий извне.

Присмотревшись к карте изотерм, можно обнаружить, что пространство внутреннего стока почти точно совпадает с зоной отрицательных зимних температур. Резко выраженный континентальный климат затрудняет хозяйственное освоение Хартленда, что, с одной стороны, задержало экономическое развитие населяющих «сердцевинную землю» народов, с другой — сберегло нетронутыми огромные природные ресурсы. При таком рассмотрении английское звучание корня «харт» («heart») в слове «хартленд» приобретает сходство с «хард» («hard»): жёсткая, трудная земля.

Стоит заметить, что оба определения Хартленда — гидрографическое и изотермическое, — в полной мере применимы лишь к современной России и республикам Средней Азии. В отношении Китая их можно распространить только на северо-западную половину этой страны: Синьцзян, Тибет, внутреннюю Монголию. Ядро Китайской цивилизации формировалось в бассейнах Янцзы и Хуанхэ, на территории с более мягким климатом, непосредственно примыкающей к морю (то есть, по классификации Макиндрера, это типичный Римленд, дуговая земля прибрежного полумесца).

Однако, в отличие от большинства других обитателей Римленда, китайцы — несомненный «народ суши». Китай строился не как «дом фасадом к морю», а как «здание с внутренним двориком». На протяжении тысячелетий внутренний рынок в экономике Китая играл гораздо большую роль, нежели связи с заморскими партнёрами. Это объясняется, прежде всего, огромной ёмкостью внутреннего рынка, несопоставимой с рынками ближайших соседей. Человеческий потенциал Китая ещё до Рождества Христова достиг критической массы, позволяющей организовать полноценное разделение труда даже в условиях автаркии. Масштабы китайской экономики не шли ни в какое сравнение с экономиками всех, достигаемых по морю, партнеров (даже вместе взятых). Единственным сопоставимым контрагентом в этом смысле могла оказаться Индия, но морские сношения с ней были затруднены из-за неудобной конфигурации Малайского полуострова¹.

¹ От Гуанчжоу до Калькутты по морю — более 5000 км; расстояние, которое европейцы научились преодолевать только при Генрихе Мореплавателе.

Экономика-интраверт стала одной из важных причин, препятствовавших вестернизации страны в эпоху всемирной европейской экспансии. Стратегия Западной цивилизации была стратегией типичной талассократии, стратегией морского господства. Овладевая нитями океанских торговых путей, Запад прежде всего притягивал к себе те страны, которые на этих нитях «висели». Так, европейская колонизация Молуккских островов состоялась на двести лет раньше первой попытки взломать «китайский орешек», хотя расстояние от Европы до «перечного архипелага» точно такое же, как до южнокитайских портов.

Если мы посмотрим на мировую карту двухсотлетней давности, то с удивлением обнаружим, что ареал современного ШОС почти точно совпадает с кругом стран, до начала девятнадцатого века избежавших западной колонизации. Если же продлить историческую панораму вплоть до наших дней, то окажется, что члены ШОС представляют почти исчерпывающий список стран, куда не ступала (точнее говоря — где не задерживалась) нога западного оккупанта. Это своеобразный «сухой остаток» незападного человечества, который не удалось «размочить» волнам европейской экспансии.

После яростного албазинского контакта, Россия и Китай долгое время существовали «спина к спине», почти не взаимодействуя друг с другом. Тем не менее, начиная с девятнадцатого века, в истории двух континентальных сверхдержав просматривается определённая синхронность, тесно сопряжённая с синхронностью приливов внешней агрессии.

Попытка европейских народов, объединённых Францией, разгромить Россию в континентальной кампании потерпела полный крах в 1812 году. Гораздо более успешной для Западной коалиции оказалась морская война 1853-56 годов, выглядевшая не как завоевательное нашествие, а как типичная для современности полицейская акция «мирового жандарма». И хотя поражение в Крымской войне не ограничило суверенитет нашей страны, оно повлекло заметное понижение международного статуса. Россия начала эволюционировать от привычной позиции самостоятельного центра силы к положению младшего партнера западных держав. Не сумев одолеть русского медведя в рукопашной схватке, Запад начал его приручение, чередуя болезненные уколы периферийных ударов с приманкой инвестиций.

Похожие меры были приняты западными колонизаторами и в отношении Китая. Возможность сухопутного вторжения в Поднебесную (аналогичного кампаниям Наполеона в России, маркиза Хейстингса в Индии или кардинала Хименеса в Магрибе) даже не рассматривалась, как в силу

удалённости театра военных действий, так и в силу неудобоваримых масштабов потенциальной добычи². Опиумные войны сразу приобрели характер морских полицейских войн, ставящих целью не завоевание, а укрощение чуждой цивилизации.

Китайское общество, впервые в своей истории столкнувшееся с угрозой такого типа, оказалось совершенно не готово к сопротивлению. Все нашествия до тех пор носили характер «периферийных нашествий», при которых завоеватели не навязывали альтернативных культурных ценностей и признавали приоритет китайской культуры. Здесь же «длинноносые варвары» демонстрировали явное презрение к китайской традиции. После цикла унижительных поражений, Китаю пришлось не только признать неравноправные условия сотрудничества с Западом, но и поступиться частью своего суверенитета.

Надо честно признаться, что Россия тоже воспользовалась незавидным положением Китая, в 1859-60 годах вынудив побеждённого соседа уступить спорные территории на Дальнем Востоке. Уссурийский край попал в наши руки не благодаря славе русского оружия, а благодаря англо-французским легионам под стенами Пекина. Это была плата династии Цин за лояльность северного соседа.

К началу двадцатого века никакой коалиции между Россией и Китаем не намечалось. Китай выглядел как постепенно обгладываемая извне континентальная глыба, причём Россия участвовала в этом пиршестве на правах младшего партнёра, довольствуясь объедками со стола западных держав. При этом русская кровь, пролитая при подавлении национально-освободительного, антизападного по существу восстания ихэтуаней, не пошла России впрок. Полученные в 1900 году преимущества от раздела сфер влияния были почти мгновенно аннулированы Русско-Японской войной, где Японию поддерживала талассократическая сверхдержава той эпохи — Великобритания.

Положение резко изменилось с началом революционного бума, почти одновременно охватившего Россию и Китай. В исторической науке почти не рассматривается такой аспект, что обе революции — Русская и Китайская — носили цивилизационно-реваншистский характер. Вместе с проявлением социальных и прогрессистских мотивов, в них выплесну-

² Накануне Опиумных войн население империи Цин оценивается в 400 миллионов человек, тогда как в Англии проживало менее 20 миллионов жителей, во Франции — чуть более 30 миллионов (в России, для сравнения, около пятидесяти).

лось недовольство русского и китайского народов нарастающим влиянием Западной цивилизации и сервильным (по отношению к западным партнёрам) поведением государственных элит. Коммунизм для русских и китайских масс был не только красивой социальной утопией, но также идейной альтернативой западным ценностям и практическим способом закрыться от западной экспансии.

Вторая Мировая война ещё более сближает исторические судьбы двух великих держав. В ней русские и китайцы оказались самыми пострадавшими нациями, потерявшими больше всего своих соотечественников. Именно территории России и Китая, так и «не переваренные» Западной цивилизацией, выглядели «бесхозными» и наиболее привлекательными в глазах молодых колониальных хищников — Германии и Японии. Именно народы России и Китая, не приобщившиеся к западным ценностям, были объявлены «недочеловеками», подлежащими уничтожению.

В результате России пришлось вынести основную тяжесть войны на европейском театре военных действий, а Китаю — на азиатском. Такой тезис может показаться небесспорным: как можно сравнивать роль китайской армии с ролью советской? То, что на советско-германский фронт пришлось примерно 75 % потерь вермахта и его союзников, нам известно с детства, а про борьбу китайцев против японской армии мы имеем самое поверхностное представление. Практически все слышали про Пирл-Харбор и Хиросиму, более образованная часть публики наслышана про Гуадалканал, Мидуэй и Окинаву — всё это боевые акции американцев. Что в это время делал Китай — в сознании большинства соотечественников покрыто мраком. Это проявление тяжкой формы евроцентризма, когда всё, что происходит вне Западной цивилизации, оказывается на периферии внимания или вовсе выпадает из поля зрения. По той же самой причине львиная доля американцев имеет самое смутное представление о роли России в победе над Гитлером.

Даже в самые критические моменты кампании на Тихом океане, Япония держала на Китайском фронте до 70 % своей действующей сухопутной армии. Данные о потерях, понесённых войсками императора Хирохито, довольно противоречивы и разнятся в зависимости от источников, но весьма правдоподобные усреднённые цифры говорят, что почти половина японских солдат, не пришедших со Второй Мировой войны, нашли свою могилу в Китае. А ведь в антияпонской коалиции действовало не менее двенадцати союзников. Это значит, что китайская армия нанесла противнику примерно такой же урон, как одиннадцать других, вместе взятых.

Потери же самого китайского народа во Второй Мировой войне были просто огромными. Жители прифронтовых провинций страдали не толь-

ко от осколков, пожаров и бомб, но в ещё большей степени от специфических «рисовых наступлений», разрушения ирригационных систем, гибели урожая, голода. Ежегодно в зоне боевых действий погибало от 2 до 3 миллионов мирных жителей. Оценки общего числа безоружных жертв восьмилетней войны находятся в диапазоне от 10 до 17 миллионов человек.

Жертвы этой страшной войны оказались взвешены не только на весах утрат. Понеся наибольшие потери, именно русские и китайцы (кстати, как и пережившие холокост евреи) добились наибольших положительных перемен в своём глобальном статусе. Советский Союз из «медвежьего угла» вселенной превратился в мировую сверхдержаву, а Китай восстановил полноценный суверенитет, утраченный столетием прежде, и вошёл в формальную пятёрку мировых лидеров.

Почему же полвека тесного переплетения судеб, - в революционных бурях и во Второй Мировой войне, - не увенчались стабильным союзом между коммунистической Россией и коммунистическим Китаем? Именно потому, что обе революции носили не чисто социальный, но в значительной мере цивилизационный характер. Обе цивилизации, используя новые общественные технологии, стремились утвердить свою самобытность перед лицом глобальной западной экспансии. Пробуждённые революциями национальные чувства были напоены обострённой жаждой цивилизационного суверенитета. Эта жажда не позволяла китайцам, избавившись от «старших партнёров» в лице Великобритании, Японии, США, смириться с появлением нового «старшего партнёра» в лице СССР. Кроме того, сказались огромные культурные различия двух цивилизаций — Восточно-христианской и Дальневосточной, — ранее практически никогда не взаимодействовавших друг с другом.

В конце двадцатого века соотношение сил между Москвой и Пекином стремительно изменилось. Теперь все основания для гегемонии в возможной коалиции имеет Китай. Настала наша очередь проявлять осторожность.

Однако, несмотря на почти десятикратную разницу демографических потенциалов, масштабы «китайской угрозы» не стоит преувеличивать. Подобно тому, как в физике сила определяется формулой $F = m \times a$ (где m — это масса, а — ускорение), так в геополитике сила экспансии зависит не только от людской массы, но и от мировоззренческих амбиций. Китай никогда не отличался агрессивностью, избегая фронтальных столкновений со сколько-нибудь значимыми соперниками. За несколько ты-

сяч лет своей истории китайцы ни разу не предпринимали масштабных захватнических войн, хоть сколько-нибудь похожих на агрессивные усилия западных держав. В рейтинге миролюбия Китайская цивилизация занимает, пожалуй, почётное второе место после Индийской. Поэтому, на мой взгляд, подсознательный страх перед возможностью китайского нашествия, столь характерный для советского сознания семидесятых, выглядит совершенно беспочвенно³.

Евроцентричное мышление не раз заставляло народы мира делать роковые ошибки. Так, французы и поляки накануне Второй Мировой войны больше опасались русских, чем немцев, а русские накануне перестройки больше опасались китайцев, чем американцев. Но беда всякий раз приходила с Запада, а не с Востока.

Глубокие культурные различия двух цивилизаций вряд ли позволят России и Китаю обеспечить нужный уровень единства и взаимопонимания, чтобы создать прочный союз единомышленников. Сотрудничество азиатских гигантов — скорее, «оборона спина к спине», чем «жизнь рука об руку». Поэтому ШОС обречён на рыхлый характер, в отличие от слаженного механизма НАТО (где налицо и цивилизационное единство, и присутствие бесспорного лидера).

Тем не менее, ценность ШОС для строительства многополярного мира нельзя недооценивать. Это своеобразный клуб непокорившихся Западу государств. Многозначительно, что статус наблюдателей в организации попросили Индия, Иран, и даже Пакистан (до определённых пор следовавший в фарватере американской политики). Обратим внимание: в этой палитре представлены почти все исторически сложившиеся незападные цивилизации планеты, - не считая формирующихся: Латиноамериканской и Африканской.

Если проводить параллели с эпохой Холодной войны, то ШОС напоминает скорее не коммунистический лагерь, а движение неприсоединения. Организация не ставит задач глобальной экспансии, но подчёркивает свою независимость от единственного на планете центра экспансивной силы. Такой тип объединения вполне соответствует духу эпохи, так как, несмотря на сохраняющиеся амбиции, Запад с середины двадцатого века

³ Точно так же беспочвенно выглядели истерические страхи европейцев перед «советской угрозой». Русское сознание испытывает родовой пиетет перед Западом, как перед сестринской цивилизацией, что табуирует строительство планов масштабной агрессии. Запад же, напротив, никаких похожих родственных чувств к России не питает.

слабеет и теряет потенциал для глобального доминирования. Вполне возможно, что скоро для его сдерживания не потребуется никаких альтернативных военных блоков типа Варшавского договора.

В случае дальнейшего расширения (в частности, удовлетворения заявок, поступивших от ядерных держав среднего Востока) ШОС может стать школой будущего многополярного мирового сотрудничества. Потребность в реально многополярной глобальной организации становится тем выше, чем чаще Запад пытается использовать для удовлетворения своих односторонних интересов Организацию Объединённых Наций.

Тогда в ШОС будет формироваться архитектура альтернативного миропорядка, не признающего доминирования единственной цивилизации. Западные лидеры вряд ли сумеют помешать этому. Скорее всего, им придётся смириться с тем, что в мире больше никогда не будет «наций-демиургов» и «наций-подмастерьев».

Такое развитие событий станет логичным продолжением того пути, на который ступило человечество в результате исторической Победы 1945 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неутихающие дискуссии вокруг обстоятельств и результатов Второй Мировой войны – это не спор о прошлом. Это спор о будущем.

После поражения СССР в Холодной войне возникла иллюзия, что Запад может влить новое вино в ветхие меха своего глобального доминирования. Особенный энтузиазм испытала внутренняя фронда нашей (Российской, Восточно-христианской или Евразийской) цивилизации. Западным прозелитам показалось, что появился шанс покончить с феноменом Русского мира, осуществив полную ассимиляцию нашего общества.

Центральным актом в сломе русского культурного кода виделся полный переворот в отношении к Великой Отечественной войне. Не случайно флагман исторической ревизии Резун заявил, что «единственную опору общества» он «вышибает из-под ног, как палач вышибает табуретку». Речь шла действительно о казни, о смертном приговоре особому культурно-историческому явлению по имени Россия.

Победа 1945 года — это крупнейшее деяние нашей цивилизации, по своему историческому значению, по глубине своего смысла превосходящее любые иные деяния людского рода. Память о ней, гордость за неё, ощущение её как источника внутренней силы и правоты составляет отныне стержень нашего национального самосознания.

Именно поэтому Победа оказалась под прицелом шквальной пропагандистской кампании. Заставить нас стыдиться своих потерь, стыдиться поведения наших солдат, стыдиться советских героев и полководцев, приравнять Россию и гитлеровский рейх, усадить победителей на позорную нюрнбергскую скамью, — эта программа продолжает осуществляться с циничной настойчивостью, невзирая на факты и моральные принципы.

Появление ядерного оружия сделало прежние, горячие войны за ресурсы невыгодными. Войны современных конкистадоров переместились в иную, информационную сферу. В этих условиях интеллектуальные столкновения вокруг Второй Мировой — не забава историков и архивистов. Это продолжение той же самой войны, за те же самые цели и ценности, но уже другими средствами.

Пришло наше время отстаивать право людей, не принадлежащих западной цивилизации, на человеческое достоинство. Не посрадим же памяти наших дедов.

Научно-популярное издание
Владимир Тимаков

Война, которая изменила мир

Дизайн и верстка Алексей Кудрявцев
Корректор Юлия Шпилева

Подписано в печать ___ Формат ___
Печать офсетная. Тираж ___ экз. Усл. печ. л. ___

ООО «Арт-холдинг «Медиарост»
152903, Ярославская обл., г. Рыбинск,
ул. Глеба Успенского, 2а.
Тел. / факс (4855) 25-05-63,
www.mediarost.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Чеховский Печатный Двор», 142300,
Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1, www.chpd.ru

Заказ № ___